

TARTU ÜLIKOOL
VENE KEELE ÕRPETOOL
ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ
И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ЛИНГВИСТИКА

Новая серия
III

Язык диаспоры:
проблемы и перспективы

ТАРТУ 2000

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ
И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

ЛИНГВИСТИКА

TARTU ÜLIKOOL
VENE KEELE ÕPPETOOL
ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ
И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ЛИНГВИСТИКА

Новая серия
III

Язык диаспоры:
проблемы и перспективы

TARTU ÜLIKOOLI
KIRJASTUS

Редколлегия: Е. Бразаускене, С. Евстратова, Е. Костанди,
Ю. Кудрявцев, И. Кюльмоя (отв. редактор), Т. Лигута

Технический редактор: О. Паликова

© *Статьи и публикации:* авторы, 2000

© *Составление:* Кафедра русского языка Тартуского
университета, 2000

Tartu Ülikooli Kirjastus / Издательство Тартуского университета
Тийги 78, Тарту 50410
Эстония

Tellimus nr. 403

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Основу третьего тома новой серии “Трудов по русской и славянской филологии” составили материалы двух конференций “Язык диаспоры: проблемы и перспективы”, проведенных кафедрой русского языка Тартуского университета в 1997 г. и кафедрой русского языка Вильнюсского университета в 1998 г. В докладах, сделанных на обеих конференциях, рассматривалось развитие русского языка в иноязычном окружении, преимущественно в странах Балтии, освещались проблемы языка средств массовой информации, образования на русском языке и особенности речи учителей и школьников.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКА ДИАСПОРЫ

Н. А в и н а (Вильнюс) Польско-белорусские заимствования в устной русской речи в г. Вильнюсе	13
Е. А к и м о в а (Шяуляй) Этнокультурная специфика языкового сознания русских Литвы: экспериментальное исследование	23
Н. А л е к с е е в а (Вильнюс) Словообразовательные особенности антропонимов старообрядцев северо-восточной Литвы	31
Ж. Б и р и л л о (Вильнюс) Имена собственные и динамика фоновых знаний	37
А. Ж а р к о в а (Вильнюс) Родная речь русских в Литве (проблемы нормативности)	47
Е. Е. К о р о л е в а (Даугавпилс) Диалектные черты городского просторечия Даугавпилса	54
Ю. С. К у д р я в ц е в (Тарту) Древнейшие русско- эстонские языковые контакты	65
А. М. К у з н е ц о в (Даугавпилс) Перспективы русского языка в Латвии	77

И. К ю л ь м о я (Тарту) Специфические черты языка русской диаспоры Эстонии	84
А. Л и х а ч е в а (Вильнюс) Конфликт речевой практики и языкового сознания	94
Н. М я р к е н е (Шяуляй) Социолингвистические аспекты речевой деятельности русских Литвы	103
Ю. П р о х о р о в (Москва) Социокультурные стереотипы речевого общения и их реализация вне языковой среды: теоретические и методические аспекты	108
А. Р о г а ч е в с к и й (Великобритания) Из наблюдений над устной речью русской диаспоры в Великобритании.....	120
Б. С и н о ч к и н а (Вильнюс) Проблемы номинации: новое и старое в русском языке Литвы	126
В. Ч е к м о н а с (Вильнюс) Об основных этапах социолингвистической истории старообрядчества Литвы	135
В. Щ а д н е в а (Тарту) Функции англицизмов в русской речи.....	148

II

ЯЗЫК СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

С. Е в с т р а т о в а (Тарту) Особенности функционирования лексики в русскоязычной прессе Эстонии	159
Н. К л о ч к о (Рига) Эмоциональные профили русских политических дискурсов в России и Латвии	166
Е. М. К о н и ц к а я (Вильнюс) Некоторые синтаксические особенности кратких новостей в русской прессе Литвы	176
Е. К о с т а н д и (Тарту) Некоторые особенности социокоммуникативной обусловленности порядка слов (на материале русской прессы Эстонии).....	187

Э. Л а с с а н (Вильнюс) О прагматиконе русской политизированной личности в Литве	195
Л. Г. П а в л о в с к а я (Лиепая) Фразеологизмы в заголовках русских латвийских газет	205

III ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Е. Б р а з а у с к е н е (Вильнюс) Культура русской речи в Литве (анализ речи учителей русских школ)	217
Е. Г а в и н а (Паневежис) Сумеет ли мы воспитать любовь к родному (русскому) языку?	225
Э. Г о р о х о в с к а я (Даугавпилс) Речевая деятельность как содержание обучения (из опыта разработки учебно- методического комплекса)	235
А. К о в т у н (Вильнюс) Культурно-интегрирующая роль русской литературы в условиях диаспоры	245
Ж. Л е ч и ц к а я (Вильнюс) Диаспора: содержание обучения родному языку	254
Т. Л и г у т а (Латвия) Образование на русском языке как средство интеграции общества Латвии	260
Е. М а р ч е н к о (Рига) Концепция учебника русского языка как иностранного в средней школе Латвии	270
Н. П. Т р о ф и м о в а (Даугавпилс) Русский язык в школах Латвии	276

I

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКА ДИАСПОРЫ

ПОЛЬСКО-БЕЛОРУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В УСТНОЙ РУССКОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ ВИЛЬНЮСА

Н. АВИНА

В последние годы в лингвистике отмечается интерес к национально-культурной специфике речи и поведения людей. В этой связи привлекает внимание русская речь в инациональном окружении, в частности — речь русских, живущих в Литве. Литовский, а также в определенных районах польский, белорусский языки и их диалекты оказывают значительное влияние на русский язык. В данной работе рассматриваются польско-белорусские заимствования, отмечающиеся в различных разновидностях устной речи русских в г. Вильнюсе. Материалами исследования являются магнитофонные и блокнотные записи, сделанные в условиях непринужденного общения.

Проблема заимствования является комплексной и многоаспектной [Крысин 1995], однако в нашей работе заимствования рассматриваются в основном в функционально-стилистическом и социально-психологическом аспекте, но не историко-этимологическом. Выявление происхождения слова не входит в круг задач, поэтому констатируется лишь факт принадлежности определенного слова к польскому и белорусскому языкам.

Наиболее интенсивному воздействию контактирующих языков подвергается речь людей с невысокой языковой культурой, а именно — носителей просторечия. Под просторечием, вслед за рядом исследователей, понимается “ненормированная, социально ограниченная речь горожан, находящаяся за пределами литературного языка” [Капанадзе 1984: 5]. Судя

по нашим наблюдениям над русским просторечием Вильнюса, в нем преобладают именно польско-белорусские заимствования [Авина, Буренина 1994]. Заимствование представляет собой процесс, в котором взаимодействуют собственно языковые и неязыковые факторы. В ряду лингвистических факторов, обусловивших специфику вильнюсского просторечия, наиболее важным представляется следующий: значительную часть населения Вильнюса составляют жители славянских национальностей. Кроме того, исследуемые информанты нередко состоят в смешанных браках (русско-польских, русско-белорусских), что, безусловно, также определяет своеобразие их речи. В Вильнюсском районе взаимодействуют литовский, русский, местные диалекты белорусского, польского (так называемая “простая мова” — причудливая смесь польских и белорусских говоров) и их литературные варианты.

Нашими материалами также подтверждается тот факт, что в Литве “наиболее ярко речевое взаимодействие наблюдается в речи старшего поколения” [Михальченко 1984: 203]. Поэтому информантами были выбраны коренные жители Вильнюса или люди, приехавшие сюда несколько десятилетий назад, с невысоким уровнем образования, в основном рабочие, в возрасте 50–70 лет, а также вильнюсцы 20–50 лет, владеющие нормой литературного языка.

Влиянию контактирующих языков подвергаются практически все языковые уровни, но, как известно, наиболее частый и типичный вид языкового заимствования — лексическое. Широко распространенными являются следующие лексико-семантические группы польско-белорусских заимствований:

эмоционально-экспрессивная лексика, и прежде всего — экспрессивные наименования человека, как правило, с отрицательной оценкой:

Ах я недоля, я ж молоко на плите оставила! (бел. *нядоля*, пол. *niedola* ‘горе, несчастье’); *Всегда такой брудаской была* (пол. *brudaska* ‘неряха’);

частотны также эмоционально-экспрессивные определения человека, реже — предмета:

Там один сват такой **гадульский** попался, ну прям умрешь со смеху! (пол. *gadulsky* 'болтливый'); У дочки сапоги хорошие, **штывные** (пол. *sztynny* 'жесткий, твердый', здесь — 'прочный');

наименования предметов быта:

Дай мне **слоик** поменьше (бел. *słoik* 'стеклянная банка', пол. *słoja*); Поддай мне **пруток** потоньше (бел. *пруток* 'спица'); **Сходки** раньше деревянные были (бел. *сходы*, пол. *schody* 'лестница'); Выкинь ты эти **лохманы**! (бел. *лахманы* 'тряпье'); Раньше **фарбы** натуральные были (бел. *фарба*, пол. *farba* 'краска');

наименования одежды и ее деталей, украшений:

Фальбоны я буду пришивать в самом конце (бел. *фальбона*, пол. *falbana* 'оборка'); Платье с **камизелькой** (бел. *камізэлька*, пол. *kamizelka* 'жилет'); Кофточка с **гафтом** (бел. *гафт*, пол. *haft* 'вышивка');

наименования родственных отношений:

Швагер со **швагеркой** вчера заходили (бел. *швагер*, *швагерка*, пол. *szwagier*, *szwagierka* 'свояк, свояченица'); К **братовой** зайти надо (бел. *братова*, пол. *bratowa* 'жена брата'); У меня хорошая **тестева** (бел. *цесцева*, пол. *tesciowa* 'теща'); **Свекрова** рано умерла (бел. *свекрова* 'свекровь');

наименования кушаний:

Оставь мне эту **лыточку**, я ее потом съем (бел. *лытка*, пол. *lydka* разг. 'ножка'); кумяк (бел. 'окорок');

наименования природных явлений:

В тот день такая **улева** была (пол. *ulewa* 'ливень'); Сверху ничего не идет? **Мигла** какая? (бел. диал. *мігла* 'изморось', лит. *migla*);

наименования болезней, физического состояния человека:

У меня сегодня очень сильная **задышка** (бел. *задышка*, пол. *zadyszka* 'одышка'); Ой, какой **гуз** выскочил! (бел. *гуз*, пол. *guz* 'шишка от ушиба');

наименования отвлеченных понятий:

Такой уж ее **лѣс**! (бел. *лес*, пол. *los* 'судьба'); Одни **выдатки** мне от этой дочки (бел. *выдаткі*, пол. *wydatek* 'расходы'); Обед на **кожисть** пошел (пол. *korzysc* 'польза').

Существенную группу лексических заимствований, таким образом, составляют имена существительные. Заимствований,

относящихся к другим частям речи, значительно меньше. Так, глагольные займствования образуют некоторые лексико-семантические группы, в которых глаголы называют конкретные действия — *расхаратать* ('разбить'), *гандлевать* ('торговать'), действия, совершаемые в быту — *пошаровать* ('потереть'), *обпариться* ('ошпариться'), речевые действия — *умовиться* ('договориться'), глаголы состояния — *снить* ('видеть во сне') и изменения признака — *побольшесть* (бел. *большаць* 'увеличиваться, становиться больше'), глаголы, обозначающие церковные обряды — *постить* ('соблюдать пост'). Имена прилагательные в ряду польско-белорусских займствований составляют малочисленную группу: *весковый* 'деревенский', *кожистный* 'полезный', *небеспечный* 'небезопасный', *шаленый* 'бешеный', *зимовый* 'зимний' и нек. др.; единичны наречия — *марудно* 'кропотливо', союзы — *але* 'но'.

В русском просторечии Вильнюса отмечаются также фразеологические займствования:

На добрый толк, штукатуришь бы надо сначала, а потом плитку класть ('по правилам').

Часто в качестве опорных слов выражения выступают слова *память, беда*:

Совсем с памяти сбилась ('забыть, перепутать'); *Как это мне в память удалось* ('остаться в памяти'); *Вот беду имею, ни на шаг не отстаю от меня* ('вот беда'); *Ну, беда большая, не сегодня, так завтра придет* ('невелика беда').

К подобным выражениям примыкают словосочетания, являющиеся составной частью некоторых синтаксических конструкций, напр. *мало что...* ('неважно то, что'); *так же само, как...* ('точно так же'):

Мало что он рыжий; мало что он пьяный, может, душа у него хорошая; У него двойку легко было получить, так же само, как и пятерку.

Наряду с лексическими, в просторечии существенны синтаксические займствования из контактирующих языков. Своеобразной отличительной приметой русской речи в Литве являются фразы типа "(не) иметь + род. падеж имени":

Настроения не имею; А: *Дай лит!* Б: *Не имею*; *Еще имею чем краситься.*

Глагол *иметь* часто используется в форме сложного будущего времени: *Вы не будете иметь время?* Высокоупотребительны также конструкции с беспредложным дательным падежом имени (вместо русск. “у + род. пад. имени + глагол”):

Мне зуб болит; *Мне не получилось приехать*; *Ну как, тебе идет учеба?*

В употреблении с глаголом *есть* отмечаются формы родительного падежа существительного вместо именительного:

А: *Книжку бы почитала.* Б: *Работы без книжки есть*; *Есть бурачков неплохих, может, купим?*

Распространены также словосочетания, представляющие собой синтаксические кальки:

Много где была в молодости (лит. *daug kur*, пол. *dużo gdzie*, бел. *шмат дзе*); *Нет кого звать* (‘некого’); *Нет за что* (‘не за что’); *Много что надо купить* (‘многое’); *Нет кому прийти* (‘некому’); *Нет чего читать* (‘нечего’) и др.

Рассмотренные синтаксические конструкции свойственны параллельно литовскому, польскому и белорусскому языкам, и этим обусловлена их широкая распространенность в региональной русской речи, причем подобные употребления зафиксированы также в средствах массовой коммуникации.

Польско-белорусское влияние в синтаксисе затрагивает преимущественно употребление предлогов:

Ходит под шляпой, ходит под галстуком (бел. пад ‘в’); *Нам за две недели будет девять лет, как живем в этом доме* (бел. за, пол. *za* ‘через’, имеющее не только пространственное, но и временное значение); *Он еще при Польше отсюда уехал*; *При Литве так было* (‘во времена’); *И при столе разговаривали об этом* (‘за столом’); *Ездили на Белоруссию* (‘в’).

Частотны случаи глагольного управления творительным падежом существительного вместо винительного с предлогом *в*: *Таким днем мороженое не едят*; *Ходили гулять дождем*. При лексическом заимствовании сохраняется и соответствующее глагольное управление: *Бедуй за маленькими детьми* (бел. *бедаваць* ‘горевать’).

На уровне словообразования становится продуктивной приставка *за-* в образовании прилагательных и наречий: *загорячий, заузкий, замного, замало* и мн. др. (подобные образования функционируют во всех контактирующих языках, например: бел. *замного*, пол. *zanadto*, лит. *perdaug*). В ряду заимствований особую продуктивность проявляют глагольные словообразовательные типы с приставками *от-*, *с-*:

Только потом отпомнилась, что хлеба забыла купить ('вспомнить, опомниться'); *Я ему в письме отписала, что приеду* ('ответить'); *Дом отписали на племяннику* ('зарегистрировать'); *Не переживай, я тебе такую же кофточку откуплю* ('купить взамен'); *Ты мне яичницу спекла?* ('испечь'); *Сговориться можно с ней и по-русски* ('договориться'); *Я опять снервничала* ('понервничать'); *В церкви споведается* ('исповедоваться'); *Сфастриговать юбку* ('сметать').

По аналогии с продуктивной моделью польского языка, в русском языке появляются имена существительные, обозначающие лицо женского пола, с суффиксом *-ов(а)*: *Ты шефовой дозвонилась?* (пол. *szefowa* 'шефиня').

На морфологическом уровне влияние незначительно и связано в основном с системой склонения существительных — мужских имен на *-а(-я)* в белорусском языке (*Гуляли с Женьком и Витьком; Разговаривали с Колем*). К тому же в просторечии, как отмечает А. Ф. Журавлев, наблюдается тенденция к монотипизму, выражающаяся в активном действии аналогии, в устранении периферийных звеньев на различных участках языковой системы [Журавлев 1984]. Возможно, этим и определяется унификация склонения подобных мужских имен (*Женька, Витька, Коля*) аналогично мужским именам с нулевой флексией. Под влиянием белорусского языка также может меняться родовая принадлежность слов: *Собака большой побежал* (бел. *сабака* м.р.).

Особые черты формируются в произношении некоторых русских жителей Литвы. Например, польско-белорусским влиянием характеризуется реализация фонем [т'], [д'] в мягких аффрикатах в словах типа *тетя, дядя*; [шч] на месте [ш'] (*бори*). Местные языки оказывают влияние на произношение

слов — *картошка со скварками* (бел. 'шкварка'), перемещение ударения — *ску́ла* (бел.).

Польские интонационные модели оказывают влияние на интонационные, ритмико-мелодические стороны русской речи. Особенно ярко это проявляется в общевпросительных моделях высказывания: *Ты за мной вечером заеде-ешь?* При этом конечное слово фразы характеризуется длительностью, силой, высотой основного тона — мелодия восходящая. Часто в подобных конструкциях используется обращение, которое характеризуется замедленным произнесением и нисходящей мелодией: *Света-а, в магазин сходи-ишь?*

Польско-белорусские заимствования, доминирующие в русском просторечии, фиксируются и в других сферах использования русского языка, в том числе иногда и в средствах массовой коммуникации (например, в речи телеведущей информационной программы — выступление *ксёндза*). Аналогичные примеры часто встречаются в устной разговорной речи людей, владеющих литературной нормой. Так, студентка рассказывает о себе: *Нет, я не русская, я мешаная; Моя матуля — лучшая подружка*. В некоторых бытовых номинациях заимствованные эквиваленты даже доминируют: например, покупая в магазине или на рынке грудинку, русские просят часто *бочек* (пол. *boczek*) или *шонине* (лит. *šoninė*), а покупая филейную вырезку — *полендвичу* (пол. *polędwica*). Нередко, как элемент языковой игры, звучит польское вкрапление *Wszystko w porządku* ('все в порядке').

Использование польско-белорусских заимствований в той или иной степени характерно для многих жителей Вильнюса. Фактическое тому подтверждение — проведенное анкетирование в виде вопросника, включающего зафиксированные в бытовом общении выражения с польско-белорусскими заимствованиями на различных языковых уровнях (большинство примеров рассматривалось выше). Предлагалось ответить на два основных вопроса: "Употребляете ли такие выражения в своей речи?" и "Если не употребляете, то знаете ли это слово (словосочетание)?" Ответы были даны 55 русскими информантами, из них 30 студентов-русистов II курса и 5 магистрантов Вильнюсского педагогического университета (в основном — жите-

ли Вильнюса), остальные информанты — жители Вильнюса в возрасте от 30 до 50 лет, люди со специальным средним или высшим образованием различных профессий — преподаватели, лаборанты, библиотекарь, инженер, редактор и др.

Как свидетельствуют результаты проведенного анкетирования, абсолютное большинство информантов эти слова понимает, но в своей речи не употребляет. Некоторые примеры оказались употребительными в речи многих информантов: *пос-тить*, *снить*, *кумняк*, *сговориться*, *але*, *редкий* 'жидкий' (*суп редкий*), *летний* 'теплый' (*вода летняя*); устойчивое выражение *мало что*; производные с приставкой *за-* и др.

Не употребляемыми в речи, но общеизвестными для подавляющего большинства информантов являются следующие выражения: *найтись* 'появиться' (*у ребенка на теле прыщики на-ились*), *кругом* — предлог 'вокруг' (*гуляли кругом домов*), *от-писать*, *мешаный*, *так же само*, *пошаровать*, *спечь*, *снервни-чать*, *споведаться*, словосочетания типа *таблетки на сон*, *на желудок*, *на кашель* в значении 'для'; бытовые наименования — *шуфлядка*, *гуз*, *фотель*, *камизелька*, а также целая группа слов, обозначающих родственные отношения: *матуля*, *швагер*, *швагерка*, *тестева*, *братова*, *свекрова*.

Некоторые слова в вопроснике оказались известными лишь для нескольких информантов; это в основном полонизмы: *ра-мены* 'плечики', *реставрация* 'ресторан', *гапа* 'разиня', *шмин-ки* 'губная помада', *кожисть* 'польза', *кожистный*, *гандлярка* 'торговка', *умовиться*, *марудно*, *улева*, *брудаска*, *штывный*, *гадульский*, *лёс*, *выдатки*, *гафт*, *фарбы*. Подобный факт позволяет сделать предположение, что существенное влияние на русский язык Вильнюса оказывает именно польско-белорусский диалект Вильнюсского края, а не польский язык или белорусский язык в отдельности.

Частотность использования польско-белорусских заимствований в речи информантов зависит от ряда факторов. Эти употребления характерны прежде всего для информантов, живущих в Вильнюсе или Вильнюсском районе (один из информантов живет в Висагинасе, но часто бывает в Беларуси), нередко — в смешанных семьях, при этом информанты знают в определенной степени польский, белорусский язык или диа-

лект. На вопрос: “В чьей речи и где слышите подобные примеры?” — информанты отвечают: “В речи поляков и белорусов, у местных жителей Вильнюсского района, в речи пожилых малообразованных людей, на улице, в деревне”; один информант ответил: “В речи бабушки-староверки”. Используют же информанты подобные выражения в бытовом общении с родителями, родственниками, друзьями, знакомыми, соседями, которые являются носителями местного польско-белорусского диалекта. В основном употребление таких слов является осознанным. Приведем ответ магистрантки: “Понимая все минусы подобных употреблений, использую данные заимствования и просторечные формы в общении с бабушкой и людьми ее поколения”. Некоторые информанты ответили, что подобные выражения используют в шутку, как прием языковой игры в разговорной речи.

На вопрос: “Как вы относитесь к подобным употреблением?” — подавляющее большинство информантов дает отрицательный ответ, поскольку такие слова “снижают культуру речи, делают речь ненормированной”, “засоряют русский язык”, “режут слух”, “это типичная болезнь Вильнюсского района”, “это смешно”. Другая группа информантов более терпима к этим словам: они “раздражают, но иногда в разговорной речи допустимы”, “снисходительно отношусь”, “это распространено в Литве, простой народ так говорит”. Наконец, третья и немногочисленная группа информантов (в основном те, частотность использования заимствований у которых выше) относится к подобным употреблением “довольно спокойно”, “нормально”, “нейтрально” и даже приветствует подобные выражения: “Это оживляет речь”.

Ответы студентов в основном совпадают с ответами информантов старшей группы, выделяющих те же используемые в речи слова. Таким образом, каждый из информантов в собственной речи употребляет немного заимствований, хотя большинство информантов слышит и понимает их. При этом некоторые примеры характеризуются высокой частотностью и создают некий местный колорит русской речи. Нам представляется, что еще одной причиной функционирования некоторых частотных заимствований является стремление к речевой эко-

номии: не *выдвижной ящик*, а *шuffleдка*, не *видеть сон*, а *снить*, не *соблюдать пост*, а *постить*, не *испечь*, а *спечь*.

Следует отметить, что довольно часто заимствованная просторечная лексика является стилистически сниженной и в языке-источнике. Например, в толковых словарях белорусского языка подобные слова приводятся с пометой “разг.”: *Туфли купили, а они замаленькие*; *Вода была горячая, а сейчас летняя*. Существенна связь вильнюсского просторечия с русскими народными говорами. Многие примеры, отмеченные нами в просторечии, встречаются также в диалектах: *у девочки прыщики нашлись* (найтись ‘появиться’); *где-нигде* ‘кое-где’, *але* и т.д. [Немченко, Сеница, Мурникова 1963].

Таким образом, собранный нами материал позволяет говорить о широком включении польско-белорусских заимствований в устную речь русских жителей Вильнюса. Региональные элементы наблюдаются на всех языковых уровнях, но наиболее распространены лексические, а также синтаксические заимствования.

ЛИТЕРАТУРА

- Авина Н. Ю., Буренина Л. М. 1994 — Социолингвистический анализ устной русской речи жителей г. Вильнюса. *Родной язык*. № 2.
- Журавлев А. Ф. 1984 — Иноязычные заимствования в русском просторечии (фонетика, морфология, лексическая семантика). *Городское просторечие. Проблемы изучения*. Москва.
- Капанадзе Л. А. 1984 — Современное городское просторечие и литературный язык. *Городское просторечие. Проблемы изучения*. Москва.
- Крысин Л. П. 1995 — Языковое заимствование: взаимодействие внутренних и внешних факторов (на материале русского языка современности). *Русистика сегодня*. Москва. № 1.
- Михальченко В. Ю. 1984 — *Проблемы функционирования и взаимодействия русского и литовского языков*. Вильнюс.
- Немченко В. Н., Сеница А. И., Мурникова Г. Ф. 1963 — *Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики*. Рига.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ РУССКИХ ЛИТВЫ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Е. АКИМОВА

Одним из объектов, изучение которого может вскрыть особенности образа мира, присущего тому или иному этносу, является сознание человека, зафиксированное посредством языка. Именно в значениях, которые “производятся” обществом, но функционируют в деятельности и сознании конкретного человека, мы можем искать особенности мироощущения и самооценки представителя того или иного этноса.

Существуют различные экспериментальные способы выявления специфики языкового сознания носителей конкретной культуры [Акимова 1994: 32]. Среди них особое место занимает т.н. ассоциативный эксперимент. Именно он использовался нами с целью определения национальных особенностей, отражающихся в языковом сознании русских Литвы (далее — РЛ). По нашему мнению, этот эксперимент позволяет взглянуть на характер ценностных ориентаций РЛ в мире, помогает выявить элементы, входящие в их “образ мира”, в конце концов, помогает познать РЛ самим себя в современном состоянии их души и решить, хотят ли они оставаться такими или нет.

МЕТОДИКА АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

В эксперименте участвовали студенты русской национальности Шяуляйского университета, а также студенты и абитуриенты русских школ и вузов, проживающие в Клайпеде, Паневежисе, Тельшяе, Висагинасе, Каунасе, Друскининкае и т.д.

Каждому испытуемому предъявлялись в виде списка слова-стимулы: *человек, дом, жизнь, друг, деньги, работа*, т.е. слова, свидетельствующие о медленно изменяющемся слое сознания — фундаментальные категории человеческого бытия. Далее испытуемых просили рядом со словом-стимулом написать первое пришедшее в голову слово-реакцию. Так было опрошено 283 человека в возрасте от 17 до 22 лет.

РЕЗУЛЬТАТЫ И АНАЛИЗ ДАННЫХ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Наш анализ содержания ядра языкового сознания РЛ показал, что для слова ЧЕЛОВЕК особенно актуальны ассоциации *существо-31, обезьяна-13, животное-7; человек умный-10, хороший-10, добрый-4, разумный-3, красивый-3, плохой-3*. Он есть *организм-2, разум-2, homo sapiens-3, создание-3*, а также *любовь-2, зло-3*. РЛ в человеке, в первую очередь, видит себя — я-7.

Присущая русскому менталитету своеобразная планетарность мышления [Уфимцева 1996: 145] выражается в том, что человек соотносится (правда, достаточно слабо) с такими понятиями, как *инопланетянин-1, землянин-1, венец природы-1, венец творения-1, бог-1, сотворение мира-1, мир-2, разум Вселенной-2*.

Человек для РЛ — это чаще представитель мужского пола, а не женского. Он *мужчина-5, мужик-2* и только один раз *мать-1*.

Достаточно редко он воспринимается как *личность-2, будущее народа-1* и как *товарищ-1* и никогда не воспринимается как *друг, брат, гражданин*.

Слабо связаны в языковом сознании РЛ с понятием ЧЕЛОВЕК слова с отрицательной оценкой: *козел-1, осел-1, кролик-1, обезьяна-1, псих-1, дурак-1*. Все-таки чаще человек — *это звучит гордо-4*, это *гордость*, его можно *увидеть-1*, с ним можно *жить-1*, к нему обращаются с просьбой — *не будь зверем!-1*.

Стимул ЧЕЛОВЕК вызывает очень много единичных реакций, описывающих качества признаки (чаще положительные, реже — отрицательные) и части тела человека: *дорогой мой-1, гордый, нормальный, богатый, интересный, любимый, знакомый, талантливый, простой, низкий, смелый, честный, се-*

рвезный-1; глупый, пещерный, грязный-1 и зубы, голова, волосы, кости, глаза-1.

Из 283 человек, участвовавших в ассоциативном эксперименте, 23 студента (8,4%) не дали ответа. Бóльшая часть ответов — существительные: 184 (65%). Прилагательные составляют 59 ответов (20,8%). Оставшиеся 40 ответов (14,1%) — глаголы, наречия, местоимения. Всего на слово-стимул ЧЕЛОВЕК было дано 119 различных реакций.

Думается, что интересным для раскрытия образа мира русских Литвы является понятие ЖИЗНЬ. Прежде всего *жизнь* соотносится со *смертью-48*. *Жизнь* — это *любовь-12* и *счастье-8*, для одних она *долгая-9*, *длинная-3*, для других — *короткая-6*. *Жизнь* — это *радость-3*, *свет-5*, *свобода-4*, *смысл-4*, *здоровье-2*, *веселье, вера-2, класс!-2, ура!-2*. Но *жизнь* есть *плохая-3, трудная-2*, ибо она *дерьмо-8, жестянка-2, игра-2, ничто-2*. К сожалению, только в нескольких случаях зафиксированы реакции *жизнь — работа-2, труд-2*.

На слово-стимул ЖИЗНЬ было дано 164 реакции (54,5%) с индексом частотности от 48 до 2; 23 анкеты без ответа (8%) и встретилось 74 единичных ответа (37,5%).

Среди единичных ответов выделяется группа наречий и кратких прилагательных и причастий: *вечно, коротко, искусственно, нудно, скучно, мало, долго, страшно, отлично-1 и коротка, дана, важна-1*.

Жизнь — как птица-1, это один большой урок и прекрасное чувство-1, она — самая ценная-1, но тяжелая штука-1, ее прожить — не поле перейти-1. Жизнь начинается-1 и кончается-1 или кончилась-1, она также продолжается-1, течет как ручей-1, ее чувствуешь-1 и ею живешь-1. Некоторые респонденты к ней относятся отрицательно: ерунда-1, попытка-1, не нужна-1, это мука-1, мучение-1, жуть-1. Однако многие ЖИЗНЬ ценят высоко: они ее определяют как солнце-1, природа-1, зелень-1, сказка-1, сердце-1, радость-1, глобус-1. Это — дети-1 и, естественно, рождение-1, будущее-1 и завтра-1.

Важное значение, по нашему мнению, для раскрытия языкового сознания русских Литвы имеет понятие ДОМ. Дом прежде всего определяется РЛ по размеру: он *большой-16*, а затем *мой-16, родной-12, кирпичный-10, красивый-8*. Дом защищает РЛ, ибо для них это *крыша-8, крыша дома моего-6*. Он часто

родительский-7, несет тепло-5, уют-4, свет-4 и радость-3. В понятие дом для наших респондентов входит не только крыша, но и двор-4, улица-3, этаж-3. С домом ассоциируются конкретные люди, часто члены семьи: родители-5, отец-5, мама-3, мать-2, семья-3, дедушка-3, бабушка-2, друзья-4, друг-4, подруга-3. С домом связана любовь-4 и детство-3. В дом можно приехать-7, вернуться-4, его надо не забывать-4, и построить-3. С домом связаны еще два таких действия, как строить-4 и уходить-4.

Необходимо отметить, что все 283 испытуемых дали ответ на стимул ДОМ. Среди ответов выделяется группа прилагательных — 145 слов (51,2%), группа существительных — 125 слов (44,1%). Остальные 23 слова (4,7%) — числительные и наречия.

Частотность реакций здесь следующая: с индексом от 16 и до 2 — 188 слов; единичных реакций — 95 слов.

Важное место в языковом сознании русских Литвы занимает понятие ДРУГ. По данным нашего исследования, его определяют следующим образом: это товарищ-23, от которого ждут помощи-16. Но к нему относятся отрицательно, т.к. он ассоциируется с собакой-14 и врагом-15. Друг у некоторых респондентов — олицетворение верности-13, доверия-5, дружбы-4. Кому-то он приносит радость-3, счастье-2, любовь-2, поддержку-2. Другом называют конкретного человека: это подруга-2, близкий человек-2, мама-4. Друг в сознании РЛ имеет только положительные характеристики: хороший-13, лучший-11, верный-10, близкий-4, надежный-3, преданный-2, ласковый-2, настоящий-2.

Весьма актуальной оказалась оппозиция друг—враг-15. Она достаточно устойчива в языковом сознании РЛ, но во всем ассоциативном поле представлена слабо: не очень хороший-1, недруг-1, дурак-1, продажный-1.

Из 283 респондентов 28 (9,9%) не дали ответа на стимул ДРУГ, у 181 (64,3%) реакция частотна [с индексом от 16 до 2] и у 72 (25,8%) — единична.

Среди единичных реакций необходимо отметить особенность, присущую РЛ: друг — это конкретный человек, которого они определяют по имени. Это Андрей-1, Егор-1, Катя-1, Шурик-1, Гоша-1, Михай-1, Анька-1. Иногда это члены семьи

или близкий человек: *родители-1, мама-1, мать-1, сестра-1, брат-1*, или *одноклассник-1, сосед-1, кот-1, подружки-1, любовник-1*. Друг — это *деньги-1, душа-1, добро-1, надежда-1, помощник-1, гений-1, вера-1 и тайна-1*.

Наш краткий анализ ассоциативного поля понятия ДРУГ позволяет констатировать, что языковому сознанию РЛ присуща некая “человеко-друго-центричность”, ибо в ответах респондентов, в основном, встречаются положительные определения и характеристики. Русский человек постоянно нуждается в другом человеке-друге, человеке-товарище, находит его *рядом-6* и воспринимает как *честного-1* и *сердечного-1*, друг *помогает-1* или *поможет-1*, он *понимающий* и на него можно *положиться-1*.

Весьма показательным как для любого, так и для русского самосознания является понятие ДЕНЬГИ. Существует мнение, подтвержденное социологическими и психологическими исследованиями [Уфимцева 1996: 149], что современных русских России характеризует неэкономическое мышление. Выдвинув этот факт в качестве гипотезы, мы попытались его подтвердить или опровергнуть в нашем эксперименте. Итак, какова же роль денег в языковом сознании РЛ? Во-первых, их хочется иметь *много-29*, ибо они дают *богатство-20* и *власть-20, все-11*. Во-вторых, это конкретное определение эквивалента денег: *доллары-9, валюта-4, литы-3, золото-3, вещи-2*. В то же время некоторые респонденты отмечают, что *деньги — зло-4*, которое несет *несчастье-2, смерть-2* одним и *счастье-2, славу-2, удачу-2, радость-2, покупки-2* другим.

В нашем доказательстве неэкономического мышления РЛ показательны единичные реакции: деньги — это *райская жизнь-1, мед-1, наркотики-1, казино-1, удовольствие-1, роскошь-1, пиво-1, машина-1, серьги-1*. Хорошо, когда они *есть-1*, их можно *тратить-1, потратить-1*, но они *развращают-1*, и *не пахнут-1*. Их *мало-1*, с ними связаны *проблемы-1*, это *мусор-1* и *кровь-1*, они вызывают *ненависть-1* и несут *беду-1*.

Абсолютно неактуальна в сознании РЛ связь денег с работой: *работа-2, заработанные-1, заработать-1*.

Ни у кого *деньги* не ассоциируются с *экономикой, финансами, промышленностью, бизнесом, зарплатой*, их никто никуда

не вкладывает. Всего лишь один (!) респондент деньги связывает с понятием *банк-1*.

Даже такой фрагментарный анализ образа *денег* позволяет с уверенностью констатировать их высокий рейтинг в сознании РЛ. А это позволяет считать нашу гипотезу доказанной: мышление РЛ можно скорее определить как потребительское.

На стимул ДЕНЬГИ было дано 104 различных реакции. Без ответа получено 15 (5,3%) анкет. С коэффициентом частотности 1 — 67 (23,6%). Остальные 201 реакция (71,1%) частотны.

Среди ответов выделяются 3 группы слов: 1) существительные (181 = 63,9%); 2) прилагательные (16 = 5,6%); 3) наречия, глаголы, местоимения, словосочетания (61 = 20,5%).

В связи с неэкономическим мышлением РЛ мы исследовали ассоциативное поле понятия РАБОТА. Оказалось, что *работа* — это *труд-43*, который приносит *деньги-19*, но многие респонденты замечают, что она *трудная-13*, *тяжелая-10*, с ней связана *усталость-7*, *трудно-4* работать. Работа определяется как *дело-9*, *жизнь-4*, *занятие-3*, *забота-2*, *ум-2*. Для одних она *отдых-4*, для других *лень-4*, *ужас-2*, *мучение-2*, *халява-2*, *зло-2*, *не волк-2*.

На слово-стимул РАБОТА дано 39 различных ассоциаций с индексом частотности от 2 до 43, оставшаяся 81 ассоциация имеет частотность 1; 4 анкеты без ответа.

Среди единичных ассоциаций чаще встречаются отрицательные характеристики: *бесполезная-1*, *плохая-1*, *нудная-1*, *скучная-1*. Это *тяжесть-1*, *принуждение-1*, *утомление-1*, *наказание-1*, *каторга-1*, *скука-1*, *неволя-1*. Для некоторых *работа* — это *любимое дело-1*, *обязанность-1*. Это конкретное место работы: *больница-1*, *школа-1*, *на даче-1*, *в колхозе-1*, *в огороде-1*, *в лесу-1*, *на станции-1*. Работа связана с понятием *профессии-1*, *бухгалтера-1* и *рабочего-1*.

С *работой* связано только несколько действий: она должна быть *закончена-1*, но она *надоела-1*, хотя это *способ делать деньги-1*. Это *карьера-1*, *прибыльная-1*, она должна быть *ежедневно-1*.

У нескольких человек это источник *жизни-1*, *цель-1*, *сила-1*, *движение-1*, ее *ищут-1* и только один человек хочет ее *любить-1*.

Показательно, что испытуемые мало связывают работу с их учебой в вузе, школе. В анкетах находим очень слабые следы этих актуалий: *учеба-1, уроки-1*.

Группа реакций-существительных представлена 163 словами (57,5%), прилагательных было приведено 77 (27,2%), оставшиеся 39 слов (13,7%) — наречия, местоимения, словосочетания.

В ответах совершенно отсутствуют актуалии, связанные с трудом: только один респондент упомянул слово *безработица-1*.

Заканчивая краткий анализ экспериментальных данных, позволим себе сделать некоторые выводы:

1. Наибольшую часть ответов составляют прилагательные, за ними следуют существительные.

2. Самая частая характеристика, которую дают РЛ названным явлениям и предметам окружающего мира — *БОЛЬШОЙ*. Прежде всего *большой* для современного русского человека, проживающего в Литве, может быть *дом*. Вторая характеристика, которая встречается в ответах — *ХОРОШИЙ* и *ЛУЧШИЙ*: *хороший дом, хороший друг, хорошая работа, хороший человек, лучший друг, деньги—хорошо, друг—хорошо*.

3. Языковое сознание РЛ, видимо, движется по направлению от родового понятия к конкретному представлению: сначала это *существо, животное, обезьяна*, а затем *друг, мужчина, мужик, он, писатель, гость, мать*.

4. Совершенно определенно можно сказать, что языковому сознанию РЛ присуща оценочность. На это свойство русского человека указывает И. А. Стернин: “Для коммуникативного поведения русской лингвокультурной общности можно указать, к примеру, на такие особенности общения: оценочность, любовь к высказыванию оценок людей и событий в процессе общения” [Стернин 1996: 104].

Оценки даются как положительные, так и отрицательные. Одна группа слов — это существительные и прилагательные, представляющие собой пары антонимов, вторая — существительные и прилагательные, называющие положительные и отрицательные явления и характеризующие их.

1-я группа: *радость—грусть, добро—зло, друг—враг, недруг, счастье—несчастье, жизнь—смерть, много—мало* и т.д.; *хороший—*

плохой, умный–глупый, добрый–злой, чистый–грязный, длинный–короткий и т.д.

2-я группа: любовь, гений, ум, сказка, солнце, природа, свет, уют, тепло, верность, доверие, дружба, счастье, надежда, душа, удача — скука, каторга, беда, лень, мука, мучение, жуть, пытка, дерьмо и т.д.; разумный, красивый, талантливый, смелый, честный, гордый, любимый, ласковый, верный, серьезный — нудный, поглупевший, отвратительный, зарвавшийся, злой, грязный, убогий и т.д.

5. Небольшую часть реакций, пока не поддающихся системному описанию, представляют глаголы, наречия, числительные и др. части речи.

6. Общее количество разных реакций, вызванных тем или иным стимулом, приблизительно одинаковое. Исключение составляет только слово-стимул *жизнь*. Меньше всего единичных ассоциаций вызвал стимул *друг*.

7. Можно предположить, что языковое сознание русского Литвы направлено на самого себя. Для него человек еще и *люди, друг, я, он*, т.е., иначе говоря, РЛ живет как бы с сознанием *я — он, друг, люди, хороший человек*.

Таким образом, данные, полученные нами в ходе ассоциативного эксперимента, представляют собой достоверный срез языкового сознания русских Литвы. Однако, по нашему мнению, результаты эти не являются окончательными, т.к. последующий опрос может внести некоторые изменения в картину ассоциативного поля испытуемых.

ЛИТЕРАТУРА

- Акимова Е. 1994 — К вопросу экспериментального исследования универсального и национального в языковом сознании. *Taĩtos vaizdas kalboje. Šiauliai*.
- Стернин И. А. 1996 — Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры. *Этнокультурная специфика языкового сознания*. Москва.
- Уфимцева Н. В. 1996 — Русские: опыт еще одного самопознания. *Этнокультурная специфика языкового сознания*. Москва.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОНИМОВ СТАРООБРЯДЦЕВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЛИТВЫ

Н. АЛЕКСЕЕВА

Старообрядчество Литвы, проживавшее и проживающее на территории Великого княжества Литовского и нынешней Литовской Республики более 300 лет (по данным “Дягуцкого летописца” с 1656 г.), сохранило как исконно русскую (славянскую) антропониимику, так и отчасти тюркскую. Примечательно, что в указанном “Дягуцком летописце” пишется: “... в 1679 г. в Литву пришел муж по имени *Трофим Иванович*, со слезами на глазах рассказывающий о пострадавших за старую православную веру, и поселился в Литве до своей смерти в 1733 г.” [Хронограф 1990: 187].

В данной статье предпринимается попытка посмотреть на отчества (величания), фамилии старообрядцев северо-восточной Литвы — Зарасайского района с лингвистической (словообразовательной) и исторической точек зрения. Материалом для статьи послужили полевые записи автора во время диалектологических экспедиций, проходивших в 1969–70, 1989–90, 1996–97 гг., а также родословная Петровых-Алексеевых, составляемая на протяжении последних 12 лет.

Антропонимы (имена, прозвища, фамилии людей) — часть истории старообрядчества Литвы. Общеизвестно, что процесс формирования фамилий — явление позднее по сравнению с формированием отчеств. Как правильно отмечают А. В. Сулова и А. В. Суперанская [Сулова, Суперанская 1991: 153], русские отчества — образования очень древние. В списках русских послов 945 г. при именах некоторых из них были от-

чества. Древнерусских князей величали не только по отцу, но и по деду и прадеду, так как древностью рода тогда особенно гордились.

В древности отчества образовывались не только от календарных имен, но и от бытовых имен-прозваний, которые были распространены в то время [Веселовский 1974: 37]. До XV в. отчества в документах употреблялись обычно со словами *сын*, *дочь*, стоявшими перед ними, напр.: *Алекса сын Лазорев*, после XV в. слова *сын*, *дочь* употреблялись после отчества, напр.: *Варлам Михалев сын*, а впоследствии опускаются вообще. В результате указанные отчества постепенно превращаются в фамилии и закрепляются за членами семьи, переходя из поколения в поколение.

Вслед за С. Б. Веселовским мы считаем период с XV в. по XVII в. временем складывания, оформления основной массы русских фамилий (*Макеев*, *Михеев*, *Снетков* /от названия рыбы/, *Куракин* /из прозвища *Курака*, от тюрк. *qurag* 'пустой человек, жадный'/, *Самохвалов* и т.д.), доживших до нашего времени и у староверов Зарасайского р-на. При этом не исключаем и того, что ряд фамилий сложился до XV в. (напр.: *Козел*, *Козлов* — посадник, 1406 г.; *Костыга* 'кость, мосол', *Костыгов*, 1496 г.; см. — Веселовский 1974). Наибольший же интерес в нашем материале представляют фамилии, сложившиеся уже в XVII–XIX вв. Так, среди родственников-старообрядцев есть большой (богатый) род *Мамзелевых* (ср. прост., пренебр., устар. *мамзель* 'мадемуазель').

Итак, третьим, наиболее поздним по времени возникновения элементом именования русских людей является фамилия.

Известно, что у разных общественных групп официальные фамилии появились в разное время. Первыми получили фамилии представители знати, князья, бояре (в XIV–XV вв.). Эти фамилии нередко отражали название их вотчинных владений: *Коломенский*, *Мещерский*. Подобные фамилии образованы по общеславянской модели с суффиксом *-ск-* как от русских, так и от тюркских производящих основ. Кстати, аналогичные образования можно найти и у других славян (ср. польскую фамилию *Запотоцкий*, украинскую *Артемовский* и т.д.). В нашем материале есть единичные примеры подобных фамилий: *Ба-*

рановский, Боровский, Ивановский, Ковалевский, но если посмотреть на структуру данных фамилий, то можно утверждать, что деривационный процесс проходил следующим образом:

	→ Баранов		→ Ковалёв
баран		коваль (устар. обл. 'кузнец')	
	→ Барановский		→ Ковалевский

Интересно трактуется происхождение фамилии *Барановых* Н. А. Баскаковым: "Предок рода Барановых мурза Ждан по прозвищу Баран (от тат., башк. *bārān* 'ягнёнок'), а по крещении названный Даниилом, выехал к великому князю Василию Васильевичу Темному в 1430 г. из Крыма и находился при великом князе комнатным" [Баскаков 1979: 150].

Позже складываются фамилии дворян (XVI–XVIII вв.). В составе фамилий могли быть именованья восточного происхождения (*Куракины*, *Корсаковы*), так как многие дворяне прибывали на службу к московскому государю из чужих земель, напр.: *Кобяков* < тюрк. *köbek-körek* 'собака' [Баскаков 1979: 204]. Среди старообрядцев Зарасайского края живут и *Куракины*, и *Кобяковы*, и *Корсаковы*, но дворянами они никогда не были, а были крестьянами (земледельцами). Можно предположить, что феодал когда-то мог передать свою фамилию жителям целой деревни или села, или хутора, принадлежащего ему. По мнению Н. А. Баскакова, так было с известными русскими фамилиями Голицыных, Кропоткиных, Куракиных [Баскаков 1979: 19].

В XVII–XIX вв. формировались фамилии торговых и служивых людей. Наши информанты принадлежали к трем социальным группам: 1) крестьянам (землеробам), 2) мещанам-ремесленникам, мастеровым, 3) купцам. Представителей купеческого сословия в Зарасайском крае мы выявили немного. В середине XIX в. в Зарасае жил купец *А. В. Щербаков* (ср. *щербак* 'человек с выщербленными зубами' — Фасмер 1987: 503), позволявший старообрядцам Зарасайского прихода молиться в своем доме [Potapenko 1993: 26].

Мастеровых и ремесленников среди наших информантов было значительно больше. И для антропонимии старообрядцев Литвы характерно такое явление — профессии и кустар-

ные производства отражены в весьма распространенных фамилиях людей, владевших тем или иным ремеслом: *Сапожниковы, Мурниковы, Мельниковы, Рыбаковы* и т. д.

Этимологически значимыми (“говорящими”) фамилиями старообрядцев-зарасайцев следует считать такие как: *Бондарев, Бочаров, Горшанов, Кожанков, Колесников, Мурников, Плотников, Сапожников, Стрельцов, Овчинников, Шерстобоев, Шорников* и др. В основе подобных имен собственных лежит название той или иной профессии (*горшан* ‘горшечник’, *бочар*, *колесник*, *плотник* и т. д.). Специально следует остановиться на фамилиях типа *Мурников, Ковальков*. На наш взгляд, совсем не случайно в данном регионе люди по фамилии *Мурниковы* названы так, а не *Каменщиковыми, Каменковыми*. Дело в том, что в речи наших информантов имеются такие слова: *муровать* ‘складывать из камня, кирпича, скрепляя глиной, цементом’ (ср. польск. *tygować* от лат. *murus* — ‘стена’), *мурник* ‘каменщик’, *мур*, *мурованка*. Логично допустить, что человек, который занимался *мурованьем*, был *мурником*, стал носить фамилию *Мурников*. Фамилия эта возникла сравнительно недавно, значительно позже, чем фамилии *Плотниковых, Колесниковых, Горшановых*. Происхождение фамилии *Ковальков* следует увязать с нарицательным именем существительным *коваль* ‘кузнец’ (ср. русское устар. и обл. *коваль*, а также укр., бел. *каваль*).

В XIX в. складывались фамилии русского духовенства. Главное духовное лицо общины старообрядцев Литвы — наставник, поскольку им мог быть любой грамотный член прихода, постольку интересных фамилий старообрядческого духовенства мы не можем привести (*Попов, Павлов, Григорьев, Пономарёв* и под.).

Самая многочисленная часть старообрядчества — крестьяне (землеробы). Время складывания юридически закрепленных фамилий у них — XIX в. Об этом свидетельствует родословная Петровых-Алексеевых (см. приложение), а также то, что с 1822 г. в старообрядческих общинах начали заводить метрические книги о рождении, браках и смерти. Правда, официальными властями они не признавались и не имели юридической силы [Potapenko 1993: 24].

Основные словообразовательные модели крестьянских фамилий следующие.

I. Фамилии, восходящие к собственным именам.

Календарное имя + суффикс *-ов, -ев*: *Макей* → *Макеев*, *Павел* → *Павлов*, *Парфён* → *Парфёнов*, *Юрий* → *Юрьев* и т.д.

II. Фамилии, данные по прозвищу (широко распространенный тип фамилий).

1. Некалендарное имя или прозвание (прозвище) + суффикс *-ов, -ев, -ин*: *Беляй* (новгородское) → *Беляев*; *Шибай* 'драчун, буян или барышник' → *Шибеев*; *бабаха* 'оладья, лепешка' → *Бабахин*; *балабон / балабок* 'балбес, болван' → *Балабкин*; *костыга* 'кость, мосол, бабка' → *Костыгов* и т.д.

2. Производящее словосочетание (*сам хвалится, бьет шерсть*) + суффикс *-ов, -ев*: *Самохвалов*, *Шерстобоев*.

III. Фамилии, восходящие к названиям животных и растений.

Названия животных (зверей, птиц, рыб, насекомых), растений + суффиксы *-ов, -ин*: *кот* → *Котов*, *королек* → *Корольков*, *воробей* → *Воробьев*, *ерш* → *Ершов*, *пчела* → *Пчалин*, *бурак* 'свекла' → *Бураков* и т.д.

IV. Фамилии, данные по профессии.

Горшанов, *Сапожников*, *Стрельцов*, *Рыбаков* и т.д.

Так как материалом для данной статьи послужили примеры из диалектной ненормированной речи старообрядцев, то следует сказать, что часто в речи информантов звучат не только официальные фамилии, но и разговорные общепринятые в этой среде "укороченные" варианты фамилий, ср.: *Новоторов* и *Новотор*, *Корольков* и *Королёк*, *Ермаковы* и *Ермаки*, *Балабкин* и *Балабка*, *Коломенчиков* и *Коломенчик* и т.д. Женские наименования представляют собой корреляты с суффиксом *-их(а)* типа *Новоториха*, *Ермачиха*, *Матвейиха*, *Бурачиха*.

Примечательно, что у старообрядцев Зарасайского края почти не было фамилий на *-о, -а, -ук, -ич, -евич*. У наших информантов единичны фамилии типа: *Корнющенко*, *Китченко*, *Савиченко*, *Сорока*. Соседи старообрядцев, носившие фамилии *Радзевичей*, *Лукошевичей*, были католиками или принадлежа-

ли к официальному православию. Дальнейшее изучение личных имен даст богатый материал по генеалогии, языкознанию, исторической географии, истории быта и культуры старообрядцев Литвы.

ЛИТЕРАТУРА

- Баскаков Н. А. 1979 — *Русские фамилии тюркского происхождения*. Москва.
- Веселовский С. Б. 1974 — *Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии*. Москва.
- Potašenko G. 1993 — *Sentikiai ir Lietuva. Liaudies kultūra*. № 6. Vilnius.
- Суслова А. В., Суперанская А. В. 1991 — *О русских именах*. Ленинград.
- Фасмер М. 1987 — *Этимологический словарь русского языка*. Т. I–IV. Москва.
- Хронограф 1990 — *Хронограф, сиречь Летописец Курляндско-литовский. Древнехранилище Пушкинского Дома. Материалы и исследования*. Ленинград.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список фамилий родословной Петровых-Алексеевых (с 1752 по 1998 гг.; всего 243 человека)

Алексеев; Бабахин, Балабкин; Вавилов; Герасимов, Горшанов, Григорьев; Деменчуков; Ермаков, Ерофеев; Иванов; Китченко, Кожанков, Коломенчиков, Корнющенко, Корольков, Котов, Краснов, Кудряшов, Куракин; Леонов; Макеев, Мамзелев, Маркин, Моисеев, Москвичев; Овчинников; Павлов, Петров, Пчалин; Рожков, Русаков, Рыбаков; Савиченко, Самохвалов, Сапожников, Семенов, Соколов, Стрельцов; Тимофеев, Тримайлов, Юрьев.

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ И ДИНАМИКА ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ

Ж. БИРИЛЛО

Для адекватного не только общения, но и понимания различных текстов, как известно, необходимо, помимо владения языком, еще и владение совокупностью фоновых знаний, которые определяются как “обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения” [Ахманова 1966: 498]. Е. М. Верещагин отмечает, что для полноценного общения коммуниканты должны иметь общую социальную историю: “Под социальной историей человека понимаются те его характеристики, которые у него возникают в результате воспитания в пределах определенной социальной группы или — шире — языковой общности” [Верещагин 1969: 13]. Сюда же ученый относит поведение человека, систему его мировоззренческих взглядов, этических оценок и эстетических вкусов.

Отсутствие страноведческих знаний, являющихся составной частью фоновых знаний, часто затрудняет взаимопонимание, приводя не только к речевой, но и к культурной интерференции. Страноведческие фоновые знания тесно связаны с национальной культурой. “Более того, они, с одной стороны, являются частью национальной культуры, а с другой — они суть ее производное” [Верещагин, Костомаров 1976: 210].

Широко известные в культуре народа имена собственные (ИС) образуют особый пласт в фоновых страноведческих знаниях носителей языка: благодаря многовековому присутствию в культуре народа они (ИС) аккумулировали в своей семантике различную культурно-историческую информацию, обрастали эмоциональными, эстетическими, оценочными ассоциациями. Не овладев страноведческими знаниями, культурными ассоциациями, индивид не в состоянии понимать не только

смысл отдельных предложений с ИС, но и художественные образы, подтекст высказывания, поскольку ИС, обладая богатой культурно-исторической информацией, могут превращаться в метафоры, сравнения, символы, ассоциируясь с каким-нибудь событием, местом, лицом. Обычно без знания определенных исторических фактов, культурных, географических и экономических особенностей страны бывает трудно понять аллюзии, аналогии, пародии, иносказания, переносное употребление ИС. Именно в силу этого отдельные ИС примыкают к системе образных средств, являются приемом создания художественного образа.

ИС может быть обобщенным знаком целого текста: в сознании языковой личности за многими онимами стоят “сжатые” в смысловом отношении тексты, при развертывании которых выявляются различные знания и сведения, прагматические характеристики явления, обозначенного данным онимом. Подобные свойства ИС позволяют многим исследователям считать их ономастическими реалиями, вокруг которых сосредотачиваются фоновые знания [Томахин 1987: 115].

ИС являются одним из средств отражения, моделирования и формирования страноведческих фоновых знаний личности. Ономастикон языковой личности — показатель ее языковой, культурной, временной, профессиональной принадлежности. Фоновые знания динамичны в общечеловеческом плане, а также в плане языкового сознания отдельной личности: набор ИС, коннотаций, связанных с ними, в тезаурусе личности определяется ее социальными, возрастными, национальными характеристиками. В. С. Виноградов писал: “Ни фоновые знания, как категория более общая, ни фоновая информация не являются чем-то раз навсегда установленным, некоторая часть их с течением времени может утрачиваться, как ставшая неактуальной и не получающая применения, но в целом фоновая информация имеет тенденцию к постоянному расширению...” [Виноградов 1977: 47].

Круг имен собственных, используемых народом, изменчив. Новая информация, появляющаяся в жизни, культуре народов, приводит к появлению новых знаков-символов ИС и забвению прежних, поскольку события, выдвинувшие их, отходят в прошлое, перестают быть актуальными. С течением времени в зависимости от экстралингвистических причин некоторые исчезнувшие ИС могут “возрождаться”, особенно заметно это

явление на примере ранее широко известных ИС с богатым набором ассоциаций.

Общеизвестные ИС могут менять свои коннотации не только в сознании следующего поколения, но даже в течение жизни одного поколения, на протяжении одного-двух десятилетий. Изменили свои коннотации в последние годы общеизвестные антропонимы — *Ленин, Сталин, Дзержинский, Горбачев, Ельцин* и многие другие. Понятно, что в ходе культурно-исторического процесса из культурного фонда народа отсеиваются малоизвестные, незначительные явления и ИС, обозначающие их. Остаются — главные, общеизвестные, ассоциирующиеся в сознании народа с явлениями, значимыми и глобальными, поэтому и “вернулись” в русскую культуру не только многие антропонимы, но и топонимы — *Петербург, Екатеринбург, Тверь, Самара, Нижний Новгород*. Возвращаясь, ИС могут приобретать новые ассоциации, например, *Екатеринбург* не просто город, названный в честь императрицы Екатерины I, но место трагической гибели последнего русского царя и его семьи. Естественно, что прилагательные, производные от подобных ИС, также несут на себе те же новые ассоциации, что и ИС, напр.:

*Один из свежих примеров — травля РПЦ /Русской Православной Церкви/ в связи с ее осторожной позицией по поводу так называемых **екатеринбургских** останков* (С. Васильцов, С. Обухов. Война мистик. Советская Россия. 1998: № 144).

Несмотря на важность ИС как способа приобретения и хранения знаний, в обыденном сознании русских сформировалось недостаточное внимание к значению имен, их роли в коммуникации и номинации окружающего мира. Причину этого прежде всего можно усмотреть в том, что этимологическое значение личных имен приглушено для нас их иностранным происхождением. Исконно-русский именник, до принятия христианства на Руси состоявший из этимологически и семантически прозрачных имен, был вытеснен. Однако значение канонических имен греческого, латинского, еврейского происхождения в большей степени все же было доступно в предшествующие эпохи благодаря церкви. Будучи отлученными от обряда церковного имянаречения, русские в большей мере потеряли понимание своего имени и его связи с окружающим миром.

“Нигилистическое” отношение у наших современников можно наблюдать не только к своему имени, но и к чужим

именам и фамилиям, именам известных людей, литературных персонажей. Русские классики, как известно, часто наделяли своих героев значащими именами (*Макар — блаженный, Катерина — чистая, Тихон — счастливый*) и “говорящими” фамилиями (*Правдин, Скотинин*), в значении которых угадывалась апеллятивная основа, характеризующая героя. Называя литературных героев библейскими, мифологическими именами, писатели рассчитывали, что имена героев вызовут у современников “характеристические” ассоциации: ведь в гимназиях в прошлые времена классические языки и мифология занимали значительное место. В силу динамики фоновых знаний в сознании современных носителей русского языка отсутствуют подобные сведения.

В ходе исторического развития культуры “забыта” не только этимология христианских, мифологических имен, но и многие реалии, связанные с ними, разнообразные элементы культуры. Недооценка роли имени героя в системе художественных средств проявляется и в тех случаях, когда наши современники не ощущают характеристического символического значения ИС, образованных от русских диалектизмов, архаизмов, а также некоторых варваризмов.

Естественно, что классики отбирали в качестве основы ИС те апеллятивы, значение которых для их современников не было слишком затемнено, иначе эти ИС не выполняли бы своей характеристической роли. Например, ИС *Свидригайлов* читатель — современник Ф. М. Достоевского, знакомый с юго-западными говорами России, — мог ассоциировать с диалектизмами *свидый* (‘кислый, оскомистый’) и *гайло* (‘пасть, хайло’), а также с общерусским словом *рыгать* (производные от которого могут называть не только физиологическое явление: *изрыгать* хулу). Понятно, почему это ИС вызывало у читателей ассоциацию, внушающую неприязнь к герою. Мы же, читатели XX в., не замечаем многих ИС-характеристик, имена воспринимаются нами как случайные, “не значащие”, для нас эти ассоциации угасли.

В достаточной степени мы смогли убедиться в этом при опросе 15 студентов-русистов (русскоязычных), которым было предложено отреагировать словом или словосочетанием (реакция могла быть тематической, образной и оценочной) на 45 ИС-стимулов, являющихся фамилиями и именами персонажей русской классики. Для стимулов были в основном предло-

жены ИС, производные от апеллятивов-диалектизмов (*Кнуров, Окоемов, Каркунов, Великатов, Мизгирь, Дудукин, Барабошев, Дулебов, Дульчин, Вяхирь, Хлынов, Огудалова, Дронов* и др.), а также ИС с прозрачной апеллятивной этимологией (*Лютов, Радеев, Скотинин, Добросклонов* и др.). Исходя из того, что ИС с ясным этимологическим значением основы, с “говорящей” внутренней формой в художественном тексте являются прямо характеризующими через семантику или форму основы, мы хотели определить, в какой степени нашими информантами осознается апеллятивное значение имен-стимулов.

В результате анализа результатов опроса мы установили, что идентифицированы были все ИС, но в большинстве случаев это были реакции: *фамилия, человек, мужчина, деятель, писатель, политик, ученый* и под. Они же с “затемненным” этимологическим значением оказались в большинстве своем неопознанными, только несколько ИС вызвало догадку у информантов о нарицательном содержании имени-стимула, напр.:

Бирюк — одиночка; Хлестаков — хлюст, хлыст; Гнусов — мошара, гнус, гнусный; Бобыль — холостяк; Мурзавецкая — татарин, мурза; Самгин — сам; Радеев — радеть, радеть о себе; Добросклонов — склонный к добру; Баранчевский — баран; Лютов — злость, злюка, лютый; Беркутов — птица; Лыняев — отлынивать, ленивец; Швабрин — швабра и др.

То, что информантами не осознается отапеллятивное значение имени, подтвердило и большое количество звукобуквенных ассоциаций, построенных по созвучию со словом-стимулом:

Шалашников — Калашников; Бирюк — бирюза; Огудалова — Агузарова; Томилин — тамилы; Свидригайлов — Švitrigaila; Лотухин — Суматухин; Дульчин — дуля, дульче, и ряд подобных.

В результате эксперимента мы убедились, что современные читатели не имеют осязаемой ассоциативной содержательной связи между значением, положенным в основу имени, и сущностью того, что им обозначается. Имена-характеристики, образованные от русских диалектизмов, архаизмов, а также варваризмов, относившихся в XIX в. к пассивному словарю, сейчас нуждаются в специальном этимологическом комментарии, поскольку апеллятивы, положенные в основу имени-характеристики, непонятны нашему современнику.

Не менее интересны результаты другого эксперимента с ИС, подтверждающие динамику, несовпадение, различие репертуара ИС в фоновых знаниях, связанное не с временными периодами, а с пространственными, территориальными границами, разделяющими носителей русского языка. Для опроса мы отобрали ИС, широко известные, на наш взгляд, “средним” россиянам, и предъявили их 50 русскоязычным студентам III курса, медикам и русистам. Список, предложенный информантам, включал топонимы и антропонимы — имена представителей русской культуры и имена политических деятелей (список был разрежен апеллятивами для того, чтобы избежать односторонних реакций типа *Солженицын — писатель*). В этот список мы включили ИС: *Соловки, Кижы, Суздаль, Афон, Колыма, Хохлома, Палех, Гжель, Самара, В. Спиваков, М. Волошин, М. Ростропович, К. Малевич, Д. Лихачев, М. Шагал, В. Розанов, В. Набоков, В. Баженов, А. Пугачева, Л. Зыкина, М. Плисецкая, А. Солженицын, В. Черномырдин, А. Чубайс, А. Лебедь, В. Жириновский, М. Горбачев, Е. Примаков*. Классификация полученных реакций, как и в предыдущем эксперименте, была проведена в соответствии с предложенной Ю. Н. Карауловым в его работе “Русский язык и языковая личность”, т.е. мы определяли тезаурусные реакции как тематические и образные, а прагматические — как эмоционально-оценочные [Караулов 1987: 239].

В результате анализа полученных ассоциаций мы убедились, что в когнитивных структурах носителей русского языка Литвы присутствуют разнообразные ассоциации с реалиями, обозначенными ИС-стимулами, в целом подтверждающие наличие энциклопедической информации, сведений, образных представлений, связанных в их сознании с русской культурой, а также как положительных, так и отрицательных эмоционально-оценочных ассоциаций, отражающих прагматикон информантов.

Не было практически ни одного неидентифицированного ИС, однако в меньшей степени всеми информантами были идентифицированы топонимы: *Афон* (18 информантов не дали реакций), *Палех* (10), *Хохлома* (3), *Кижы* (6), *Соловки* (8). Как отсутствие знаний и представлений мы рассматривали звукобуквенные ассоциации типа:

*Соловки — соловьи; Кижы — ежи, Фили, чижы; Баженов — бу-
женина, Божена, Поленов; Палех — поляк, польское, лех;
Гжель — гель; Афон — фон, Афоня и под.*

Из антропонимов — имен деятелей русской культуры менее всего известны ИС (причем студентам-медикам) *В. Баженов, К. Малевич, М. Волошин, М. Шагал, В. Розанов, В. Набоков*. Имена политических деятелей были опознаны почти всеми; ассоциации, возникавшие у информантов, носили не только тезаурусный характер, но во многих случаях и прагматический. Напр.:

ИС Примаков вызвало оценочные ассоциации — умный; опытный, но старый; Жириновский — лидер, крикун, не прав, темп-рамент; Горбачев — добрые времена, светлая личность, разрушил страну и под.

Настораживающим моментом в результатах опроса нам представляется то, что многими русскоязычными информантами не идентифицированы антропонимы, отражающие реалии русского классического и народного искусства — *Л. Зыкина, М. Ростропович, В. Спиваков* и др. Анализ реакций показывает, что внимание информантов не акцентировано на русском народном или классическом искусстве. В каком-то смысле это дает нам основание говорить о потере интереса к корням, истокам национального бытия, что, думается, может в дальнейшем привести к потере четкого национального самосознания, исторической памяти, когда русские реалии будут восприниматься русскими Литвы как чужие.

Влияние экстралингвистических факторов в современной России сейчас выдвинуло ряд новых имен. Очевидно, что символичность подобных ИС относительна. Употребление этих ИС в публицистических, сатирико-юмористических текстах основывается на более или менее широкой популярности их носителей. Понятно, что популярность не совпадает с мировой известностью, прошедшей испытание временем, которое необходимо для превращения ИС в имя-символ. Тем не менее для адекватного восприятия этих ИС необходимо знание экономической и политической ситуации в современной России, которое дает не только количественный набор ИС в тезаурусе личности, но и определяет восприятие эмоционально-эстетических ассоциаций, сопрягаемых русскими с ИС. Без наличия в сознании прагматических и тезаурусных ассоциаций не могут

быть адекватно восприняты актуальные явления российской жизни. Только зная о происходящих событиях в России, понимая их, давая им адекватную оценку, наш читатель может по заголовку в газете (*В истерике Чубайсы и Гайдары*. Советская Россия 1998: № 142), по предложению из текста (*Делались попытки лечения России с помощью различных реформаторских процедур — шоковой терапии по Гайдару, приватизации и ваучеризации по Чубайсу*. Советская Россия 1998: № 137) понять критическую направленность всего текста. Об этом ему, в первую очередь, сигнализируют ИС *Чубайс* и *Гайдар*, имеющие в сознании россиян ореол негативных ассоциаций и олицетворяющие неудавшиеся экономические реформы в России.

Чтобы убедиться, в какой степени в фоновых знаниях русскоязычных Литвы представлены отдельные российские актуальности, мы предложили студентам-русистам III курса идентифицировать антропонимы — фамилии новейших деятелей России. Для этого из “Аргументов и фактов” (АиФ) и “Литовского курьера” (ЛК) по рубрикам “Жизнеспособность политических субъектов” и “Перловка” были отобраны следующие ИС: *Р. Вяхирев, Д. Аяцков, В. Илюхин, А. Лившиц, В. Матвиенко, Г. Боос, В. Новодворская, Д. Якушкин, О. Сысуев, А. Шохин, Э. Россель, В. Рыжков, К. Кулик, Е. Строев, И. Рыбкин*. Этот ряд имен был предложен информантам в минимальных контекстах-предложениях, поскольку предполагалось, что данные ИС, не будучи широко известными, могли вызвать реакции в связи с апеллятивами, ставшими производными для некоторых из предложенных ИС. В данном случае мы полагались на авторитетное мнение А. Суперанской: “Апеллятивное значение лексем, входящих в состав ИС, тем тусклее, чем он лучше известен, и тем ярче, чем он менее известен” [Суперанская 1973: 287].

Действительно, реакции наших информантов показали отсутствие апеллятивных ассоциаций. Минимальный контекст, предложенный в качестве стимула, представлял собой предложение, построенное, как прямая речь, как высказывание политического субъекта, напр.:

Е. Наздратенко: “Странный парень Гайдар! Я бы ему букварь подарил, чтобы он русский изучал”.

Как известно, в АиФ и ЛК под высказываниями личностей помещается остроумный критически-сатирический коммента-

рий, обыгрывающий их высказывания и факты их деятельности; поэтому для понимания данных рубрик, намеков, аллюзий, оценок, содержащихся в них, от читателя требуются страноведческие фоновые знания. Мы предлагали студентам прослушать первую часть подобных “миниатюр” и “опознать” автора высказывания, кратко ответив письменно на вопрос: “Чем занимается, чем известен, какую должность занимает автор предложения?”

Анализ полученных реакций информантов в целом позволил прийти к выводу, что, к сожалению, наши информанты (опрошено было 15 человек) не обладают точными сведениями о названных субъектах: в лучшем случае реакции были *политик, мужчина, политический деятель, депутат, окружение президента*. Большая часть опрошенных вообще не дала никаких реакций, кроме прочерка. Из всего списка были узнаны два ИС: *Эдуард Россель* с 3 реакциями (*губернатор*) и *Лившиц* с одиночными реакциями (*министр, бывший министр, экс-министр экономики*).

На основании последних двух экспериментов мы пришли к выводу, что текущие события и личности, принимающие в них участие, мало известны нашим информантам. В их сознании нет сведений, страноведческих фоновых знаний о текущих российских событиях и людях, связанных с ними, однако большинство наших информантов обладает знаниями о политических реалиях, устоявшихся, общеизвестных, и именах, их олицетворяющих, таких, как: *Горбачев, Примаков, Жириновский, Лебедь, Черномырдин*.

Поскольку наши информанты — это молодые русские Литвы, постольку, вероятно, нельзя распространять наши выводы на старшее поколение, которое так же, как и молодое поколение, ограничено в непосредственных контактах с исторической родиной, родственниками, коллегами, испытывает “информационный голод” из-за недоступности российского телевидения, радиовещания, популярных российских изданий. Но для молодого поколения “отрыв” от фоновых страноведческих знаний русских России еще, возможно, объясняется и их перерождением на реалии литовской жизни, культуры, экономики, политики. В силу жизненных условий молодое русскоязычное население Литвы сейчас главной своей задачей, по всей видимости, считает овладение литовским языком и культурой.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова О. С. 1969 — *Словарь лингвистических терминов*. Москва.
- Верещагин Е. М. 1969 — *Роль и место страноведения в практике преподавания русского языка как иностранного*. Москва.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. 1976 — *Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. Москва.
- Виноградов В. С. 1978 — *Лексические вопросы перевода художественной прозы*. Москва.
- Караулов Ю. Н. 1987 — *Русский язык и языковая личность*. Москва.
- Суперанская А. В. 1973 — *Общая теория имени собственного*. Москва.
- Томахин Г. Д. 1987 — Лингвистические аспекты страноведения. *Вопросы языкознания*. № 6.

РОДНАЯ РЕЧЬ РУССКИХ В ЛИТВЕ (Проблемы нормативности)

А. ЖАРКОВА

В последнее десятилетие речь русских, живущих за рубежом, привлекает к себе внимание исследователей, изучающих, какие нормы родного языка в области фонетики и интонации, лексики, словообразования, морфологии и синтаксиса расшатываются и разрушаются в первую очередь. Трудность социолингвистического, культурологического, художественного анализа материала объясняется тем, что “русский язык зарубежья представляет собой необозримую и сложную тему — как в силу своего жанрово-стилевого и функционального разнообразия, так и в силу его территориального варьирования в зависимости от того или иного инонационального окружения” [Караулов 1992: 5].

В Литве уменьшилась роль русского языка как иностранного (его почти перестали изучать в литовских школах и вузах). Остается утешаться тем, что “функция международного общения во многом противоречит назначению языка быть не только средством общения, но и средством сохранения национального наследия, этнической культуры” [Костомаров 1991: 51].

Русский язык в Литве является родным приблизительно для 8% жителей. В некоторых русских школах для успешной адаптации выпускников преподавание ряда предметов постепенно переводится на государственный, литовский, язык. В русских школах Литвы учатся дети не только из русских, но и из “смешанных” семей, в которых для одного из родителей родным является не русский, а литовский, польский, белорусский, украинский язык.

Молодое поколение русских Литвы стремится как можно лучше овладеть государственным — литовским — языком. Некоторые родители из русских, а особенно из разноязычных семей приводят своих детей учиться в литовскую школу, чтобы после ее окончания им легче было адаптироваться, продолжить обучение в вузе и найти работу в государственном секторе. Самым главным для таких людей вскоре может стать не степень владения государственным языком, а сохранение хорошего уровня владения родным русским языком. В этих условиях понятно, почему нормы современного русского литературного языка в региональной русской речи нарушаются, колеблются в некоторых участках.

Правильность и чистота родной русской речи должны вызывать особую заботу тех людей, чья работа связана с использованием русского языка (филологи, журналисты, ведущие и дикторы радио- и телепередач на русском языке).

Важным является вопрос о влиянии окружающих языков в Литве на русский язык: как происходит лексическое взаимодействие языков, какие изменения наблюдаются на разных языковых уровнях. Цель данной статьи — рассмотреть особенности использования иноязычных вкраплений в региональной русской речи в Литве с точки зрения нормативности.

Статья основана на материалах речи взрослых людей, живущих в Литве, для которых русский язык является родным. Использовались такие виды материалов, как записи неофициальной речи студентов-русистов, примеры из местных радио- и телепередач на русском языке, а также из местных газет на русском языке.

Для жителей Литвы — республики с многонациональным составом населения, в которой рядом с литовцами издавна живут славянские народы: русские, поляки, белорусы, украинцы — характерно включение в родную речь заимствований из других языков. Иноязычные вкрапления представляют собой слова, словосочетания, предложения, отрезки текста на иностранном языке. В родной речи иноязычные вкрапления могут встречаться с теми или иными изменениями или без них. При массовом двуязычии возможен перенос навыков неродного, но престижного языка на родной. “Такой перенос может

иметь всеобщий, а не только индивидуальный характер, воздействовать на языки, как-то изменять их. В языковом плане возникает вопрос <...> о порождении одним языком дефектов или положительных сдвигов в другом, особенно в семантических нюансах, в стилистике, в этикетных нормах" [Костомаров 1991: 24–25].

Рассмотрим типы иноязычных вкраплений в родную речь русских жителей Литвы и их воздействие на формирование русской языковой личности. Языковая личность — это обобщенный образ носителя данного языка, владеющего единицами языка и их ассоциативными связями, правилами образования и сочетания единиц языка, а также культурно-историческим опытом народа, отраженным в языковых единицах [Капулов 1987].

Первый тип — литуанизмы в речи монолингвов. В Литве часть русского населения преклонного возраста не владеет литовским языком. Если в первые годы независимости Литвы осознание жизненной важности, удобства владения литовским языком было не у всех, то в настоящее время осознание значимости владения государственным языком пришло, но в силу своего преклонного возраста многие пожилые люди не могут освоить его и остаются монолингвами. В индивидуальной речи используются обычно литовские формулы приветствия (типа *Laba diena*, *Labas*, *Viso gero*) как знак вежливости при начале разговора в государственном учреждении. В речи монолингвов — людей преклонного возраста — иноязычные вкрапления часто встречаются в измененной форме из-за неточного воспроизведения слов или конструкций.

Второй тип — литуанизмы в речи билингвов. Русские Литвы (и молодежь, и люди средних лет — в отличие от старшего поколения), кроме родного языка, владеют и литовским. Иноязычные вкрапления могут включаться в их индивидуальную русскую речь по разным причинам. Включение литуанизмов в речь молодежи часто объясняется языковой игрой, стремлением разнообразить речь, украсить ее литовскими словами. Это и включение в речь формул литовского речевого этикета, и видоизменение литовских слов на русский манер. В разговорной речи активно используются словообразовательные возмож-

ности русского языка: от литовских основ — существительных и глаголов — образуются производные с русскими суффиксами. Напр.: *Он этатник или почасовик?* (от лит. *etatas* ‘штат’, то есть *этатник* — ‘штатный работник’). В региональной русской речи ненормативное для русского литературного языка словоупотребление у взрослых может быть связано с отсутствием однословного названия предмета в русском языке (например, использование слова *юоста* вместо *литовская национальная лента* в информационной передаче на русском языке “Вечерний вестник”). Итак, русская языковая личность в Литве не только сохраняет и передает закрепленный в родном языке исторический опыт, но и обогащает его в процессе своей деятельности, в том числе и речевой, за счет включения иноязычных вкраплений.

В коммуникативном аспекте русская языковая личность воспроизводит в речи единицы родного языка, придерживаясь правил их образования и сочетания, как это принято в норме. Местный отпечаток, признаваемый региональной нормой [См.: Плакунова 1987], наблюдается в родной речи русских-билингвов при произношении слов типа *Шяуляй*, *Жемайтия*, в которых звуки [ш], [ж] — всегда твердые в русском языке — звучат несколько мягче, чем в литовском. Особенности включения в региональную русскую речь международной лексики, используемой и в русском, и в литовском языках, можно рассмотреть на примере слова *сигнатор* (в литовском соответственно *signataras*). В региональной русской речи это слово активизировалось через литовскую речь: оно довольно часто встречается на страницах литовской печати, слышится с экрана телевизора, обычно в словосочетании *сигнатор Акта независимости*. Место ударения и произношение гласных звуков в рассматриваемом слове в русском и литовском языках расходятся. И если в текстах местных газет на литовском и русском языках это слово пишется в соответствии с нормами этих языков, то в устной русской речи его часто произносят с изменением и произношения гласных, и места ударения — *сигнатар*, то есть на литовский манер, но без литовского окончания (наблюдения проводились на материале передач “Вечерний вестник”, “Неделя”).

Как иноязычное вкрапление в региональную русскую речь можно рассматривать и произнесение на литовский лад заимствованных названий городов (типа *из Вашингтона* вместо принятого в русском языке *из Вашингтона*, *из Страсбура* вместо *из Страсбурга*), встречающееся в речи ведущих местных телепередач на русском языке. Отклонения от норм произношения и ударения в зоне языковых контактов — обычное явление. Однако, если отклонения от норм русского литературного языка встречаются в родной речи лиц, обязанных владеть этими нормами, подобные ошибки свидетельствуют о расшатывании, ослаблении данного участка литературной нормы — произношения и ударения слов иноязычного происхождения.

Расшатывание нормы в региональной русской речи наблюдается и в области формул (или штампов) речевого этикета. Речевой штамп — стилистически окрашенное средство языка, которое осознается говорящими как “готовая”, устойчивая и часто употребляющаяся формула. С детства мы овладеваем не только словами, грамматикой, произношением и интонацией родного языка, но и национально обусловленными речевыми стереотипами. Например, начало разговора по телефону сразу помогает нам определить, русский это говорит или литовец. Представляясь по телефону, русские обычно говорят: “*Это А*” или “*Это А говорит*”. А литовцы обычно говорят так: “*Здесь А*” или “*Здесь А беспокоит*” (ср.: “*Čia А*” или “*Čia А trukdo*”). Начиная разговор по телефону на русском языке, литовцы обычно используют речевые стереотипы родного языка. В речи русских Литвы — билингвов, владеющих литовским языком, — наблюдается замена формулы русского речевого этикета (реплики-просьбы позвать к телефону) на типичную для литовского языка “*Может В есть?*”, а также использование из распространенных русских 15 стилистически нейтральных фраз [См.: Формановская, Шевцова 1990] тех, которые стоят ближе к принятым в литовском языке: “*Можно (ли) В*” или “*Можно (ли) позвать В*”. Выбор русской фразы, близкой литовскому эквиваленту, свидетельствует о подравнении нормы, что соответствует общей тенденции экономии языковых усилий в разговорной речи.

Норма согласования, принятая в литовском языке, может способствовать вытеснению из региональной русской речи грамматического варианта, не совпадающего с литовским, и предпочтению грамматического варианта, соответствующего литовскому. Напр., в соответствии с современной литературной нормой несклоняемое существительное *виски* может быть согласовано в ср.р. и муж.р., хотя в “Словаре русского языка” С. И. Ожегова это слово отнесено к несклоняемым существительным ср.р. В литовском языке слово *viskis* относится к словам м.р., поэтому в текстах рекламы и статье местной газеты на русском языке “Летувос ритас” у слова *виски* мужской род: *шотландский виски*.

Итак, в условиях многоязычия в Литве наблюдается процесс орфоэпического, лексического и отчасти грамматического взаимодействия языков. Использование литуанизмов нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, оно обогащает региональную русскую речь, придает ей местный колорит, но, с другой стороны, расшатывает языковую норму русского литературного языка в слабых участках.

Включение иноязычных вкраплений в русскую речь в Литве является приметой региональной русской речи. Такое включение оправдано, служит как бы “местной нормой”, в тех случаях, когда оно вызвано 1) экономией языковых усилий (при отсутствии эквивалентного однословного наименования в русском языке, для точной передачи коннотации), 2) желанием “поиграть” словом, сделать разговорную речь более яркой.

Использование таких вкраплений является нарушением норм современного русского литературного языка и чистоты речи при неосознанной замене русского языкового элемента литовским, польским, белорусским, украинским вместо имеющегося эквивалента в русском языке.

Своеобразие нормативности в региональной русской речи проявляется в подравнивании речи под норму, соответствующую принятой в литовском языке, при наличии в русском литературном языке нескольких равноправных вариантов. Изучение особенностей региональной русской речи важно не

только в теоретическом, но и в методическом плане, особенно для учителей родного языка русских школ Литвы.

ЛИТЕРАТУРА

- Караулов Ю. Н. 1987 — *Русский язык и языковая личность*. Москва.
Караулов Ю. Н. 1992 — О языке русского зарубежья. *Вопросы языкознания*. № 6.
Костомаров В. Г. 1991 — *Мой гений, мой язык*. Москва.
Плакунова Т. 1987 — *Русская орфоэпия*. Вильнюс.
Формановская Н. И., Шевцова С. В. 1990 — *Речевой этикет. Справочник*. Москва.

ДИАЛЕКТНЫЕ ЧЕРТЫ ГОРОДСКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ ДАУГАВПИЛСА

Е. Е. КОРОЛЕВА

Как известно, просторечие — уникальное явление русского национального языка, не имеющее аналога в других языках. В разные исторические эпохи под просторечием понималась разная языковая реальность. Так, в истории языка под просторечием имеется в виду живая языковая стихия, противопоставляемая как книжно-литературному языку, так и стандартизованному языку древне- и старорусской деловой письменности. В конце XVIII — начале XIX вв., по словам В. В. Виноградова, просторечие претендовало на роль выразителя национальных коренных русских бытовых начал, противопоставляясь, с одной стороны, церковнославянскому языку, а с другой — мацерному салонному языку офранцузившегося дворянства.

В сборнике “Городское просторечие” под современным просторечием понимается “ненормированная, социально ограниченная речь горожан, находящаяся за пределами литературного языка” [Городское просторечие 1984: 3]. Современное просторечие — это открытая система, в которой сосуществуют элементы, заимствованные из литературного языка, из окружающих территориальных диалектов, профессиональных жаргонов, молодежного сленга и многие другие. Л. П. Крысин считает, что “просторечие, в отличие от иных языковых подсистем, в наибольшей степени открыто для вхождения в него элементов из других сфер языка” [Крысин 1989: 111]. Л. И. Скворцов называет жаргонную лексику своеобразной “кухней” просторечия [Скворцов 1977: 57].

Язык города в последнее время все больше привлекает внимание лингвистов. В этом плане нас интересует влияние диа-

лекта на функционирование русского языка во втором по величине городе Латвии — Даугавпилсе. Процент русского населения в городе достаточно высок: по статистическим данным на 1995 г., в Даугавпилсе 55,8% русских, 14,1% латышей. При этом русскоязычными являются представители и других национальностей, проживающих в Даугавпилсе: поляки, белорусы, евреи, литовцы, украинцы, цыгане (как видно из статистических данных, они составляют 30,1% населения Даугавпилса). Все они пользуются просторечием, если проживают долгое время или родились в городе и не имеют высшего образования. Социальный состав жителей Даугавпилса, как и любого другого города, также отличается неоднородностью, что находит отражение и в языке его жителей. Т. С. Коготкова считает, что социальная база просторечия расплывчата и неопределенна. В наши дни она состоит не только из определенных слоев городского населения, но и жителей деревень, речь которых в значительной степени отошла от архаического типа диалекта [Коготкова 1977: 58]. Лица, имеющие высшее образование, используют в условиях неофициального, непринужденного бытового общения разговорную речь (РР); молодое поколение говорит на молодежном сленге, который постоянно обновляется, а по своим языковым особенностям отличается от сленга русских городов; люди среднего и старшего возраста, не имеющие высшего образования, пользуются просторечием. Территориальные диалекты подпитывают все перечисленные языковые подсистемы, правда, в неодинаковой степени, наиболее ярко влияние диалектов проявляется в области городского просторечия. Это влияние отмечается на всех языковых уровнях.

В области фонетики:

- 1) редукция и аканье приводят к появлению таких форм: *кажись, кола, коль, кол, можа. Много работы кола льна. Мы рядом коль кустов жили. В его недалёко кол границы родители жили;*
- 2) в речи людей старшего поколения, носителей просторечия, отмечается произношение протетического [j] в форме именительного падежа местоимений 3-го лица: *ён, яна, яно, яны;*

- 3) по фонетическим причинам предлог у изменился в *в*: *Во всех есть билеты?* /спрашивает у пассажиров кондуктор трамвая/.

В области акцентуации это влияние отмечается в следующих случаях:

- 1) ударение на основе в глаголах ж.р. прош.вр.: *взяла, брала, дала, была, спала*;
- 2) ударение на основе в парадигме настоящего времени глагола *брать* и всех однокоренных глаголов: *беру, наберем, заберешь, отберете, доберет, соберут*;
- 3) ударение на окончании в В.п. существительных 1-го скл.: *руку, ногу, голову*;
- 4) ударение на флексии в лексеме *дочка*.

В области синтаксиса:

- 1) использование несклоняемых форм на *-(в)ши* в роли сказуемого: *Где-то ты **попавши** была! Евоного дедушку были **порезавши**! Муж мой **умерши***;
- 2) Д.п. субъекта в соответствии с литературной конструкцией *у + Р.п.*: ***Мне** в мае отпуск; **Мне** голова болит; **Ему** пёрышки сильно красивые; В понедельник **нам** будет Иван. **Мне** нет телефона*;
- 3) особенности глагольного и именного управления: *смеяться кол кого-н., смеяться с кого-н., удивляться с кого-н., эпидемия на что-н.: Я со Светы удивляюсь: так хорошо учится и боится, что не сдаст латышский! Да, сейчас эпидемия на грипп*;
- 4) особенности прикомпаративного управления: *Русские пьют больше за всех. Трава больше за картошку. Помоложе за меня Артемон*;
- 5) инициальная позиция союза *ни* в отрицательно-соединительных конструкциях: *Отправляют всех в Калуге: **ни** там кормёжка хорошая, **ни** там досмотр — там или калеки, или эти!* /умственно отсталые!/; *30 июня — **ни** у меня чемоданы собраны /чтобы ехать в заграничную командировку/, **ни** я в деревню еду!*
- 6) полисемантичность союза *как*, свойственная этому союзу исторически, но преодолеваемая в литературном языке за счет новых союзов: *Я всегда **отбираю** товар, а **как** сегодня*

спешила, взяла, что дали — причинное; *Как старые года, не срастается /перелом/* — условно-причинное; *Как год, годовую стоят /о панихиде, которую служат старообрядцы по умершему через год после его смерти/*; *Как маленько, бежит к раковине — рвота ей!* — временное; *С боровика уже не сравнишь суп, как с этих грибов! Яблоки мелчей, как в прошлом году* — сравнительное;

- 7) предпозиция присубстантивного генетива: *Кобылы хозяйки дочка меня подняла*;
- 8) И.п. в соответствии с В.п. у существительных первого субстантивного склонения в безличных предложениях с предикатом *надо*: *Мне надо справка. Кому морковка надо?*
- 9) использование формы настоящего времени экзистенциального глагола *быть*: *Что с тобой, сестра, есть? С чего у тебя пальто мокрое?*

В области лексики:

братова ‘жена брата’, *брыдко* ‘неприятно’, *бурак*, в облику ‘в обтяжку’, в кропочку ‘в крапинку’, *вовсе* ‘постоянно’, *вольник* ‘непослушный ребенок’, *вольничать*, *вольница*, *вяпла* ‘неприспособленный к жизни человек’, *гвозд*, *глумой*, *годовая*, *годовина* ‘заупокойная служба и поминки через год после смерти’, *голавлик* ‘рыба семейства карповых’, *горазд* ‘очень’, *грабать*, *грабить* ‘сгребать’ *давеча*, *дарма*, *дерван* ‘целина’, *дивиться*, *добро* ‘хорошо’, *доглядать*, *досматривать*, *досужий*, *драники*, *драпак*, *драпаковать*, *дурковатый*, *евоный*, *ейный*, *забороновать*, *завсегда*, *замнуть*, *замориться*, *запахать*, *затирка* ‘суп’, *звягать*, *ижно* ‘даже’, *ихний*, *каляный* ‘жесткий’, *канка* ‘бидон для молока из жести’, *картофляник*, *кладка* ‘мостки для полоскания белья’, *колкий дед* ‘репейник’, *крепко* ‘сильно’, *крупеня* ‘суп из круп’, *ладненько*, *леной* ‘ленивый’, *малец*, *малый* ‘младший в семье’, *млявно*, *могилки* ‘кладбище’, *обабок* ‘подберезовик’, *обобратить*, *опоновать*, *отведки* ‘посещение роженицы’, *отстать* ‘перестать’, *памжа* ‘несчастье’, *перекутиться* ‘потерять центр тяжести’, *петушки* ‘грибы’, *плат*, *повалиться* ‘упасть’, *последки*, *постройка*, *путёвый*, *рабарбар*, *разом*, *сзаду*, *сороковины* ‘заупокойная служба и поминки через сорок дней после смерти’, *сперва*, *спереду*, *сподряду* ‘подряд’, *спроста*, *средка*, *сродственник*, *сродственница*, *тая* ‘та’, *трахала* ‘рассеянный человек’, *трахаловатый*, *файно*, *файный*, *холодник*, *чисто* ‘совершенно’, *читый* ‘трезвый’, *чисельник* ‘календарь’, *шибер* ‘задвижка в плите’, *шувлядка*, *щит*.

В области составных номинаций:

ставить укол, ставить капусту / кочны / огурцы / салат / компот / варенье (заготавливать); давать спасибо / здрасте / сигнал (о лае собаки); дать баню / дранки (наказать); держать землю / картошку / огород / сотки / хутор / лавку / магазин / квартиру, держать вечер / вечеринку / гулянку / службу (в церкви), держать беседу / гордость; драть дранку / крупу / лес; резать дровы / лес.

Отмечается использование разговорных клише:

*было не было, гиблое дело, главное дело, готово дело, знамо дело, дай божье, полным ходом. Руки мёрзнут **полным ходом!***

В области фразеологии:

- 1) фразеологизмы, включающие в свой состав диалектную лексику: *бить лынды* 'бездельничать', *кричать гвалт*, *кричать ретунку*, *лахи под пахи*, *наговорить мех и торбу*, *приехать с виру с болота* 'из разных мест'. *Шпаргалки лахи под пахи и пошла! Иди работай, не бей лынды!*
- 2) фразеологизмы, использующие только общенародную нейтральную лексику: *навести панику*, *снять с языка* 'только что говорить о пришедшем', *с рук не вывалится* 'мастер': *Да вот здесь навели панику, что книги только в этом окошке дают!* /на почте новые телефонные книги/;
- 3) фразеологизмы — пословицы и поговорки: *жизнь прожить — не мех сшить; наживеешься — Кузьму батькой назовёшься; пожалел волк кобылу — оставил хвост да гриву; чем рыжей, тем дорожей; сулиха и недаха — родная сестра; волка вспомни — и волк тут!*

В области словообразования:

- 1) Продуктивность префикса *за-* в значении чрезмерности проявления признака: *зажарко, замало, замного, зарано, засладко, захолодно: Зажарко мне будет дома в таком свитере сидеть. Зарано мы яблоки сняли, зарано!*
- 2) Продуктивность глагольного префикса *за-* в значении законченности действия: *заагитировать, забороновать, задрапаковать, запахать, захоронить: Надо мне Светку заагитировать в Питер поступать!*
- 3) Продуктивность глагольного префикса *с-* в чисто видовом значении законченности действия: *сойти, спяхать, съесть: Постой, мне надо бабки сменять, здесь есть банко-*

мат? /молодые девушки идут мимо банка/; *Я очень коротко прокомментирую этот вопрос* /из выступления по радио/.

- 4) Продуктивность глагольного префикса *от-* в значении законченности и завершения действия: *отжалеть, отждать, отжить, отксерить, отснять* ‘ксерокопировать’: *Уж я отжалела бы эти два лата!* /чтобы ехать с удобствами/; *Целых десять лет отждала!*
- 5) Продуктивность суффикса *-ин(а)* со значением единичности: *газетина, гирина, коплетина, лыжина. Мне одной гирины не хватает, пойду возьму!* /на базаре/. *Как жили не дай господь: уже не видели мы ни печенину, ни конфетину!*
- 6) Большой набор экспрессивных суффиксов. Суффикс *-ок*: *дождёк, конёк, коток, супок, фонарёк, хвосток*; суффикс *-ик*: *лесик, лёдик, шкапик*; суффикс *-к*: *газетка, бурачки, Двинка, Краславка, могилки, школка*; суффикс *-инк*:- *листинка* ‘лавровый лист’, *молочинка, перчинка*; суффикс *-отн*:- *воркотня, легкотня*; суффикс *-онк*:- *сапожонки, туфлёрки*; суффикс *-ёшк*:- *коровёшка*; суффикс *-ух*:- *братуха. Он импортную не хочет — москвичок какой! Туфлёрки ей какие дам в школу!*
- 7) Продуктивность суффиксов *-к*-, *-иц*- для наименования женщин по профессии: *почтальонка, учителька; докторица, фельдшарица.*
- 8) Последовательное использование суффикса *-ёнок* для обозначения детей и детенышей: *дитёнок, ребяёнок, собачонок.*
- 9) Продуктивные словообразовательные типы наречий, мотивированных числительными: *вдвоёх, втроёх, вчетырёх; вятих, вшестих, вдесятих.*
- 10) К сфере новообразований принадлежат лексемы: *мультики, муниципалка, муниципалы* ‘муниципальная полиция’, *земесы* ‘земессарги’, *двухлатовик.*

Диалектные особенности словообразования и грамматики находят отражение в произведениях фольклора, записанных у русских старообрядцев Даугавпилсского района: *Полон хлевце белых овец* (Зубы). *Бежит свинка, дырявая спинка, остренький зубок, льяной хвосток* (Иголка с ниткой). *Свиные глаза не боятся грязи.*

В сфере использования просторечия и в русских старожильческих говорах Латгалии наблюдается повышенная мотивированность как лексическая, так и структурная, что проявляется в стремлении употреблять в пределах одного высказывания одноморфемные и однокоренные дериваты, а также окказионализмы, имеющие яркую внутреннюю форму. Например:

- 1) Наличие лексической мотивированности: *Ходит* — *ходячая* боль и *грызёт-грызёт*, *грызь грызёт* — я не могу ни *вязать*, ни *шить*! Я не знала, что ты идёшь *ксерить*: мне надо *отксерить*. — Подождите, я сейчас *ксеропну*! *Фотки* сделали, ну, где мы *фоткались*. *Покров* — уже обычно снегом *покрыта* земля!
- 2) Наличие структурной мотивированности, проявляющейся в использовании дериватов с одинаковыми служебными морфемами, чаще всего префиксами: Я всё *обштопаю*, *обчиню*.
- 3) Область новообразований: *дутики* 'дутые сапоги', *резиновики* 'резиновые сапоги', *тридцатидевятики* 'сапоги тридцать девятого размера'.
- 4) Наличие яркой внутренней формы: *Хорошая гречка*, *берите, без чернушек*! *Купите*, мне бы только на *ледяшки* *внукам*, я *дешево отдаю*! (о леденцах). Все *сопливятся* сейчас!

В области формообразования:

- 1) наличие особых форм компаратива: *глаже*, *гущей*, *доложе*, *мелкоше*, *млаже*, *редоше*;
- 2) использование форм превосходной степени в значении сравнительной: *Мне вон тот бурейший*! (женщина пожилого возраста покупает в магазине пододеяльник).

В области грамматики:

- 1) Большой удельный вес существительных с флексией *-ы* в именительном падеже множественного числа у субстантивов мужского и среднего рода: *болоты*, *домы*, *дровы*, *глазы*.
- 2) В первом и втором субстантивном склонении флексия *-и* в предложном падеже: *на работи*, *на земли*, *на столи*.
- 3) Устанавливается взаимодополнение основ по типу непродуктивных глаголов *давать* — *даю*, *познавать* — *познаю* (вместо продуктивного *бывать* — *бываю*): *одеваться* —

одеюсь, ездить — езжю: *Съезжайте, только на танцы никуда не ходите!*

- 4) Наблюдается совпадение окончаний глаголов 1-го и 2-го спряжения в форме 3 л. мн.ч. в виде -ут при отсутствии ударения: *состроют /как съедут/*.
- 5) Отмечается использование однократных глаголов: *Гладани мне брюки, пожалуйста! Это не его дагнуло между вагонов? Черкани Илоне пару строк! Теперь специальные такие есь для чеснока — положишь и жиманёшь!*
- 6) Отсутствие чередований в словоизменении глагола: *Побегишь, прибегишь, коровку надо доглядать — некогда!*
- 7) Колебания в употреблении начального *н* у личных местоимений после предлогов: *Год за год мы с им (погодки). Был у ей катаракт, операцию сделали, она уже дягу не взяла!*
- 8) Несовпадение родовой принадлежности некоторых существительных с литературным языком: *Ставят стуло вот сюды. Берите, хороший яблок, чистенький, тёплый!* /продает на базаре яблоки в сильный мороз, яблоки закутаны в шубу/.

Выделяется пласт лексики со сниженной стилистической окраской (наличие таких лексем и пейоративов некоторые лингвисты относят к основному отличительному признаку просторечия): *Так голый и подрал! Чухаемся — чего ещё и надо в нашем возрасте: здоров и слава богу! Сейчас я уберусь, вы посмотрите!* /стоят у прилавка/. Нередко эти слова бытуют в качестве бранных: *паскудный, паскудство, паскуда: Паскудная витрина, чуть вас не поранила!* /продавец покупателю/. *А какой у неё муж? Паскуда!* Особенно частотны образования с лексемой *бес*: *беси бери, беси погнали, до беса, какого беса, на беса, ни беса. Какого беса тогда Чехова ставят в Сингапуре?* /доцент экзаменует студента/. Параллельные образования встречаются с лексемой *холера*. Образования с лексемой *чёрт* отмечаются редко, потому что старообрядцы очень редко используют эту лексему в своей речи, поминать *чёрта* не рекомендуется по религиозным причинам.

Даугавпилс входил в состав Польши и Белоруссии, поэтому в русских говорах сохранились заимствования из этих языков. Например, из немецкого через польский (по свидетельству Е. З. Марченко) пришли такие слова, как *муровать* 'строить из

камня', *муры* 'каменный дом', *мурник* 'каменщик', *клямка* 'щеколда', *шуфлядка* 'ящик стола', *балейка*, *балея* 'лохань', *шкода* 'вред', из польского заимствовано *салька* 'мансарда'. Как заимствование из польского через белорусский дается А. И. Синицей *жебрак* 'нищий', *дюбка* 'клюв', *дюбать* 'клевать'. Польско-белорусским влиянием объясняется употребление предлога *с / со* (*со школы, с магазина*) в соответствии с литературным *из* и составного предлога *з-за* на месте литературного *из-за*. Из английского через польский заимствовано *файный* 'красивый'. Отличаются высокой частотностью употребления полонизмы *так само, тоже само, также само, такое само*. Калькой с латышского является употребление лексемы *обратно* вместо литературного *назад*: *Когда я тут была? Два дня обратно. Света обратно заболела*. В целом же заимствования из латышского языка весьма немногочисленны и проникают в просторечие преимущественно из деловой, административной и церковной сферы.

Л. П. Крысин выделяет речь пожилых носителей просторечия, преимущественно женщин, и речь молодых носителей просторечия, преимущественно мужчин, и противопоставляет в соответствии с этим две разновидности просторечия. Просторечие-1 имеет, по Л. П. Крысину, яркую диалектную окраску, а просторечие-2 лишено диалектной окраски и в значительной степени жаргонизировано [Крысин 1989: 56]. По нашему мнению, просторечие-2 жаргонизировано, но не лишено и диалектной окраски. Какие-то диалектные особенности характеризуют и просторечие-1, и просторечие-2: например, из указанных выше акцентологических *брала, была, спала*, из фонетических *коло, кажись*. Синтаксические черты сохраняются в просторечии-2 почти в полном объеме, за исключением несклоняемых форм на *-(в)ши*, которые обнаруживают тенденцию к сокращению в речи молодого и среднего поколения. Перечисленные словообразовательные механизмы представлены в просторечии-2 почти в полном объеме, нет только образований типа *дохторица, фельдшарица; дитёнок, ребятёнок, собачонок* и наречий, мотивированных наречиями. Из лексических диалектизмов в просторечии-2 живут полноценной жизнью названия овощей, грибов, блюд, религиозных праздников и служб, наименования орудий труда и процессов,

связанных с обработкой земли, животноводством, рукоделием, приготовлением пищи, а также местоимения (*евоный, ейный, ихний*) и некоторые прилагательные (*глумой, каляный, файный*) и наречия, встречающиеся, кстати, даже в речи дикторов русской службы латвийского радио — радиостанции “Домская площадь” (*Начинаем нашу информационную программу. Сперва коротко о событиях сегодняшнего дня*). Как видно, большая часть этих диалектных рефлексов принадлежит к так называемым непротивопоставленным диалектным различиям, то есть таким, которые не имеют аналога в кодифицированном литературном языке. Какие-то из диалектных слов развивают в просторечии 2 новые значения: *дюбка* 1. ‘деталь машины’; 2. ‘острая, выступающая часть медицинского инструмента’; *подюбать* ‘поесть’ (*Подюбай какой кусочек!*); *разбить* ‘разменять деньги’ (*Разбей пополам! Анфиса, лат разобьёшь?*); *скубать* ‘очищать шерстяное изделие от комочков скатавшейся шерсти’: *Надо было его обскубать! Обскубываю — мне больше всех надо! /свитер/*. В говорах старообрядцев *скубать* — ‘очищать убитую птицу от перьев’. В словарях современного русского литературного языка *торба* дается с пометой *просторечное* в значении ‘сума, мешок’, а в городском просторечии Даугавпилса эта лексема имеет широкое распространение как среди молодежи, так и среди людей старшего поколения, при этом *торбой* называют любую, в том числе и самую модную, сумку.

Таким образом, анализ языковых особенностей городского просторечия города Даугавпилса — самого русского города Латвии — показывает, что качественно оно ближе всего к диалектной речи, а не к разговорной речи, молодежному сленгу, профессиональным жаргонам (хотя взаимовлияние всех указанных языковых сфер и литературного языка всегда происходит), это связано с тем, что население города состоит по большей части из выходцев из сельской местности; следовательно, литературные формы здесь могут утрачиваться очень быстро, если не будет восполняться тот круг людей, которые благодаря высшему образованию, полученному на русском языке, становятся носителями литературного языка. В перспективе таких людей будет все меньше и меньше, так как в будущем русские высшее образование на русском языке смогут получить,

по-видимому, только в России. Влияние же латышского языка на городское просторечие минимально, как и в то время, когда он не имел статуса государственного языка. Это объясняется тем, что решающим фактором здесь оказывается экспансия со стороны диалектных форм, а всякое другое языковое влияние оказывается неконкурентоспособным.

ЛИТЕРАТУРА

- Городское просторечие 1984 — *Городское просторечие*. Москва.
- Коготкова Т. С. 1977 — Роль просторечия в процессах освоения говорами лексики литературного языка. *Литературная норма и просторечие*. Москва
- Крысин Л. П. 1989 — *Социологические аспекты изучения современного русского языка*. Москва.
- Скворцов Л. И. 1977 — Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии. *Литературная норма и просторечие*. Москва.

ДРЕВНЕЙШИЕ РУССКО-ЭСТОНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

Ю. С. КУДРЯВЦЕВ

В настоящее время праугрофинно-славянские контакты восстанавливаются для весьма отдаленных эпох, см. [Кюннап 1998]. В нашей публикации речь пойдет о том периоде, когда уже можно говорить об эстонской и русской (точнее, восточнославянской) языковых общностях.

Начало контактов на этом уровне относится к VI–VII вв. нашей эры, когда, по археологическим данным (В. И. Сизов, Н. Н. Чернягин, В. В. Седов, М. Ауп и мн. др., см.: Седов 1982: 46–58 с библиографией), славяне появились в непосредственном географическом соседстве с предками эстонцев — в районе Псковского озера и нижнего течения р. Великой¹. К этому моменту финноязычные племена уже много веков населяли территорию современных Эстонии и Латвии. Миграция славян в соседний район до сих пор является научной проблемой — неизвестны исходное место, пути и причины этой миграции. Историческая наука XIX в., при недостатке позитивных знаний, считала вероятным маршрут прихода новгородских “словен” (племенное название или общая этническая характеристика?) и псковских “кривичей” (к которым по некоторым дан-

¹ Дальнейшие рассуждения основаны на признании псковских длинных курганов славянскими. Существует другая авторитетная точка зрения (акад. Х. Моора, Г. С. Лебедев, П. Лийги), согласно которой они оставлены дославянским населением, предположительно — водью. Этот проблемный вопрос, накопивший к настоящему времени обширную литературу, в рамках данной краткой публикации обсуждать невозможно. Согласно данному мнению непосредственного территориального контакта между эстонцами и русскими не существовало.

ным могут быть отнесены псковичи) с юга. Однако археологические культуры этих племен не находятся в генетической зависимости от более южных археологических культур.

Известно, что старое название славян: др.-греч. *εὐεταί*, лат. *veneti*, нем. *Wenden*, — локализуемое всегда в районе Балтийского моря, западные финны используют для обозначения русских: эст. *venelased*, фин. *venälaiset*. Проф. А. Кюннап обратил наше внимание на любопытное выражение *võnnuvõõras* ‘полностью чужой’, первую часть которого он связывает с тем же корнем (письмо от 11. 12. 98).

Акад. А. А. Шахматов, исследуя древнепсковский диалект, выделил ряд его особенностей, которые он назвал “ляшскими” [Шахматов 1913]. Выявленные Шахматовым черты сближают говор древних псковичей не с другими восточнославянскими говорами, а с западнославянскими языками. На этой лингвистической основе родилась теория западнославянского происхождения не только первоначальных псковских жителей, но и новгородцев. В течение двадцатого века полемика по этому поводу то разгоралась, то затухала в науке. Современное состояние дискуссии представлено в работах С. Л. Николаева [Николаев 1988–1989; 1994] и В. Б. Крысько [Крысько 1994]. Автор настоящего обзора занимает умеренные позиции. Проанализировав диалектные соотношения в области фонетики позднепраславянского языка [Кудрявцев 1996: 45–52], мы пришли к выводу о несомненно большей близости новгородского диалекта к восточнославянским (чем к западным) и о вероятности таких же внешних отношений для псковского. Главное же, в нашем понимании, заключается в том, что языковые данные в целом не релевантны для решения вопроса о путях миграции будущих северных славян. В VI–VIII вв. праславянский язык еще не распался, а восточно- /resp. западнославянские языковые особенности в основном формировались в более позднее время. Ср. у Г. А. Хабургаева: «Во многих исторических сочинениях проблема генетического родства лехитов и северных восточных славян трактуется в плане западнославянского (?) происхождения новгородцев, что исторически недопустимо... Речь идет о периоде, когда никаких “западных” и “восточных” славян еще не было...» [Хабургаев 1979: 108, прим. 10]. Некоторые наиболее яркие новгородско-псковские *spesifica* могут рассматриваться как периферийные общеславянские архаизмы. Ср., напр., новгородско-псковские ре-

флексy II палатализации и изменений с *j (по Николаеву и Кудрявцеву, см. сноски выше) и македонские *ќ*, *џ*. Для полноты отчета укажем на определенные сходства в характере падения редуцированных между полабским языком и новгородским диалектом [Кудрявцев 1993: 19–20].

В соответствии с изложенным мы считаем, что решение вопроса должно опираться на археологические данные. Они показывают, что псковские и новгородские славяне появились в своих районах неожиданно и без видимой связи с другими восточнославянскими племенами. Более южные археологические культуры принадлежат, согласно В. В. Седову, балтам [Седов 1982: 29–45]. Но даже если это не так, и колочинская, тушемлинская, мощинская культуры — славянские, преемственность по отношению к ним культур длинных курганов (псковичи) и новгородских сопok отсутствует. Языковые особенности распространялись в этом районе в соответствующий период не с юга на север, а в обратном направлении. Напр., цоканье в начале письменного периода охватывало смоленский говор [Филин 1972: 258] (ранее — территория памятников типа Тушемли — Банцеровщины).

В 50-е гг. В. В. Седов предполагал, что миграция северных славян осуществлялась с запада через территорию летописной Литвы. Здесь сохранились продолговатые сопки, напоминающие по форме псковские курганы. Автор гипотезы тогда же проверил ее полевым методом, и гипотеза не подтвердилась: сопки на территории литвы почти не содержат антропогенного материала и, по-видимому, являются естественными образованиями (следами деятельности ледника?), см. [Седов 1974; Хабургаев 1979: 110]. В позднейший период было выдвинуто и проверялось энтузиастами экспериментально предположение о морском пути славян к будущему Пскову и Новгороду.

Допустить, что в VI–VIII вв. славяне могли осуществить каботажное плавание по Балтийскому морю, нетрудно. Такое плавание не требует ни больших судов, ни специальных знаний по астрономии и навигации. Непогоду мигранты переживают на берегу, здесь же пополняют запасы пресной воды. При появлении враждебных местных жителей забирают мористее. Такой путь менее опасен, чем преодоление сотен миль посуху, с примитивными средствами передвижения и неиз-

бежностью столкновения с населяющими страну племенами. Отметим, что запад Балтийского моря несколько позднее прославился как родина отважных и искусных мореплавателей — норманнов. Культура мореплавания могла быть здесь высока по природным условиям, вследствие обилия островов — ср. раннее развитие аналогичной культуры у греков Архипелага.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что от устья Травны (*Trawemünde*, р-н Любека) до устья Наровы (*Narva-Jõesuu*) большие реки впадают не в море, а в эстуарии — заливаемые соленой водой бывшие дельты тех же рек. Эстуарии отделены от моря группами островов (рр. Одра / *Oder*, Зап. Двина / *Daugava*) или узкими полосами земли — косами (рр. Висла, Неман / *Nemunas*). На этом предполагаемом пути первое заметное полноводное русло — Нарова, второе — Нева. От этих точек движение предполагаемых мигрантов топологически тождественно: они проходят короткую полноводную реку, попадают в пресное “море” (соотв. Чудское / *Peipus* и Ладожское озера), на южных оконечностях которых при впадении относительно больших рек (соотв. Великой и Волхова) основывают поселения — Псков и Старую Ладугу. Последняя, по мнению исследователей, называется так в противоположность *Новой городу* (склоняется в летописях), более позднему местному центру. Т.о., налицо — чем бы это ни объяснялось — одинаковая тактика поселения.

Оценивая вероятность продвижения славян вдоль берега Балтийского моря, следует иметь в виду, что колонизация вообще осуществляется небольшими численно группами, а дальнейшее распространение пришлого этноса связано как с престижностью его культуры и соответственно языка, следствием чего является ассимиляция, см. [Künnap 1998], так и с занятием новой экологической ниши (пришельцы имеют отличную от аборигенов систему хозяйствования).

Поселившись в непосредственной близости от предков эстонцев, псковские славяне должны были вступить с ними в сношения. Это подтверждается археологическими материалами [В. В. Седов. Восточные славяне в VI–XIII вв. М. 1982: 48; Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. 1987: 16]. В бассейнах рек Пиуза, Выханду и Ахья наблюдается чересполосное размещение славян и прибалтийско-финских племен, памятники которых для этого времени еще не могут быть диф-

ференцированы на эстонские и ливские [Финно-угры 1987: 33 с библиографией]. Налицо довольно обширная этнически переходная зона. На данном этногеографическом фоне становится ясным, что поход киевского князя Ярослава Мудрого в 1030 г. не имел целью основание русской колонии в чужой земле, а представлял собой попытку установить форпост на крайней северо-западной границе отдельных русских поселений. Выбор места для города, названного *Юрьевом*, определялся тем, что с древности в районе Тоомеяги существовала удобная (в светлое время дня контролируемая визуально с обоих берегов) переправа через Эмайыги, что подтверждается наличием эстонского городища. Попытка, как известно, окончилась неудачей: Юрьев быстро исчезает со страниц летописи, а русское население контактной зоны, как показывают археологические материалы, уходит в сторону Пскова и Изборска. По-видимому, военное вмешательство вызвало отрицательную реакцию эстонцев и радикально нарушило мирные отношения между абorigенами и новопоселенцами.

До этого в очерченной зоне контакты были неизбежными. Лингвистическая характеристика таких контактов может колебаться от предположения о взаимной культурной изоляции (в связи с коренными различиями в быту и хозяйственном укладе) до гипотезы о двуязычии, доходящем в отдельных случаях до степени координативного. Постараемся уже на лингвистическом материале показать, что последнее ближе к истине. Обратимся к топонимике.

Для характеристики древнейшего периода русско-эстонских языковых контактов чрезвычайно показательны отражения в Псковской и Новгородской летописях названия важной для эстонцев реки *Эмайыги* / *Etajõgi* как *Омов(ъ)жа* / *Омовыжа*. На поверхностный взгляд это типичный пример грубого искажения облика иноязычного слова при заимствовании. Однако историко-лингвистический анализ раскрывает нам совсем другую картину.

В др.-рус. языке было невозможно начальное [е] без йотации; соответствующие общеславянские слова отражаются в нем со звуком [о], поскольку [е/о] представляли в этом языке одну фонему, выбор аллофонов которой определялся позици-

онными условиями. Ср. др.-рус. *олень, озеро* и ст.-сл. *клѣнь, кзѣро*. Таким образом, др.-рус. *о-* точно отражает эст. *е-*.

Такой же закономерной выглядит рефлексация эст. кратко-го *-а-* в виде др.-рус. *-о-*. Система принимающего языка имела только долгое [а], ближайшей в фонетическом отношении заменой краткого [а] являлось краткое [о] — материал см. [Георгиев 1968: 20–24], с нестандартной трактовкой качества праслав. **ǫ*, что для нашей темы несущественно.

Эст. [õ] не находило и не находит себе точного соответствия в русском языке. Как фонема среднего ряда, средневерхнего подъема она замещается в одних случаях через [ъ] (ср. отражение лат. *regina* в подписи Анны Ярославны как *рънина* — Обнорский, Бархударов 1952: 16), а в других через [ы].

Однако [j], стоящий в эстонском слове перед [õ], не может находиться в древнерусском языке в позиции перед [ъ] и [ы], см., напр.: [Колесов 1980: 34–35]. Поэтому он заменяется на другую протезу — [v], ср. *въпѣти* и *въз-ъпѣти*.

Эст. [g] в положении перед гласным переднего ряда переживает в заимствующем языке характерный для последнего и обязательный в этих условиях процесс — т.н. I палатализацию.

И только эст. [j] не рефлектируется фонетически, а замещается русским окончанием [а].

В итоге оказывается, что внешне столь отличающееся от эстонского русское название *Емајõги* является его точным воспроизведением согласно закономерностям воспринимающего языка. Для подобной точности необходимо, чтобы передающий субъект а) точно знал фонемный состав эстонского слова (а не приблизительно передавал его звуковой облик) и дифференциальные признаки эстонских фонем²; б) безукоризненно

² К составу фонем слова и их признакам для периода заимствования ср.: лив. *jemā, jāma*; вод. *emä*; фин. *emä* (и *emo, -oi, -u, -ui*); лив. *jo Ū, jo ŪG, jōuG*; вод. *jetši*, gen. *jegge*; фин. *joki* [Mägiste 1982–1983: 190, 580]. Эти данные позволяют провести следующую реконструкцию. После отделения финского произошла делябилизация **o*: **joki* > *jõgi, jetši, jo Ū*. После отделения водского а) утратился сингармонизм: **emä* > *ema, jemā*, б) чередование ступеней в ном./ген. “сместилось” на одну ступень: **k/g* (**jeki / jegge*) заменилось на **g/Ø*: *jõgi / jõe*. Кроме того, в отделив-

владел фонетическими закономерностями русской речи, включая такой тонкий вопрос, как характер аллофонного варьирования. Разумеется, для дописьменной эпохи ни о каком сознательном подходе к этим вещам не может быть и речи. Это было возможно лишь при координативном билингвизме передающего субъекта.

Любопытно в этом плане морфологическое освоение слова. Ближе к оригиналу была бы передача его как **омовъжъ* (скл. на **ī*). Но это не соответствовало бы морфологическому членению эстонского слова, где *i* — часть основы. Надо знать такое членение — оно ведь не выражено внешне, а определяется внутренней структурой эстонского языка. Возникает также впечатление, что передающий субъект осведомлен об отсутствии категории рода в эстонском языке. Эстонскую основу он воспринимает как *ни* и *ка* к *ую* по данному признаку и, морфологически осваивая ее по правилам русского языка, сначала приписывает ей женский род по общему термину *река*, а затем — наиболее характерное (наиболее частотное) окончание женского рода *-а* (а не более редкие *-ь*, *-ы*, *-и*). Одноязычный субъект машинально воспринял бы *Emajõgi* как слово женского рода склонения на **ī*.

Эффект I палатализации позволяет датировать заимствование. Согласно К. Бидуэллу [Bidwell 1961], данный процесс происходил до 600 г.н.э. Заимствование *Emajõgi* осуществилось не позднее этого времени, иначе слово сохранило бы [g], ср. ст.-сл. *геона* < γέεννα, *гистеръна* < лат. *cisterna* и под.

шемся водском **k* палатализировалось перед гласным переднего ряда: **ki* > *tši*. Отделение ливского в данных словах знаменовалось особыми явлениями начала и конца слова: протеза **ema* > *jemà* и палатальный умлаут с преломлением в ударном слоге: **jõgi* > *jo ĴG, jõuG*. Последний процесс отмечается и в островном диалекте эстонского языка, создавая чередования типа [raeĴ] / [rāD?] [Каск 1975: 190]. К нашему пониманию умлаута и преломления см. [Кудрявцев 1996: 84–85], с типологическими параллелями.

Вышесказанное позволяет утверждать, что современный звуковой облик *Emajõgi* сохранился неизменным еще с периода эстонско-ливского языкового единства.

Иными словами, несмотря на позднюю фиксацию, это заимствование относится к интересующей нас эпохе.

Праславянский характер носит также заимствование *Piusa* / *Плюсса*. Речь идет о названиях рек, впадающих соответственно в Псковское и Чудское озера. Относительно направления заимствования отметим, что эст. *piu-* рефлексировалось бы в др.-рус. как *плъ-* <*rjъ- < rjū-. Напротив, принимая направление *Плюсса* > *Piusa*, мы получаем точное соответствие русскому, уже монофтонгизировавшемуся [u] в виде эст. [u]. Отсутствие *l* epentheticum говорит о дописменном характере заимствования (*rjusa³ > *piusa*).

Ряд топонимов имеют соответствие *-ar-/ -oro-*, которое также могло возникнуть лишь в дописменную эпоху, в период действия т.н. закона открытых слогов. Таковы *Varnja* / *Воронья* < *varn-, *Narva* / *Нарова* < *Норова* < *narv-.

Итак, фонетика заимствованной гидронимии, относящейся к периоду древнейших русско-эстонских контактов, свидетельствует о наличии передающей среды с координативным двуязычием.

Об этом же может говорить и семантика топонимов. В условиях двуязычия имя собственное может переводиться (калькироваться) с одного языка на другой. Упоминавшееся выше название реки *Emajõgi* представлено в русских источниках и как *Матерая рѣка* (эст. *ema* 'мать', *jõgi* 'река'). Хорошо известен и еще один пример. Древняя столица Южной Эстонии Отерпää названа в русских источниках *Медвежьей головой*, что в точности соответствует внутренней форме эстонского слова, см. [Фасмер 1986–1987 II: 589], ср. фин. *ohito* 'медведь' (как указал нам проф. А. Кюннап, письмо от 20. 11. 98, эстонский язык также сохранил это слово: *ott*, род. *otti* — наряду с *kari* 'то же' в качестве эвфемизма или табу). Очевидно, что калькирование могло осуществляться только через двуязычную среду.

Более сложным случаем является соотношение *Ledenec* / *Lyndanise*. *Lyndanise* (с фонетическими вариантами) встречается в средневековых латинских источниках как название города Таллинна. В науке обычно толкуют его как производное от шв. *linda* 'поле под паром' и *näs* 'мыс, коса' [Фасмер

³ Др.-рус. язык не знал двойных согласных. Геминация здесь — позднейшее явление.

1986–1987 II: 475; там же сближение с *linn* ‘крепость, город’⁴]. С семантической точки зрения, однако, данная этимология доступна критике: *пар* как элемент севооборота ежегодно меняет место и служил бы плохим признаком для опознания конкретной территории.

Все древние города Эстонии находятся на высоких холмах, что соответствует их первоначальной функции: защиты населения округа от организованного вооруженного нападения. В теплое время года все население страны занималось сельскохозяйственными работами; войско собиралось и вооруженные междоусобицы возникали, когда мужчины оказывались относительно свободными от хозяйства, когда замерзали болота и реки и проходимость территории увеличивалась. При известии о движении неприятеля мирное население собиралось в укрепленных пунктах; можно думать, что сюда же на зиму свозился полученный урожай. Этой воображаемой картине соответствует одна из этимологий названия эстонской столицы (М. Мягер, устное сообщение): *Tallinn* от *talv* ‘зима’ и *linn* ‘город, крепость’. Более известное произведение названия эстонской столицы из *Taani* ‘Дания’ и *linn* содержит определенные морфологические проблемы. Реконструкция **tanin lidna* [напр., Pullat 1976: 52–53] вопреки данному автору не вполне эквивалентна лат. *castrum Danorum* и латыш. *Dānupils*. Эти термины переводятся как ‘крепость датчан’, а **tanin* представляет собой ген. от названия страны — целое, таким образом, значит ‘крепость Дании(?)’. Поэтому авторы [SKES IV: 1225] предлагают реконструкцию сущ. **tani* ном., *tani* ген. из средневекового датского *dane, dan*; название города реконструируется в таком случае как **tani lidna*, т.е. ‘крепость датчанина’. Но и в этом случае точной аналогии латинскому нет, не говоря уже о неловкости выражения (почему одного датчанина? М.б., датского короля?)

⁴ Базирующаяся на этом сближении реконструкция **lidnanasōn* ‘место крепости, linnaase’ [см., напр., Pullat 1976: 49] чрезвычайно привлекательна своей фонетической, морфологической и семантической прозрачностью, но ставит новую трудно решаемую проблему: почему такое простое и ясное эстонское слово было полностью вытеснено латинским искажением (по логике данной гипотезы) *Lyndanise*, вплоть до рождения легенды о плачущей *Линде*.

Вышгородский холм выделяется своими размерами и высотой, а также практической неприступностью северо-западного склона, представляющего собой естественную стену из скальных пород — непреодолимое препятствие для штурмующих город войск.

Можно предположить, что первоначально эта стена сознательно не укреплялась. В зимнее время, когда и происходили набеги, стена покрывается коркой льда, что делает ее еще более неприступной. Отсюда может происходить название *Леденец*⁵, от *ледь*. При таком толковании оно сближается по смыслу с эстонским названием города *Tallinn*, если принять приведенную выше этимологию от *talv* и *linn*.

Хотя отношение *Tallinn* < *talv* + *linn* ~ *Леденец* не является калькированием в строгом смысле этого термина, семантическое влияние самоназвания на русское слово (при условии справедливости всех сделанных ранее допущений) трудно отрицать. Таким образом, и это местное название может служить аргументом в пользу высказанного нами тезиса о существова-

⁵ Указание на связь *Леденца* и *Линданиссы* принадлежит П. Милюкову. См. [Фасмер 1986–1987 II: 475]. М. Фасмер считает его опровергнутым источниками, ссылаясь на [Буш 1913]. Однако указанная статья В. В. Буша посвящена совсем другой теме и не содержит по данному вопросу ничего, кроме ссылок на П. Милюкова и полемизирующего с ним Э. А. Вольтера. См. [Буш 1913: 325–326]. Чтение статьи Э. А. Вольтера [1900] показывает следующее. М. Фасмер напрасно доверился фольклористу В. В. Бушу, для которого данный вопрос не имел серьезного значения и который, действительно, пишет: “Это мнение [о тождестве *Леденец* / *Lindanissa*] было опровергнуто” [Буш 1913: 326]. Но В. В. Буш ошибается. Статья Э. А. Вольтера посвящена опровержению другого тезиса: что *Lindanissa* являлось эстонским названием города [Вольтер 1900: 1327]. Он отождествляет это слово с норв. *Lindisnes* (“южный мыс Норвегии”), толкуя последнее из *lidandi* ‘Abhang, Absturz, т.е. обрыв’. При этом Э. А. Вольтер допускает, что скала *Domberg* в Таллинне могла называться (датчанами) так же, как и норвежский мыс [Вольтер 1900: 1329]. Т.о., поправка Э. А. Вольтера к Милюкову заключается в том, что он производит *Lindanissa* из герм. языков, а не из эст. Статья заканчивается

нии в древнейший период русско-эстонской двуязычной среды.

ЛИТЕРАТУРА

- Bidwell C. E. 1961 — The Chronology of Certain Sound Changes in Common Slavic as Evidenced by Loans from Vulgar Latin. *Word*. 1961. 17. P. 105–127.
- Künnap A. 1998 — *Breakthrough in present-day Uralistics*. Tartu.
- Mägiste J. 1982–1983 — *Estnisches etymologisches Wörterbuch*. Helsinki.
- Pullat R. 1976 — *Tallinna ajalugu: 1860-ndate aastateni*. Tallinn.
- SKES — *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. Helsinki, 1955–1981.
- Буш В. В. 1913 — Среди новых исследований былин (окончание). *РФВ*. 70. № 4. С. 314–331.
- Вольтер Э. А. 1900 — Что такое Линданиса? *ИОРЯС*. V. Кн. 4. С. 1326–1331.
- Георгиев В. 1968 — Праславянский вокализм и проблема аканья. *Общеславянское значение проблемы аканья*. София. С. 7–38.
- Каск А. 1975 — Эстонский язык. *Основы финно-угорского языкознания*. Москва. С. 167–203.
- Колесов В. В. 1980 — *Историческая фонетика русского языка*. Москва.
- Крысько В. Б. 1994 — Заметки о древненовгородском диалекте. *Вопросы языкознания*. № 5. С. 28–45; № 6. С. 16–30.
- Кудрявцев Ю. С. 1993 — Две заметки по поводу падения редуцированных. *Русский язык донационального периода*. СПб. С. 13–20.
- Кудрявцев Ю. С. 1996 — *Очерки по русской исторической фонологии и морфонологии*. Тарту.
- Кюннап А. 1998 — Возможный финно-угорский субстрат в славянских языках. *Языки малые и большие...* Тарту. С. 261–267.
- Николаев С. Л. 1988–1989 — Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи. *Балто-славянские исследования*. 1986. Москва. 1988. С. 115–154; 1987. Москва. 1989. С. 187–225.

сочувственной по отношению к мнению П. Милюкова шуткой: «Нейс в своей брошюре выписал как Motto: “Hübsch Kind hat viele Namen”, известную лифляндскую пословицу. Но если верить сопоставлению г. Милюкова Леденец — Лиденес — Линданисса, то к славе Ревеля прибавляется еще новая — о знаменитом Ледян-городе моря Верейского» [Вольтер 1900: 1331].

- Николаев С. Л. 1994 — Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов. *Вопросы языкознания*. № 3. С. 23–49.
- Обнорский С. П., Бархударов С. Г. 1952 — *Хрестоматия по истории русского языка*. Ч. I. Москва.
- Седов В. В. 1982 — *Восточные славяне в VI–XIII вв.* Москва.
- Седов В. В. 1974 — *Длинные курганы кривичей*. Москва.
- Фасмер М. 1986–1987 — *Этимологический словарь русского языка*. Москва.
- Филин Ф. П. 1972 — *Происхождение русского, украинского и белорусского языков*. Ленинград.
- Финно-угры 1987 — *Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. Москва.
- Хабургаев Г. А. 1979 — *Этнонимия “Повести временных лет”*. Москва.
- Шахматов А. А. 1913 — К вопросу о польском влиянии на древнерусские говоры. *Русский филологический вестник*. № 1. С. 1–11.

ПЕРСПЕКТИВЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЛАТВИИ

А. М. КУЗНЕЦОВ

Русское население Латвии складывалось в течение нескольких веков. Особенно заметно увеличился состав русской части населения в XVII в. в связи с притоком старообрядцев, которые до сих пор составляют добрую половину русских жителей Латвии. По понятным причинам молодое поколение старообрядческой общины утратило ныне многие традиции отцов.

В XVIII в. эти территории отошли к России, что вызвало новый приток русских из России и одновременно процесс русификации части латышского и польского населения. С 1918 г. местные русские оказались оторванными от России, их уклад жизни, культурные традиции и язык формировались теперь в условиях обособленности от основного массива русского населения. После прихода советской власти кое-что в этом плане сглаживалось или утрачивалось под влиянием центра. Русское население состоит теперь и из сельских, и из городских жителей, из представителей разных социальных слоев. Интеллигенция не представляет единства в смысле культурных традиций: кроме людей, выросших в Латвии и получивших образование здесь, много образованных людей приехало в советский период, но они слабо знакомы с местными традициями и историей, с особенностями местных русских говоров, поскольку их интересы больше были связаны с центром, Россией.

К русскому населению примыкают также те, для кого русский язык оказался родным языком, хотя они являются людьми других национальностей (латыши и латгалцы, белорусы, поляки), и кого называют “русскоговорящими” или “русскоязычными”. Усвоение русского языка этой частью населения шло разными путями, включая и переход непосредственно на какой-либо диалект или на городское просторечие.

Таким образом, за время своего существования в Латвии русский язык несколько раз получал статус языка диаспоры. Этот статус он приобретает и сейчас. Отражается ли новый статус русского языка на качестве русской речи в Латвии? Здесь мы должны отграничить местные диалекты и городское просторечие от литературных форм русского языка в Латвии, хотя они и взаимосвязаны. Диалектная речь и просторечие всегда и везде обнаруживают своеобразие, и поэтому изменение статуса русского языка на качестве этих типов речи почти не отражается. Другое дело — литературные формы, представленные на радио, телевидении и в прессе, речь интеллигенции. Особенностью существования литературного языка в условиях рассеяния является отсутствие единого культурного центра, диктующего свои нормы. Связи с русским языком России ослабевают, в основном они ограничиваются российской прессой и книжной продукцией, некоторыми каналами телевидения. Для части русских поездки в Россию еще остаются обычным явлением. Русский язык находится в сложном окружении представителей латышского населения, польского и белорусского. Давление диалектной и просторечной стихий, вариантов, возникающих в связи с субстратным воздействием в речи нерусского населения, все сильнее сказывается в официальных видах русской литературной речи, тем более что представители интеллигенции местного происхождения, не вполне владеющие нормами, получили в недавнее время некоторые преимущества по сравнению с приехавшими из России.

Так что качественные изменения ожидаются прежде всего в литературных формах языка. Но если при этом понимать под литературным языком язык нормированный, а под нормами — рекомендации, идущие от центра, то можно ли считать тогда местный литературный язык русским *литературным* языком, а не отклонением от него? Можно ли считать местные представления о нормах — нормами?

Русские школы Латвии постепенно переходят в обучении родному языку на учебные программы и учебники, составленные местными авторами. В Латвии среди лингвистов-русистов чуть более 10 докторов филологии, или по-старому кандидатов наук (чуть лучше положение в латышской лингвистике), примерно столько же здесь литературоведов, а авторитетных русских писателей и поэтов по сути нет. Отсутствие достаточного количества квалифицированных специалистов-филологов

среди авторов школьных программ и учебников сказывается не только на качестве теоретического материала, но, что еще важнее, на качестве самого языкового материала — примеров и текстов, художественных произведений, рекомендуемых для изучения. Русская классическая поэзия серьезно потеснена современной второсортной поэзией и прозой для детей и — вот уж совсем неудачно! — низкосортными переводами латышской литературы, которые будто бы помогают русским влиться в латышское общество и освоить латышскую культуру. Домашнее чтение русской классики и серьезной современной литературы, к сожалению, уходит в прошлое. Это касается большинства русского и русскоязычного населения.

В последнее время силу набирает поддерживаемая сверху тенденция переходить на латышский язык в преподавании предметов естественного цикла. Как бы ни оценивать подобные рекомендации, нельзя не предвидеть в недалеком будущем утрату русскими в Латвии знания языка русской науки. А ведь научный язык в XX в. активно проникает не только в другие письменные стили, но и в повседневную жизнь.

Утрачивают русские в Латвии уже и сейчас навыки деловой речи, и не только потому, что в России деловая жизнь идет своим путем, но уже потому, что вся документация ведется только на латышском языке. Русская пресса Латвии, радио- и телепередачи, конечно, могут продолжать хорошие традиции, однако их пример не является теперь обязательным. В бытовой народной речи уже обычным явлением становятся заимствования *аплицība* вместо *удостоверение* или *свидетельство* (латыш. *aplicība*), *иесниегум(с)* вместо *заявление* (латыш. *iesniegums*), *иззиня* вместо *справка* (латыш. *izziņa*), *приекшник* вместо *начальник* (латыш. *priekšnieks*). Правда, и для латышей некоторые нововведения представляют трудность: после того, как появился документ с названием *curriculum vitae*, пришлось ему дать соответствующее название по-латышски *dzīves gaita*, русские же наряду со старым *автобиография* могут употреблять и латышское, и латинское название без перевода. Так же без перевода остаются и названия многих учреждений и предприятий, названия служб, в которые приходится обращаться регулярно, например *grāmatvedība* (т.е. *бухгалтерия*), *ūdensvads* (бывший *водоканал*), *pārvalde* (т.е. *управление*), *земессарги*, *robežsargi* (т.е. *пограничники*). Если же и используется перевод, то никто не может с уверенностью сказать, что

именно так рекомендуется говорить, например: *налоговая карта* или *налоговый лист(ок)*?

Письменный русский язык менее подвержен подобного рода изменениям, но и он должен как-то отразить специфику местной культуры и природы, которые для носителей становятся более актуальными, чем культура и природа материнской территории и государства. Язык диаспоры при этом может опережать в усвоении каких-то понятий и слов язык своего бывшего центра, если тот по разным причинам сейчас не интересуется этой проблемой и не предлагает своих рекомендаций. Нормализация может проходить стихийно, реже — под руководством здешних лингвистов.

Так, после обретения Латвией независимости и в ходе реформ русский язык должен срочно выработать нормы и найти лексические средства для новых понятий. Новые денежные единицы *lats* — *lati*, *santīms* — *santīmi* были переведены способом транслитерации: *лат* — *латы*, *сантим* — *сантимы*, но возник вопрос о форме Р.мн.: *латов* или *лат*, *сантимов* или *сантим*? При этом никто не заглядывал в старые газеты, чтобы вспомнить традиции времен Первой республики. Аналогия с известными названиями денежных единиц *доллар* — *долларов* и т.п. помогла закрепить в прессе форму на *-ов* (ср. русский омоним *латы* — *лат*), хотя в просторечии продолжает использоваться форма с нулевым окончанием и, как шутка, привычные для недавнего времени *рубль* и *копейка*.

Гораздо сложнее дело оказалось со словом *saeima* — названием парламента в Латвии. Слово по происхождению латышское (от глагола *iet* ‘идти’) ассоциируется по созвучию с польским *сейм* в том же значении (первоначально оно и использовалось в форме *saeims* муж.р.). В конце концов русская пресса признала заимствование *саэйма* необходимым так же, как и названия органов власти в других государствах. Восстановление старого административно-территориального деления в Латвии вернуло из небытия слово *pagasts* (древний русизм *погост*) и его эквивалент в дореволюционной России — *волость*, который теперь спокойно используется в русской прессе. Весь интерес здесь в том, что государственная власть, признавшая государственным только латышский язык, в данном случае дает рекомендации языку, признанному иностранным. А дело в том, что термин *волость*, унаследованный от царской России, продолжал использоваться в русском языке на терри-

тории Латвии во времена Первой республики, так что фактически государство все-таки считает русский язык на этой территории своим и опирается на прежний языковой опыт (в Первой республике русский язык сначала признавался). Для материкового русского языка слово *волость* остается историзмом. Возродилось под влиянием латышского языка и слово *департамент*, давно замененное в России на *отдел*, *отделение*, и т.п.

Транслитерация используется для передачи на русском языке многих имен собственных — названий, появившихся в последнее время. Однако чаще эти названия в прессе оформляются латиницей. Названия улиц, естественно, даются кириллицей, но некоторые из них традиционно переводились на русский язык, а не транслитерировались, например, *улица 18 ноября*. Тем не менее в устной речи (реклама в транспорте) стало появляться: *улица Астуоньпадсмита Новембра*, как будто здесь имеет место непереводаемая игра слов (вспомним *1-е вандемьера*, *9-е термидора*, где порядковые числительные переводятся, а названия месяцев революционного календаря транслитерируются, в нашем же случае месяц один и тот же в русском и латышском языках).

Реформа высшей и средней школы также потребовала создания терминов на русском языке. Появились *хабилизированный доктор*, *ассессор*, *сенат*, *дума*, *абсолювенты*, *рефлектанты*, *нострификация*, *промоция*, многие из которых в России остаются в качестве историзмов совсем с другим значением или вовсе отсутствуют в языке.

В последнее время актуализируются слова церковной сферы бытования, причем относящиеся не только к православию, но и к западным конфессиям: *адвент(ы)*, *каплица* (полонизмы, а не заимствования из латышского), *базница* ('церковь, костел' — леттизм, древнее заимствование из русского *божница*), рядом с которыми находятся и названия латышских языческих праздников — *лиго*, *лиговать*, *зиемассветки* (ныне в латышском языке 'Рождество католическое', но название подобно русским языческим *коляда* и *святки*).

Ослабление норм сказывается в том, что некоторые неправильные обороты речи, возникшие в местном русском просторечии в результате калькирования с латышского или польского, теперь все больше распространяются в речи самих русских: *мне голова болит*; *5 лет обратно*; *время 8 часов и 10 минут*;

выбрать ребенка из детского сада; хороший **мáлец** (в значении 'парень'). Эти формы иногда могут прозвучать и по радио, не только в речи интервьюируемых, но и ведущих. Нечего и говорить об отклонениях в ударении и морфологических формах, вызванных влиянием местных русских говоров: *кувшино́в, купи́вши*. Такие ошибки на территории России и оцениваются как нарушение норм, а на территории Латвии они могут приобрести характер допустимых вариантов.

В связи с тем, что нововведения в России и Латвии не совпадают и нередко оказываются противопоставленными, некоторые слова могут получить разные коннотации на этих территориях, ср. слова *милиция* и *полиция* (в России есть только *налоговая полиция*), *государственная дума* и *саэ́йма*, *рубль* и *лат*, *Москва* и *Рига* (ср. игру на коннотациях у слов *Рига* и *Рим* в рассказе Тэффи "В вагоне").

Как видим, русская речь в Латвии по некоторым параметрам отклоняется от речи жителей России. Отличия, которые ранее характеризовали местные диалекты и просторечие и находились за пределами литературной речи, теперь имеют тенденцию проникать в официальную речь, "актуализируются" в связи с общим понижением уровня образования и степени нормированности речи, утраты культурного центра русским населением. Предлагаемый нынешними политиками переход на латышский язык в русских школах и всех типах вузов может привести к утрате знаний литературных форм, на долю русского языка останется только бытовая речь с ее диалектными и просторечными формами. Письменный литературный русский язык в Латвии перейдет в область пассивного владения.

Пока еще есть русская интеллигенция в Латвии и, в принципе, литературный язык здесь сохраняется. В одной из своих работ А. А. Потемня верно указал на различия в ходе процесса денационализации среди разных слоев общества: "Но литературно образованный человек своего народа имеет перед простолудино́м то преимущество, что на последнего влияет лишь незначительная часть народной традиции, именно почти исключительно устное предание одной местности, между тем как первый, в разной мере, приходит в соприкосновение с многовековым течением народной жизни, взятым как в его составных частях, так и в конечных результатах, состоящих в письменности его времени.

Согласно с этим образованный человек несравненно устойчивее в своей народности, чем простолюдин. Последний на чужбине почти совершенно разрывает связи с родиной и хотя с трудом и плохо выучивается чужому языку, но с необыкновенной быстротой забывает свой... Для первого и на чужой стороне лучшая часть влияний своей народности может сохраниться" [Потебня 1976: 272–273].

Утрата литературной формы русского языка может ожидать только у нового поколения при условии сохранения той языковой политики, которая сейчас пробивает себе дорогу в Латвии.

Что же касается тех представителей русского населения Латвии, которые не получили достаточного образования, то среди них по крайней мере надо выделить старообрядцев, прекрасно сохранявших в течение нескольких веков русскую бытовую речь и, кроме того, знание церковнославянского языка. Если старообрядчество сохранит свои позиции в Латвии, денационализации в этой среде может и не произойти. Молитвенник и Библия на родном языке, писал А. А. Потебня, — это та уже достаточная доля грамотности, которая предохраняет личность от денационализации. Подобные же примеры он находил в русском XVIII в. и начала XIX в.: мать Тютчева говорила в семье исключительно на французском языке, но сохраняла приверженность к русским обычаям, церковнославянскому чтению псалтыри и всем особенностям русского православного быта.

Следовательно, основная проблема для русского языка — это выживаемость литературных форм, что связано, конечно, и со школой.

ЛИТЕРАТУРА

Потебня А. А. 1976 — Язык и народность. *Потебня А. А. Эстетика и поэтика*. Москва.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ЯЗЫКА РУССКОЙ ДИАСПОРЫ ЭСТОНИИ

И. КЮЛЬМОЯ

В современной Эстонии русский язык занимает второе место после эстонского по количеству носителей, он является родным для 28% населения, кроме того, в повседневном общении им пользуются еще 7% некоренного населения. На территории Эстонии выделяются два исторически сложившихся региона компактного проживания русскоязычного населения, определяющих языковую специфику жителей — Ида-Вирумаа (уезд на северо-востоке Эстонии) и Западное Причудье. Кроме того, можно говорить о преобладании русского населения в некоторых районах трех наиболее крупных городов — Таллинна, Тарту и Пярну. В остальной части Эстонии распространение русского языка характеризуется как дисперсное.

По данным переписи 1989 г., в Ида-Вирумаа проживало 32,6% русских — 154 354 человека [ERRA 1995], большая часть их приехала сюда после Второй мировой войны с одним из миграционных потоков 1946–1950 или 1970-х гг. Первый был связан с развитием промышленности, требовавшей рабочей силы, а также с политическими факторами (ввоз членов семей военных), второй — с более высоким жизненным уровнем населения Эстонии и лучшим снабжением продуктами питания. Подавляющее большинство этих людей не имело ранее никаких связей с Эстонией, местный уклад жизни был для них непривычным. Основная масса приехавших селилась в Таллинне и промышленных центрах северо-востока, где в ряде городов почти не стало эстонского населения (напр., в самом большом городе этого региона — Нарве — русские составля-

ют 85%). В 1989 г. 90% всех приехавших жили в городах и составляли 40% городского населения страны [Там же]. Многие из этих людей, особенно направленные сюда по распределению после окончания вуза, не задерживались в Эстонии, состав этой группы населения не был стабильным. В последние годы, однако, он стабилизировался, число уезжающих заметно сократилось. Согласно данным статистического ежегодника, 18% населения уезда Ида-Вирумаа составляют эстонцы, 71% — русские, 11% — другие национальности [ESA 1997]. Такой состав населения определяет и структуру школьной системы: основная часть русских школ страны находится в городах Ида-Вирумаа, где из 3398 школьников 2739 (80,6%) учатся в школах, в которых преподавание ведется на русском языке, в школах с эстонским языком обучения в этом регионе лишь 659 учеников, т.е. в русских школах занимается также 10% детей других национальностей, которые интегрировались в русскую языковую и культурную среду.

В состав уезда Ида-Вирумаа входит и Северное Причудье, где еще сохранились русские говоры. Русское население Северного Причудья — это в основном потомки переселенцев из Псковщины и Новгородчины, в XVI в. во время шведского нашествия часть из них приняла лютеранство, что наряду с экономическими условиями (и русские, и эстонцы здесь занимались сельским хозяйством) способствовало этнической ассимиляции. Позже, в XIX в., происходил обратный процесс — перехода эстонцев в православную веру. Характерная черта этого региона — билингвизм, оказавший сильное влияние и на говоры. Так, напр., к фонетическим особенностям русского говора Ийзаку относятся редукция или отсутствие палатализации согласных, особенно в позиции конца слова, отсутствие мягких шипящих, наличие / среднего, отверждение или неполная мягкость ряда согласных перед *и* и *е*, так что образуются слоги, по звучанию напоминающие эстонские *ni, ri, si, ne, re, se* [Хейтер 1968]. Морфологическую специфику этого говора составляют вариантные формы рода и числа, для синтаксиса характерно влияние эстонского управления и согласования, в лексике же наблюдается большое количество эстонских заимствований, в том числе и глаголов; последнее явление почти

полностью отсутствует в старообрядческих говорах Западного Причудья.

Западное Причудье стало местом компактного проживания русских в иных условиях. В XVII в. на побережье Чудского озера возникают деревни русских старообрядцев, бежавших из России от преследований официальной православной церкви после ее раскола в 1666 г. Постоянные поселения старообрядцев в Причудье формируются к концу 1730-х гг. На западном побережье Чудского озера возникают три группы старообрядческих поселений, одна — на острове Пийрисаар. Причудье привлекало беглецов тем, что находилось на окраинных землях северо-востока Тартуского уезда, принадлежавших в основном небольшим имениям, казенным или часто менявшим владельцев. Старообрядцы могли жить здесь достаточно изолированно, сохраняя свое вероисповедание, т.к. соседей-лютеран не интересовали внутренние проблемы русской церкви. По данным Е. Рихтер [Рихтер 1976], население Причудья возросло за счет переселенцев до середины XIX в., до этого же времени продолжалась активная “внутренняя” миграция старообрядцев на всей территории Прибалтики. Во второй половине XIX в., когда перестали ограничивать переход крестьян из волости в волость, из одной губернии в другую, состав старообрядческого населения Причудья стабилизируется, этому содействуют также экономические причины. Из-за отсутствия пахотных земель и плодородных почв жители региона получают свой доход от занятий огородничеством, рыболовством и отходничеством (строительными работами в городах), что не привлекает новых переселенцев. Массовая миграция прекращается, в дальнейшем население увеличивается только за счет естественного прироста и достигает максимальной цифры — 8000 — к началу Второй мировой войны. В послевоенный период число жителей сокращается. По данным переписи населения 1989 г., здесь (в городах Муствеэ и Калласте, в волостях Рая, Пейпсияэре и Пийрисаар) проживало 6085 человек, из них русских — 67% (4078 человек), эстонцев — 30% (1808), других национальностей — 3% (199). 87% русских (3547 человек) родились в Эстонии, это в основном потомки старообрядцев [ERRA 1995].

Жители этого региона (преимущественно сельское население и жители маленьких городков, мало отличающихся от сел) сохранили в качестве родного русский язык. В то же время 46% русских в нем свободно владеют эстонским, совсем не владеют только 3%. (Для сравнения: в среднем по стране, по данным переписи 1989 г., только 15% русских свободно владели эстонским; в последние годы это соотношение, несомненно, изменилось, русских, владеющих эстонским языком, стало гораздо больше). Следует отметить также, что и среди эстонцев Причудья процент свободно владеющих русским языком был значительно выше (44%), чем в среднем по стране (30%). Таким образом, здесь, как и в Северном Причудье, тоже налицо ситуация массового билингвизма. Второй языковой особенностью региона является сохранение старообрядческих говоров, имеющих общие черты с псковскими, но в то же время отличающихся от них, прежде всего в силу их функционирования в иноязычном окружении. С псковскими говорами их сближает прежде всего недиссимилятивное аканье и яканье. Влияние эстонского языка на русские говоры Западного Причудья значительно меньше, чем на говоры Северного, проявляется оно в основном на лексическом уровне (*трепка* — ‘приставная лестница’ из эст. *trepp*; *кастик* — ‘сундук’ из эст. *kast*; *пиция* — ‘кружева’ из эст. *pits*; *кельки* — ‘сани, санки’ из эст. *kelk* и др.), не касаясь грамматики. При этом есть целый пласт лексики, вообще не затронутой таким влиянием — профессиональная лексика. В то же время в деревнях Обозерья (побережье Псковского и Теплого озер) иноязычное окружение воздействовало значительно сильнее, это проявляется как в лексике, так и в фонетике (/ среднее) и морфологии (функционирование глагольного вида).

После распада СССР почти все русское население Эстонии оказалось в новой и непривычной ситуации, ситуации диаспоры. Это коснулось и тех, кто приехал в страну сравнительно недавно, и тех, кто родился здесь после войны и прожил в Эстонии значительную часть жизни. Связи последней группы с Россией были уже достаточно слабыми. В то же время эти люди стали иностранцами на своей родине, ощущение неприкаянности с неизбежностью порождало кризис идентитета. Для

всех стали серьезной проблемой вопросы гражданства, экономическое положение и неуверенность в будущем (боязнь потерять работу, проблемы получения образования детьми), для многих еще и плохое знание эстонского языка, ставшее причиной сужения контактов и возможностей получать информацию. Все эти факторы, кроме экономических, отличают современную русскую диаспору в бывших союзных республиках от той, что возникла во многих странах Европы и Азии после октябрьского переворота в России. Следует учитывать и то обстоятельство, что тогда эмигранты уезжали в **другие государства** и были готовы приспособиться к государственному устройству, быту и языку другой страны. Современная диаспора сложилась в результате распада одного государства и возникновения нового, тогда как вся предшествующая миграция была внутrigосударственной.

С точки зрения характеристики языка немаловажно и то, что эмиграцию 20-х гг. составляла преимущественно интеллигенция, владевшая литературным языком, сильным стимулом для развития и сохранения которого служило полное отрицание советского языкового стандарта. Выходили газеты, издавались книги, работали известные писатели. Несмотря на это С. И. Карцевский видит серьезную лингвистическую проблему в формировании особого арго со значительным количеством “заимствований из языка той страны, где обосновалась данная категория эмигрантов. Было бы интересно и поучительно обследовать язык русских беженцев в разных странах” [Карцевский 1923: 43].

Русская община Эстонии была довольно гетерогенной уже в первый период независимости страны. Стабильным было население Причудья, а также Принаровья и Печерского края, присоединенных к Эстонии по Тартускому мирному договору 1920 г. Бóльшая же часть русских жила в городах. Это были чиновники, учителя, купцы, рабочие; после разгрома Северо-западной армии Юденича эта группа пополнилась офицерами-эмигрантами и беженцами из-под Петрограда и Пскова. По данным переписи 1922 г., в Эстонии насчитывалась 91 000 русских, из них 73 000 жили здесь до 1915 г. и лишь 18 000 составляли эмигранты и беженцы [Исаков 1996: 7].

В советский период русские составляют 1/3 населения Эстонии, при таком количестве уже невозможно говорить о какой бы то ни было гомогенности. По данным переписи населения 1989 г., из 1000 русских, живущих в Эстонии, 133 имели высшее, 203 — среднее специальное образование [ERRA 1995]. Однако люди, получившие советское среднее специальное, а порой и высшее образование, особенно техническое, далеко не всегда владели корректным литературным языком. Среди приехавших были представители самых разных регионов страны, их речь содержала элементы разных говоров, городского просторечия и т.д. Косвенное влияние этих факторов прослеживается и сейчас. Позитивное влияние оказывали относительно тесные контакты с языком метрополии, как личные, так и через средства массовой информации. Язык СМИ был строго нормированным, это касалось и передач на русском языке эстонского радио и телевидения. Если не принимать во внимание сверхидеологизированное содержание передач и советский бюрократический стиль со множеством эвфемизмов, то в целом влияние СМИ на культуру речи было положительным в отличие от современной ситуации, когда печать и эфир заполнены неоправданно большим количеством разговорных и просторечных элементов, сленгизмов и варваризмов. Нормирующая функция СМИ практически исчезла. На существующие в Эстонии СМИ на русском языке, кроме упомянутых факторов, оказывает сильное влияние еще и государственный язык.

По каталогу периодических изданий на 1998 г. можно было подписаться на 18 газет и 10 журналов на русском языке, выходящих в Эстонии. Исследования, выполненные при кафедре русского языка Тартуского университета, позволяют говорить о целом ряде особенностей, отличающих язык этих изданий от языка газет России. Разумеется, при этом есть и ряд общих тенденций в языке прессы двух стран: деактуализация или переосмысление советизмов, смена или исчезновение идеологических коннотаций (напр., у слов *предприниматель*, *бизнес*, *бизнесмен*, *конкурент*, *частник*), возрождение некоторых историзмов и архаизмов, распространение сленгизмов и просторечия и др.

Отличия в языке русских газет Эстонии обусловлены прежде всего влиянием эстонского языка. Это прослеживается на лексическом уровне на примерах слов, передаваемых буквами эстонского алфавита в русском тексте в **названиях фирм, учреждений и организаций**, которые в 80-е гг. передавались по правилам т.н. практической транскрипции (транслитерации) русскими буквами, отчасти по типографско-техническим, отчасти по идеологическим причинам:

завод “Пунане РЭТ”, завод “Вийснурк”, баскетбольная команда “Калев”, газета “Эдази”.

В современных русских газетах Эстонии:

стоматологический салон “Ergostom” предлагает, OÜ “Leveera” открывает прием в дополнительную группу, считать недействительными документы и печать товарищества с ограниченной ответственностью “Svan Kaubanduse” OÜ (Э. 18.11.97); поддельная карточка Eesti Telefon стоит 10000 крон (Э. 01.11.97); подключись к Eesti mobiiltelefon и лети в Австралию, таллиннская группа AUTOMATIION отмечает свое четырехлетие (П. 24.–30.11.97); магазин Penelope поздравляет всех с Рождеством и Новым годом, Prodigy едут в Таллинн, Штеффи Граф заключила наивыгоднейшую для себя сделку с концерном Apollinaris Bruppen AG (ДД. 19.12.97).

Такая форма написания часто затрудняет понимание текста, особенно если информация, представленная в нем, не раскрывает содержания такого наименования:

В фойе Академии художеств открыта выставка “Pöörded ja teljed” (Э. 02.12.97).

Тенденция к употреблению латиницы наблюдается и в **рекламе**, где 37 из 45 объявлений в эстонских русскоязычных газетах содержали нетранслитерированные наименования фирм и товаров, тогда как из 45 рекламных текстов российских газет такие наименования встретились лишь в 13. Часто не транслитерируются и эстонские аббревиатуры. Транслитерированные наименования редки, из 27 рекламных объявлений лишь в 3-х достаточно известные эстонские номинации были транслитерированы:

если у него есть детская карточка банка Хойупанк (Э. 04.12.97), ЭЭСТИ ЛОТО сообщает, ожидаемый джекпот в БИНГО-ЛОТО

к этому четвергу, в клубе “ДЕКОЛЬТЕ” истинное “RUSSIAN PARTY” (Э. 18.11.97).

В последнем случае, как видим, все же не обошлось без латиницы. Своеобразную группу составляют названия эстонских газет, некоторые из них довольно долго сохраняли свои прежние наименования и после восстановления независимости. Почти все они теперь пишутся в русском тексте латиницей:

газета Õhtuleht исследовала продающиеся на рынке Кадака телефонные карточки (Э. 01.11.97); как пишет в газете “Eesti Päevaleht” член правления профсоюза Тартуского университета; задается вопросом деловая газета “Äripäev” (МЭ. 17.11.98).

Следует отметить, однако, что в той же газете “Молодежь Эстонии” в соседней статье, представляющей обзор эстонской печати, фигурируют фразы:

В интервью “Постимезс” Рюйтель вспоминает; Крестьянская партия, как отметил в интервью “Ээсти Пяэвалехт” ее генеральный секретарь; пишет “Сылумилехт” (МЭ. 17.11.98).

В то же время названия иностранных газет, использующих латиницу, транслитерируются:

испанская газета “Паис” высказывает такое мнение; германская газета “Тагесшпигель” комментирует арест бывшего чилийского диктатора Пиночета в Лондоне (НВП 13.11.98).

Лексика русской прессы Эстонии насыщена варваризмами и кальками, последних особенно много в разного рода журналистских метафорах:

рыбная война, зазаливные клиенты /финны/; ковровый рай /дословный перевод названия магазина/, кофик /кафе/, деминёр /сапер/.

Иногда игнорирование узуса может создавать двусмысленность (*холодные шкафы* вместо: *холодильники*) или непреднамеренный комический эффект: *собаки-горожане*.

Своеобразие языка эстонских русскоязычных газет проявляется и в синтаксисе предложения и текста, где наиболее очевидные случаи — интерферирующее влияние эстонского порядка слов, союзных средств, режы управления (*В гости к Деду Морозу в Лапландии поедет Keit Koitlerr, а 20 друзей, кто получат в подарок лыжное снаряжение, ждем...*). По наблю-

дениям Е. И. Костанди, употребление вводных слов и вставных конструкций и их роль различны в эстонских газетах, русскоязычных газетах Эстонии и российских газетах. Русские газеты Эстонии ближе к эстонским газетам, здесь больше вводных слов, указывающих на источник информации или на внутритекстовые связи, тогда как в российской прессе доминируют вводные слова, выражающие оценку или отношение автора, что свидетельствует о большем стремлении русских газет Эстонии к объективности и меньшем к оценочности [Костанди 1996: 172].

Своя специфика имеется и у бытующего в Эстонии сленга **русской молодежи**. Это сфера языка, в которой наиболее ярко представлено речевое творчество, проявляется языковая игра, доминантная функция сленга не столько коммуникативная, сколько репрезентативная и демонстративная, сленг — это пароль и коллективная маска, для которой иноязычное окружение и языковые контакты чрезвычайно значимы, ибо добавляя к гротеску новые яркие и своеобразные черты.

Разумеется, в русском молодежном сленге Эстонии много общего с молодежным сленгом России, по крайней мере, если судить по имеющимся словарям. В то же время есть отличия, касающиеся прежде всего заимствований и дериватов от них. Так, в сленге школьников наряду с различными русскими номинациями употребляется много варваризмов для обозначения школьных реалий, все они являются грамматически оформленными, т.е. “соотнесенными с грамматическими классами и категориями” [Крысин 1968: 37] русского языка: *фюзика*, *кемия*, *музик*, *мусик*, *контрольтё* (*kontrollitöö* ‘контрольная работа’), *вихик* (‘тетрадь’), *пиналь* (‘пенал’). Характерны также суффиксальные образования от заимствований, к которым присоединяется русский суффикс, чаще всего диминутивный, происходит грамматическое **освоение** слова: *исик* (отец *isa+ик*), *папсик* (фамил. ‘отец’ *paps+ик*), *каксик* (‘оценка «два»’ *kaks+ик*), *пликушка* (‘девочка, девушка’ *plika+уик*). Иногда наблюдается также грамматическая адаптация по аналогии с русским словом, как бы вторичное грамматическое оформление: *келлики* (*kell+ик+и*), ср. *plurale tantum* **часы**. Возможны и другие суффиксы, кроме диминутивных: *эстичка*

(преподаватель эстонского языка из *eesti keele õpetaja*). Реже встречаются универбы: *каубушка* (из *kaubataja* ‘универмаг’), *эстикельша* (из *eesti keele õpetaja* преподаватель эстонского языка).

Глагольные заимствования предполагают обязательное грамматическое освоение слова, суффиксы здесь облигаторны: *мытлить* (*mõtletma* ‘думать’: “Что ты мытлишь?”), *кыйкнуться* (1. Закончить; 2. Потерять рассудок, сойти с ума; 3. Разбить; *kõik+ну+ть+ся*), *максовать* (*taksma* ‘платить’). Глагол *максовать* уже настолько “освоен” русским языком, что допускает различные варианты перфективов *замаксовать*, *отмаксовать* и два имперфектива *максовать* и *максать*. Среди глаголов встретились весьма любопытные универбы: *сайтарить* (из формы 2 л. ед.ч. эст. перифрастического глагола *said aru* ‘понял’), ср. *айльбибякнуть* (из англ. *I'll be back*).

Отмеченные особенности русского языка Эстонии, а также разговорная речь русской диаспоры заслуживают более детального и глубокого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- ERRA 1995 — Eesti rahvastik rahvaloenduste andmetel. Tallinn, 1995.
ESA 1997 — Eesti statistika aastaraamat. Tallinn, 1997.
Исаков С. Г. 1996 — *Русские в Эстонии (1918–1940)*. Тарту.
Карцевский С. И. 1923 — *Язык, война и революция*. Берлин.
Костанди Е. 1996 — Коммуникативная структура предложения и текста в русском и эстонском языках. *Emakeel ja teised keeled II*. 18.–20. oktoober 1996. Ettekanded. Tartu. 165–173.
Крысин Л. П. 1968 — *Иноязычные слова в современном русском языке*. Москва.
Рихтер Е. 1976 — *Русское население Западного Причудья*. Таллинн.
Хейтер Х. Х. 1968 — О корреляции твердых и мягких согласных в русском говоре Ийзаку на территории Эстонской ССР. *Ученые записки Тартуск. ун-та*. Вып. 219. 127–137.

КОНФЛИКТ РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКИ И ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

А. ЛИХАЧЕВА

Средства массовой информации, как кажется, должны быть ориентированы на среднестатистического потребителя, следовательно — на стандартное языковое сознание современного носителя русского языка. По-видимому, потенциальный стандартный гражданин — это тот же человек, которого имеют в виду создатели Нового академического словаря современного русского языка. Любой словарь — это “вторичный текст”, это “разноаспектное, полипараметрическое описание языковых фактов текстов” [Герд 1995: 73]. По мнению лексикографов, «в основу словаря современного языка должно быть положено не понятие “современный язык”, а понятие совокупности ... современных текстов» [Там же: 75].

Предполагается, что такой словарь должен отражать “современное коллективное языковое сознание, стандартное языковое сознание, сознание среднего носителя языка, язык наших современников, словарь узуса, строго синхронический словарь, отражающий лексическую систему русского языка второй половины XX века” [Там же: 72]. Естественно, и сами составители будущего словаря понимают собственный “словарный идеализм”, говорят об отсутствии объективных критериев для определения большинства из приведенных понятий.

Но то теоретики, дело которых — в обосновании всех своих положений и лексикографических ходов, что бы они интуитивно ни чувствовали. Работники СМИ — практики, от которых никто не требует научных обоснований того, почему они говорят так, а не иначе. И тут-то особенно заметна языковая интуиция, если она есть, или ее отсутствие, говорящее о профессиональном изъёне.

Анализ материала в российских и русскоязычных передачах телевидения и радио Литвы позволяет сделать некоторые обобщения и выводы о столкновении национального языкового сознания и фактов речевой практики в сфере массовой информации. Хочется подчеркнуть, что анализировались тексты, предназначенные для восприятия на слух, что само по себе является их существенной характеристикой.

“Для того, чтобы создать или интерпретировать сообщение, говорящему субъекту необходимо ощутить определенную среду, к которой, в его представлении, данное сообщение принадлежит, — своего рода более широкую духовную “картину местности”, на которой располагается и в которую вписывается данный языковой артефакт. ... Это придает процессу осмысливания высказывания разными говорящими отнюдь не основывающуюся на “общественном договоре” униформность, но взаимно узнаваемые черты, связанные с укоренелостью для них этого высказывания в сходном духовном ландшафте,” — пишет Б. Гаспаров и называет “эту мысленно представляемую среду, в которой говорящий субъект ощущает себя всякий раз в процессе языковой деятельности и в которой для него укоренен продукт этой деятельности ... коммуникативным пространством” [Гаспаров 1996: 294–295].

Если это замечание относится к любому говорящему субъекту, то к говорящему в эфире оно применимо обязательно: умение “настроиться” на потенциальный контингент слушателей является прямым показателем профессиональной компетенции служителя СМИ. Но говорящий в эфире не просто пассивно настраивается на общение в определенном коммуникативном регистре, но и сам формирует свою аудиторию, активно конструирует приемлемое для обеих сторон пространство мысли. Принимая одних теле- и радиоведущих и игнорируя других (благо, есть из кого выбирать), потребители информации, может быть, в первую очередь делают это в ответ на выбор этими ведущими своих потенциальных зрителей и слушателей. Мы запоминаем время передач, если их, эфирных журналистов, выражаясь словами поэта, “образ мира, в слове явленный” совпадает с нашим. Но для нас очень важно — в каком “слове”.

“Поскольку речевая деятельность, протекая не иначе как в социальных условиях, имеет своей целью сообщение и, следовательно, понимание, постольку говорящие вынуждены за-

ботиться о том, чтобы у слушающих не было недоразумений...” — еще в 30-е гг. писал Л. В. Щерба. “Изменения языка всего заметнее при смене поколений. ...Историю языка можно в сущности представить как ряд катастроф, происходящих от столкновения социальных групп” [Щерба 1974: 29–30]. Сложность трансформационных процессов в современной России порождает явление, обозначенное философами и социологами как *социальный невроз* [об этом: Коженевска-Берчиньска 1996: 38]. Проявления этого болезненного состояния особенно заметны в острокризисные моменты, когда все общество задается отнюдь не риторическими вопросами о том, как выжить и как жить дальше. И тогда вся надежда на средства массовой информации, на умных журналистов, которые все доступно объяснят, возьмут интервью у тех, кто “в курсе”, опросят экспертов — в общем, сориентируют, если не успокоят. Представляется, что профессиональные эфирные работники должны хорошо ощущать приемлемую для потребителей информации речевую материю. В кризисные моменты это особенно важно. Однако после финансовой катастрофы 17 августа 1998 г. в российских новостных программах зазвучали слова и выражения, зафиксированные разве что в языковом сознании банковских специалистов, но никак не отраженные в коллективном языковом пространстве миллионов русских:

валютный коридор, фондовый рынок, пирамида ГКО, реструктуризация долгов / банковской системы, прошел тендер, средневзвешенный курс доллара, ликвидные акции, валютные интервенции, котировки доллара, транши мирового банка, транш кредита, расшивка банков, трансферт, пролонгация долгов, форвардные контракты, системообразующие банкроты, базовые параметры бюджета, первичный профицит бюджета, дефолт по внешним долгам.

Объяснения неблагополучия в стране и необходимых мер по его преодолению, которые дают члены правительства, политические деятели, а еще, случается, авторитетные *трейдеры* (!), выглядит следующим образом:

Центробанк израсходовал почти весь транш, предоставленный МВФ; нужна строжайшая контрольная вертикаль; должна заработать макроэкономическая вертикаль;

а также: горизонталь исполнительной власти; надо дать банкам возможность восстановить свою ликвидность; необходим выход

на некую стратегическую магистраль; необходимо обслуживать долги; пойти по простому эмиссионному пути; правительству грозит дефолт; обязательства перед МВФ должны быть рефинансированы; банки получают рублевые инструменты.

На чье языковое сознание рассчитаны эти комментарии? В современных словарях некоторые из перечисленных терминов не представлены, они еще не получили гражданства в литературном языке, а скорее всего — так и останутся на обочине словарного фонда. Другие складываются в сложные комбинации, которые так и хочется “перевести на русский”. Представляется, что критерием выживаемости подобных обозначений в общей речевой практике может служить необходимость восполнения неких лакун в сознании носителей языка. Однако трудно себе представить, что для описания причин финансовых трудностей мы станем в повседневной жизни пользоваться подобными узкоспециальными понятиями. Одно из свойств слов-нетерминов терминоведы определяют как “само-собой-разумеемость”: это то, что закреплено в массовом языковом сознании носителей языка, что получает достаточно предсказуемое речевое воплощение. Кстати, сами ведущие и корреспонденты российских аналитических программ предлагают понятные и образные выражения:

разбазаривание денег; жизнь займы; финансовый джин ... вырвался из бутылки; забытая национальная забава: игра наперегонки с ценами; рубль продолжает свободное падение; доллар ... стал предметом первой необходимости; граждане продолжают скидываться на благополучие банков.

Вполне подходящими для определения ситуации в стране представляются и медицинские диагнозы:

нужна реанимация малого бизнеса; отощавшая экономика; полный финансовый коллапс; больная экономика.

Некоторую долю так необходимого сегодня оптимизма добавляет характеристика ситуации в стране М. Жванецким, прозвучавшая в программе “Время”:

Мы всегда были рядом с жульем, но только теперь жулье все-таки рядом, а тогда (раньше) — во главе.

Все это — не строгие разъяснения причин сложившейся ситуации, но ведь и первая группа терминов скорее затемняет, чем что-либо объясняет. Как отмечает В. Г. Костомаров, еще царь

Петр упрекал одного из послов за злоупотребление терминами, “за которыми самого дела выразуметь невозможно” [Костомаров 1993: 64].

Русскоязычные программы литовских радио и телевидения демонстрируют отчасти сходную тенденцию, используя слова, не отраженные в общерусском языковом сознании.

Е. А. Земская [Земская 1995: 233–241] выделяет несколько групп заимствований в речи эмигрантов, живущих вдали от России; некоторые из них интересно сравнить с явлениями, наблюдаемыми в Литве (мы рассматриваем только факты русской эфирной речи):

1. Наименования реалий новой жизни, не имеющих содержательных эквивалентов в России, напр.: *грин-карта* (документ, дающий право на работу), *велфер* (социальное пособие), *позвони мне кол коллект* (т.е. за мой счет). Ср.: *сенюния*, *апилинка*, *апилинковый суд*.
2. Заимствования, которые имеют русские эквиваленты, но столь высоко частотны в речи коренного населения страны, что они легко вытесняют русские параллели: *билл* (счет), *кэш* (наличные деньги), *паунд* (фунт). Ср.: *каденция*, *диспонировать*, *банкротировать* / *банкрутировать*, *институция*, *амбасадор*. Сюда же можно отнести искаженные русские слова *планетариум*, *кондитерия*, *министерия*, *элеганция*, *эластика*.
3. Слова, которые по звучанию совпадают (или частично совпадают) с заимствованными словами, имеющимися в русском языке, но отличаются от них по значению: *рентя*, *госпиталь*, *волонтер*. Ср.: *термин* — в значении ‘срок’.

Е. А. Земская пишет: “Особую и очень важную проблему составляют теоретический вопрос о том, как именно влияют разные языки стран-приютов на русский: какие особенности родного языка разрушаются в первую очередь, как идет процесс лексического взаимодействия языков (заимствования, калькирование), какие явления наблюдаются в области фонетики, синтаксиса, морфологии, словообразования” [Там же: 240]. Фактически важным представляется выявить уязвимые места русской языковой системы — те “болевы́е точки”, которые в условиях объективного социального давления языка коренного населения в первую очередь подвергаются трансформации в родном языке.

Приведу некоторые наблюдения по этому поводу. Сравнение речевого материала российских и местных масс-медиа позволяет сделать следующие выводы: русская речь в эфире Литвы отличается лексической обедненностью, регулярностью аграмматизмов, нарушениями произношения и ударения, сужением репертуара выразительных средств, почти полной незадействованностью русской фразеологии и афористики.

“Просто-навсего послушайте” (как регулярно говорит ведущий одной из русских радиопередач) и попробуйте ответить, чье языковое сознание отражают эти выражения:

переплюнемся через плечо; с ним /соведущим передачи/ вы можете услышаться в понедельник; немного чем будет отличаться; никому не секрет; обмен мнений; более активнее; более дальше; очень прекрасный; навестить школу.

Нарушается грамматический строй предложений, часто отсутствует смысловая точность речи:

Получив от правительства финансовую инъекцию, отремонтировано много зданий; Вот так устроена эта дверь, что, пытаясь туда войти, никак не получается; Только в этом месяце, воспользовавшись услугами этой такси-фирмы, вас ждут неожиданные скидки /рекламный текст, который прокручивается в записи/; Ваша точка зрения совпадает с автором проекта; Помогают ли они вам над решением этой проблемы?; Сегодня пожаров и спасательных работ не проводилось.

Русское языковое сознание автоматически различает слова, очень близкие, но не полностью совпадающие по фонемному составу. Мне кажется показательным неразличение многих таких слов нашими ведущими передач, которые упорно произносятся:

до (в)ведения общей валюты, хочу пре(д)ставить фильм, состоит пре(д)ставление картин, под(д)ержать президента, (в) Вильнюсе, (в) виду.

У некоторых радиожурналистов существуют серьезные проблемы с ударением, отсюда — искаженные:

была, не была, началась, принять, не поддались, дождались, создала, назвала, намерения, средства, экспорт, мониторы, подписей, досуг, обе страны, два места, в обеих парламентах.

Названные выше черты русской публичной речи в Литве, приводящие к ее общей стилиевой сниженности, на мой взгляд,

вступают в противоречие с осознанием многими русскими культурной престижности родного языка, да и большинство коренного населения, я уверена, воспринимает русский как язык высокой культурной традиции. Мне не кажется неизбежным и логичным нередко звучащее “Мы же не в России живем, а потому наш русский все равно рано или поздно пострадает”. Но еще не выросло ни одно поколение, которое могло бы сознательно, по собственной воле игнорировать родной язык! “Можно утверждать с несомненностью, что сохранение или разрушение языка зависит в очень большой степени от индивидуальных свойств человека — наличия установки на сохранение языка или отсутствия таковой, силы характера, профессии и других качеств,” — пишет Е. А. Земская о русском языке далекого зарубежья (Франции, Америки). И отмечает, что “лица, трудовая деятельность которых связана с использованием русского языка (филологи, журналисты, радиодикторы и т.п.), стремятся сохранить русский язык в чистоте” [Земская 1995: 235–236]. Важным представляется ощущение необходимости речевого самоконтроля. Уровень самоконтроля зависит от степени автоматизма действий, т.е. от врожденного или сформированного настроя на четкость и правильность речи. Объяснение регулярным ошибкам и дикционной вялости и небрежности нужно искать в одном из двух факторов: либо нет никакого самоконтроля, либо не выработан необходимый для речевых профессионалов (и всех не равнодушных к собственной речи людей) уровень автоматизма, настроя на хорошо воспринимаемую речь. Необходимо, по словам Л. В. Щербы, развитие “оценочного чувства правильности и неправильности того или иного речевого высказывания, его возможности или абсолютной невозможности. Однако это чувство у нормального члена общества социально обосновано, являясь функцией языковой системы (величина социальная) ...” [Щерба 1974: 33].

Внимание к собственной речи начинается с приведения ее в соответствие с общей русской речевой системой на основании национального языкового материала, далее же следует целый комплекс факторов, которые необходимо иметь в виду, стремясь к успешной речевой деятельности. По мнению Б. Гаспарова, исследующего картину нашей повседневной языковой жизни, общность коммуникативного пространства обеспечивается многими компонентами: это чувство жанровых рамок

сообщения, его тон, “предметное содержание и та общая интеллектуальная сфера, к которой это сообщение принадлежит” [Гаспаров 1996: 295], необходимо настроить свои коммуникативные действия на подразумеваемого слушателя или зрителя, в том числе — учитывая и характер языковых взаимоотношений с ним. К числу значимых параметров коммуникативного акта — и на это хочется обратить особое внимание в связи с интересующей нас темой — относятся и “самосознание и самооценка говорящего, представление о том, какое впечатление он сам и его сообщение должны производить на окружающих” [Там же: 296].

Конфликт — не война и не катастрофа, а всего лишь противоречие, ставшее явным. Явным настолько, что его, по моим наблюдениям, осознают и многие представители масс-медиа. Язык существует не в отрыве от нашей духовной жизни, он и обуславливает духовную среду, и зависит от нее.

В одном из недавних российских телерепортажей, наконец, прозвучало признание того, что для большинства жителей России разговоры о кризисе — это нагромождение непонятных слов про какие-то столичные банковские игры, а волнуют их приближающаяся зима и голодные дети.

Часть наших эфирных работников за последние пять-шесть месяцев, как мне кажется, пришла к выводу, что ясно и правильно говорить на родном языке — хорошо и приятно, а говорить неряшливо и неправильно — неприятно и непрофессионально. В результате, возможно, окрепнет авторитет правильной русской речи среди самих русских Литвы.

В работах лингвистов, писал Л. В. Щерба, «обыкновенно отсутствуют неудачные высказывания, между тем как весьма важную составную часть языкового материала образуют именно неудачные высказывания с отметкой “так не говорят”, которые я буду называть “отрицательным языковым материалом”». И далее: “Всякое речевое высказывание, которое не понимается, или не сразу понимается, или понимается с трудом, а потому не достигает своей цели, является отрицательным языковым материалом” [Щерба 1974: 33, 36].

Мы начинали с проблемы определения стандартного русского языкового сознания лексикографами. Учет отрицательного языкового материала, по мнению Л. В. Щербы, необходим и полезен лингвистам в первую очередь для того, чтобы “подойти в будущем к созданию вполне адекватных действи-

тельности грамматики и словаря” [Там же: 32]. Однако, анализируя “отрицательный материал” текстов, звучащих в средствах массовой информации России и Литвы, я думала о том, что лучше бы подобного языкового материала было значительно меньше.

ЛИТЕРАТУРА

- Гаспаров Б. М. 1996 — *Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования*. Москва.
- Герд А. С. 1995 — Из размышлений на пути к Новому академическому словарю современного русского языка. *Язык — система. Язык — текст. Язык — способность*. Москва. С. 72–79.
- Земская Е. А. 1995 — Еще раз о языке русского зарубежья. *Язык — система. Язык — текст. Язык — способность*. Москва. С. 233–241.
- Кожневска-Берчиньска И. 1996 — Об особенностях “народной риторики”. На основе писем читателей “Огонька” за годы 1989–1990. *Вопросы лингвистики и лингводидактики*. Краков. С. 35–39.
- Костомаров В. Г. 1993 — Русский язык в иноязычном потоке. *Русский язык за рубежом*. Москва. № 2. С. 58–64.
- Щерба Л. В. 1974 — О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. *Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность*. Москва. С. 24–39.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКИХ ЛИТВЫ

Н. МЯРКЕНЕ

Последнее десятилетие в языковой жизни Литовской Республики представляет собой важный период языкового планирования. Это время проведения мер в связи с реализацией закона о государственном языке, а также резких изменений в языковой жизни страны, что в свою очередь представляет особый интерес в аспекте социолингвистическом.

Современная социолингвистическая ситуация в Литве находится в определенной зависимости от следующих факторов: а) демографического положения; б) государственной национальной политики; в) экономических возможностей; г) культурно-исторических традиций; д) социальных и индивидуальных установок.

В настоящее время в Литве 3 млн. 707 тыс. жителей, представляющих свыше ста национальностей. Из них литовцев — 81,6%, русских — 8,2%, поляков — 6,9% [Tautinès 1999: 2].

Государственный язык в Литве — литовский. Языки самых многочисленных национальных меньшинств — русский и литовский — употребляются в качестве языка обучения, языка средств массовой информации, науки и культуры, являются предметом изучения в сферах среднего и высшего образования. Данные языки функционируют как языки межнационального и регионального общения, а также национального самовыражения.

Подобное использование языков не является характерным для всей Литвы. В данном случае важным показателем являются особенности расселения русских и поляков. Если

применительно к первым можно говорить о дисперсном расселении (в основном в городах), то применительно ко вторым следует отметить компактное расселение (в юго-восточной Литве). В случае компактного расселения национального меньшинства законом определено параллельное применение языков — государственного (литовского) и языка национального меньшинства (польского) [Tautinès 1992: 5].

К числу наиболее резких перемен в языковой жизни республики относится изменение статусов языков. Литовский язык приобрел статус государственного, что юридически и фактически обеспечило равномерность максимального развития его общественных функций. Применительно к русскому языку отмечается резкое сужение сфер употребления и снижение интенсивности его использования. В качестве общественных функций русского языка можно назвать его функционирование как предмета преподавания, языка обучения, языка межгосударственного и межнационального общения, а также языка общения русских жителей и языка средств массовой информации. В данном процессе “утрачивания сфер” следует считать и с социально-психологическими факторами: русский язык определенной частью населения осознается не только как язык русской культуры и науки, он ассоциируется также и с бывшей политической системой.

Вышеописанная социолингвистическая ситуация не может не оказать определенного влияния на речевую деятельность представителей национальных меньшинств, проживающих в республике, самую многочисленную из которых составляют русские. Имея в виду то обстоятельство, что и представители других национальностей используют русский язык в своей общественной и индивидуальной деятельности, следует констатировать достаточно широкое функционирование русского языка в республике. Особую значимость в этом плане представляет русский язык в сфере образования. Статистические данные подтверждают усилия государства по созданию условий достижения среднего образования на родном языке: так в 1997 г. 9,8% средних общеобразовательных и 8,6% профтехучилищ в качестве языка обучения использовали русский язык, что в основном соответствует демографическим по-

казателям республики. Русский язык использовался также и в высших учебных заведениях и колледжах — 3,7% [Lietuvos 1997: 514].

Сфера средств массовой информации (печать, радио, телевидение), профессионального и самодеятельного искусства также представляют собой области применения русского языка.

Вместе с тем следует отметить резкое сужение функционирования его в сферах производства и транспорта. В связи с реализацией закона о государственном языке, а также с фактическим прекращением деятельности многих предприятий (примерно 80%) “союзного подчинения” (бывшего СССР) здесь перестал применяться русский язык.

Определенным фактором в процессе развития языковой жизни Литвы стало последовательное внедрение решения о необходимости тестирования работников руководящего звена и сферы обслуживания на владение ими государственным языком.

Такова социолингвистическая ситуация в стране, таковы итоги десятилетнего процесса языкового планирования, нацеленного в основном на укрепление статуса государственного языка (литовского), его распространения во всех сферах жизни, нормирования, терминотворчества. С другой стороны, по мере возможности проводились государственные и общественные мероприятия для поддержания функционирования языков национальных меньшинств.

В настоящее время русская диаспора является самой многочисленной среди других национальных меньшинств (около 304,8 тыс.). Это в основном жители городов (89,7%). Следует обратить внимание на очень высокий уровень национального идентитета русского населения: 95,6% считают своим родным языком русский язык [Lietuvos 1992: 60].

По нашим наблюдениям, русское население Литвы не составляет монолингвальный речевой коллектив. Можно говорить о разных типах билингвизма (полилингвизма), о различной степени функциональной дистрибуции языков — компонентов социально-коммуникативной системы [Швейцер 1977: 76], тем не менее, основным типом следует признать русско-

литовское двуязычие. Подобное положение свидетельствует о процессе интеграции русских в жизнь страны.

Родной язык, несомненно, является одним из основных средств национального самовыражения, внутренней самоорганизации и деятельности диаспоры в различных сферах. Родная речь русских Литвы подвергнута влиянию внутриязыковых факторов развития современного русского языка, таких, как демократизация (и даже вульгаризация) речи, определенное стирание границ четкой стилистической дифференциации и др. Исследователи (Н. Авина, А. Жаркова, Б. Синочкина, Ф. Шифрисова) отмечают некоторые региональные особенности родной речи русских в Литве и описывают речевые ошибки, отрицательно влияющие на культуру речи.

Объектом наших наблюдений являются процессы кодового переключения, которые в лингвистике чаще всего описываются на материале второго (неродного) языка. Слова-переключатели [Белл 1980: 188] обычно характерны для неродной речи. Наблюдения над родной речью русских Литвы приводят к выводу об определенном уровне ее литуанизации. Так, например, в русских фразах появляются литовские слова *апскритис*, *лабдара*, *сянюнас*, *сянюния*, *савивальдибе* (*apskritis*, *labdara*, *seniūnas*, *seniūnija*, *savivaldybė*) и др. Подобное присутствие литовских слов в русском высказывании следует рассматривать скорее как отражение социокультурных процессов, происходящих в обществе. В данном случае также приходится отметить отсутствие традиции и навыков использования старых русских слов (*уезд*, *благотворительность*, *староста*, *сельсовет*, *самоуправление* и т.п.) для номинации сравнительно новых административно-территориальных единиц Литовской Республики, должностных лиц и т.д.

Хотелось бы обратить внимание преподавателей, учащихся, студентов на недочеты, снижающие культуру русской речи. Кроме того, необходимо учитывать такие социолингвистические переменные, как функционирование социальных вариантов языка, коммуникативную, а не только языковую компетенцию, различные экстралингвистические факторы речевой деятельности (социальный статус, возраст, пол коммуникантов, цели и условия общения).

Несомненно, речь русских как язык диаспоры представляет интереснейший объект исследования и требует всестороннего изучения как с точки зрения внутривидового развития, так и в плане теории и практики контактирования языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Белл Р. Т. 1980 — *Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы*. Москва.
- Lietuvos 1997 — *Lietuvos statistikos metraštis: 1997*. Vilnius.
- Швейцер А. Д. 1977 — *Современная социоллингвистика. Теория, проблемы, методы*. Москва.
- Tautinės 1992 — *Tautinės mažumos Lietuvos respublikoje (statistika, informacija, dokumentai)*. Vilnius.
- Tautinės 1999 — *Tautinės mažumos Lietuvoje*. Vilnius.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ ВНЕ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ю. ПРОХОРОВ

Анализ этнокультурных особенностей общения, социального статуса личности как прагмалингвистической основы коммуникации, национально-культурной специфики организации речевого общения позволяют выделить такое явление, как стереотипизацию содержания и структуры общения. В ее основе, с одной стороны, лежит потребность самосознания, самоидентификации представителей определенной этнокультуры и выработки восприятия явлений другой этнокультуры, а с другой — реальная потребность упорядочения, упрощения организации общения в стандартных для деятельности данного этноса условиях.

Выработка и трансляция стереотипов общения связана с социализацией личности и определяет ее место как представителя данной культуры. Любое проявление этой личности при выходе за рамки установленных стандартов как в межкультурное пространство, так и в иной репертуар социально обусловленных ролей данной культуры приводит к нарушению исполнения или восприятия стереотипов общения, то есть к определенного рода коммуникативным неудачам. Естественно, что наиболее ярко эта проблема проявляется в двух реальных ситуациях:

1) в процессе овладения новым языком / новой культурой, так как неизвестными и, следовательно, на практике нарушаемыми в силу межэтнокультурной интерференции оказываются

ся стереотипы всех уровней реализации общения: этнокультурные, социокультурные, содержания и организации речевого общения, выбора языковых форм и т.п.;

2) в ситуации “культурно-речевой диаспоры”, когда носитель определенного языка и обслуживаемой этим языком этнокультуры реализует свои коммуникативно-прагматические потребности в рамках иной этнокультуры; в этой ситуации можно, очевидно, говорить о межэтнокультурной конвергенции, при которой происходит определенное уподобление характеристик стереотипов общения, хотя остаются различия в их использовании, связанные с позицией внешнеэтнокультурного и внутриэтнокультурного речевого общения на определенном языке.

Проблема использования стереотипов как явлений, упрощающих лингво-культурные контакты, имеет самое непосредственное отношение к процессу реализации потребностей речевого общения с представителями другой этносоциальной общности. В процессе общения личность, обладающая собственными национально-культурными и отраженными в языке “я-образом” и “мы-образом”, постоянно сталкивается с потребностью учета иных стереотипов, которые реализуются в ее коммуникативном пространстве на другом языке, но которые она должна уметь именовать и реализовывать и на своем родном языке в собственной культурно-языковой среде, так как это связано с реализацией когнитивных и прагматических потребностей ее бытия. При этом речь идет прежде всего о стереотипе “мы-образа”, так как именно в этот новый образ “погружается” носитель иных социальных стереотипов, и именно на этом уровне могут возникать определенные санкции новой социо-культурной группы. Соотношение нового и старого “я-образов” не имеет такой значимости, так как их различия, с одной стороны, могут нивелироваться личностными параметрами этих образов (“я-образ” одной личности проще подстроить под “я-образ” другой, так как над ними в процессе личностного общения не так довлеет “мы-образ”), а с другой — оторванность в новой социальной среде “я-образа” от привычной поддержки своего “мы-образа” заставляет личность придавать большее значение именно овладению и соот-

ветствию новым “мы-образам”, чем борьбе в защиту своего “я-образа”.

Содержание стереотипа имеет “амбивалентную направленность на дифференциацию и интеграцию одновременно” [Батыгин 1980: 98]. С позиции роли стереотипов в коммуникации эта особенность отмечается и Т. М. Николаевой: “В известном смысле клише в коммуникации можно считать “двуликим Янусом”, так как они и обращены к собеседнику как “протянутая рука” социальной близости, и в то же время являются некоторым коммуникативным средством отчуждения” [Николаева 1995: 85].

Национальные социокультурные стереотипы речевого общения реализуются по крайней мере двумя сторонами: во-первых, стереотипом организации речевого общения в данной национально-культурной общности, во-вторых, стереотипными языковыми единицами (конструкциями, моделями), используемыми носителями языка для стандартных ситуаций реализации речевого общения. Первая составляющая обычно рассматривается с позиции соотношения стандарта и нормы: “Мысленным стереотипам соответствуют языковые стереотипы в форме нормированных оборотов речи <...>, языковые стереотипы подключаются как языковые субпрограммы, то есть определенные нормированные обороты речи используются для обозначения определенных нормированных ситуаций” [Клаус 1967: 163]. Стереотип речевого поведения соотносится также с нормой речевого жанра, понимаемой как стандартизованное представление о правильном речевом поведении при выполнении той или иной социальной роли. Одним из важных показателей образования речевого стереотипа признается частотность, понимаемая как факт социального предпочтения, употребления в речи готовых воспроизводимых единиц языка в их постоянной комбинаторике и постоянном значении, см.: [Сорокин 1985].

Исходя из этих посылок, мы рассматриваем стереотип речевого общения как социокультурно маркированную единицу ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемую в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной

культуры ситуации общения, подробнее см. [Прохоров 1997: 67–117].

“Нормальное владение языком” как первой составляющей понятия “языковой личности” (см.: Караулов 1987: 214–215), кроме чисто лингвистических показателей (фонетический, грамматический и другие аспекты) связано, на наш взгляд, и с условиями владения им на уровне, необходимом и достаточном для осуществления коммуникации в определенных сферах общения. Если принять во внимание, что “сферы общения — это исторически обозначившиеся области, зоны коммуникации, которые существенно различаются по мотивам, целям, содержанию, формам и языковым средствам осуществления речевой деятельности” [Изаренков и др. 1997: 97], то можно отметить, что речь в реальности может идти о нормальном владении языком именно на уровне конкретной этносоциокультурной речевой личности, реализующей себя в некотором наборе сфер общения, необходимом для ее существования в данной социокультурной среде.

При таком понимании “нормального владения языком” устанавливается четкая взаимосвязь вербально-семантического уровня с другими составляющими структуры языковой личности, и прежде всего с ее когнитивным уровнем. К этому уровню относится определенная, национально-специфическая совокупность понятий, идей, концептов, складывающаяся в некоторую картину мира, присвоенную личностью в данной социокультурной среде, являющаяся пресуппозицией ее речевого общения в данной социокультурной общности и безусловно реализуемая ею в речевом общении. Именно этот уровень языковой / речевой личности в последнее время наиболее пристально и последовательно рассматривается специалистами. Нам представляется чрезвычайно продуктивным для рассмотрения этих вопросов введение в научный обиход понятия “когнитивного пространства”, которое “есть определенным образом структурированная совокупность всех знаний и представлений, присущих либо (1) конкретной языковой личности (индивидуальное когнитивное пространство), либо (2) тому или иному социуму (коллективное когнитивное пространство)” [Красных 1997-а: 131]. Совокупность всех индивиду-

альных и коллективных когнитивных пространств может рассматриваться на уровне национально-лингво-культурного сообщества как его культурное пространство: “информационно-эмоциональное (“этническое”) поле, виртуальное и в то же время реальное пространство, в котором человек существует и функционирует и которое становится “осязаемым” при столкновении с явлениями другой культуры”, которое включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов национально-культурного сообщества [Красных 1998: 100–101].

Понятия, идеи, концепты и т.п. не являются сами по себе лингвокогнитивными / лингвистическими феноменами: они “овеществляются” с помощью языковых средств, “лингвистических структур”, будучи явлениями, безусловно относящимися к когнитивному уровню организации и реализации личности в общении. Их можно отнести к феноменологическим когнитивным структурам, которые “формируют совокупность знаний и представлений о феноменах экстралингвистической <...> природы” [Красных 1997-б: 63]. Эти явления входят в ментально-лингвальный комплекс языковой личности (МЛК), под которым понимается “функционирующая на основе человеческого мозга самоорганизующаяся информационная система, которая обеспечивает восприятие, понимание, оценку, хранение, преобразование, порождение и передачу (трансляцию) информации”; “качество каждого компонента МЛК и всего МЛК в целом определяется индивидуальными способностями и условиями, в которых происходит социализация человека” [Морковкин и др. 1994: 64, 65].

Рассматриваемая нами реализация коммуникативных потребностей личности, существующей в условиях “культурно-языковой диаспоры”, требует уточнения высказанных выше общих положений, так как сами эти условия определяют их специфику, прежде всего связанную с двумя особенностями:

1) Русская языковая личность, бытийствующая в условиях “культурно-языковой диаспоры”, отличается от личности, бытийствующей в русском культурном пространстве, на следующих уровнях, связанных с особенностями ее инкультурации (приобщение к другой культуре и освоение ее элементов):

- на уровне индивидуального когнитивного пространства: овладевая элементами русской когнитивной базы в реальности иного лингвокультурного окружения, личность присваивает некоторую совокупность элементов инокультурной когнитивной базы, реализуя ее на русском языке в речевом общении в собственно русской речевой среде (“бикультурно / монолингвальное общение”);
- на уровне коллективного когнитивного пространства: речевое общение в условиях инокультурного окружения требует реализации правил данного лингво-этно-культурного сообщества, его когнитивной базы на русском языке (и на языке данного сообщества) во всех случаях межкультурного общения, что, естественно, отражается в выборе языковых средств и использовании в речевом общении на русском языке элементов языка другого этноса (“бикультурно / билингвальное общение”).

2) Русская языковая личность, бытийствующая в условиях “культурно-языковой диаспоры”, отличается от личности, бытийствующей в русском культурном пространстве, на следующих уровнях, связанных с особенностями ее социализации (освоение обязательного минимума культуры общества):

- на уровне реализации прецедентных феноменов: это явления, хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества, которые актуальны в когнитивном плане и обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей данного сообщества, см.: [Караулов 1987: 216; Красных 1998: 50–77; Прохоров 1997: 149–161]; обладая достаточно устойчивым ядром и чрезвычайно подвижной периферией, эти существенные составляющие русского речевого общения не могут быть в полном объеме освоены носителями языка, не реализующими свое речевое общение в русском культурном пространстве “здесь и сейчас”, так как они актуальны именно в когнитивном плане, на уровне по крайней мере коллективного когнитивного пространства, которое является иным у носителей русского языка другого культурного пространства, ср. предложенное В. В. Красных выделение социумно-, на-

ционально и универсально-прецедентных феноменов [Красных 1998: 96–97];

- на уровне коммуникативно-прагматических норм: под ними понимаются “правила отбора языковых средств и построения высказываний (текстов) в различных типичных ситуациях общения с разной коммуникативной интенцией в определенном обществе в данный исторический период его развития” [Анисимова 1988: 65]; прагматика речевого общения полностью определяется задачами реализации языковой личности именно в данном культурном пространстве (при всей “глобальности” рассматриваемых в прагматике принципов и постулатов).

Таким образом, русская языковая личность “культурно-языковой диаспоры”, с одной стороны, напрямую связана с русским культурным пространством и, следовательно, через него с индивидуальными и коллективными когнитивными пространствами всех других языковых личностей. С другой стороны, ее реальная коммуникация осуществляется в структуре иного культурного пространства или русского культурного пространства, подверженного влиянию инокультурного пространства, что, безусловно, сказывается на когнитивных и прагматических характеристиках этой языковой личности. Для определения условий ее реализации, на наш взгляд, может быть использован термин “коммуникативно-культурное пространство”, под которым понимается заключенное в определенные географические, темпоральные, социальные границы общение, которое вырабатывает речевые, поведенческие, жанровые и другие стандарты, определяет ролевую иерархию, доминирующий тип речевой культуры и формы взаимодействия с другими типами речевых культур, см.: [Шалина 1998: 4]. Коммуникативно-культурное пространство предполагает культурно-речевое взаимодействие членов социальной группы, характеризующееся своим хронотопом, речевой и социокультурной гомогенностью, обуславливает приверженность определенным речевым и поведенческим шаблонам и отражает нечто общее, типичное для членов группы в конкретных локальных проявлениях их культурно-речевого взаимодействия.

Таким образом, исходя из особенностей когнитивно-прагматических характеристик коммуникации, можно говорить о том, что русская национально-культурная стереотипия речевого общения может в условиях “культурно-языковой диаспоры” претерпевать следующие изменения, приводящие к нарушению национально-культурного “мы-образа”:

1. русский стереотип речевого общения функционирует по правилам, присущим русскому лингво-этно-культурному сообществу, но только во “внутриязыковом общении”, т.е. общении на русском языке в среде носителей данного языка;
2. русский стереотип речевого общения реализуется в межкультурно-языковом общении (т.е. в общении на русском языке с представителями другой этнокультуры) с иной маркированностью, отражающей специфику его реализации и восприятия русскоязычной личностью другой культуры;
3. русский стереотип речевого общения трансформируется в условиях его реализации в русской речевой среде с учетом социокультурных условий его этнокультурного и языкового окружения;
4. в речевом общении представителей русской этнокультуры на русском языке реализуется социокультурный стереотип, присущий стандартным для иной / данной культуры ситуациям общения.

С учетом динамики реально существующего расхождения между социокультурными условиями реализации коммуникативно-деятельностных потребностей русской языковой личности в условиях русского культурного пространства и коммуникативно-культурного пространства, можно говорить о том, что нарушения в использовании русской национально-культурной стереотипии речевого общения в условиях инокультурного окружения будут увеличиваться. Это может приводить к тому, что такой русский язык со временем (продолжительность которого для каждой “культурно-языковой диаспоры” может различаться в силу многих причин его собственного количественного и качественного состава, а также из-за условий социокультурного окружения) может рассматриваться как “самостоятельный способ бытования русского языка, как отдель-

ная сфера его существования, наряду с другими, достаточно автономными, его ипостасями в метрополии: современным литературно-письменным языком, устными народными говорами, мертвым языком памятников письменности, устно-разговорной разновидностью (включающей и просторечие), языком науки и техники, а также вариантами так называемой неисконной русской речи, существовавшей ранее в республиках СССР, а теперь СНГ” [Караулов 1992: 5].

Выделяя в структуре национальных социокультурных стереотипов речевого общения такие их типы, как отдельная лексическая единица, единицы фразеологической системы, прецедентные текстовые реминисценции и прецедентные прагмарефлексы [Прохоров 1997: 155–161], можно предположить, что по отношению к ним будет развиваться с позиции их реализации языковой личностью “культурно-языковой диаспоры” явление “агнонимии”, т.е. они будут все более неизвестны, непонятны или малопонятны данным носителям языка [Морковкин и др. 1997: 84–88]. Особенно ярко и остро это будет проявляться в отношении к прецедентным текстовым реминисценциям и прецедентным прагмарефлексам:

1. Прецедентные текстовые реминисценции в самом общем плане представляют собой определенные отсылки к более ранним текстам, реализуемые носителями в современном для них дискурсе. При этом речь идет не о текстах, а о языковых единицах, рассматриваемых в структуре речевого общения именно в лингво-когнитивном плане, об этом см. [Прохоров 1997: 149–155]; несколько иное понимание прецедентных феноменов см. [Красных 1998: 50–53]. В связи с тем, что в порождении и восприятии дискурса присутствуют не только лингвистические, но и экстралингвистические компоненты, можно предположить, что, даже при “абсолютно русской” лингвистической форме его выражения, когнитивные аспекты будут существенно различать собственно “русский дискурс” и “дискурс русской культурно-языковой диаспоры” [Красных 1998: 190–191]. Если же учесть тот факт, что корпус прецедентных текстовых реминисценций обладает устойчивым, но немногочисленным по составу ядром, и обширной, но крайне динамичной периферией (обращение в дискурсе к цитатам из “го-

рячих” фильмов, периодических изданий, средств массовой информации, политических выступлений, анекдотов и т.п.), то можно признать, что даже незначительное нарушение доступа к соответствующим элементам русского коллективного когнитивного пространства может значительно нарушить эффективность общения.

2. Прецедентные национально-культурные прагмарефлексы, как совокупность достаточно фиксированных для данного лингво-этно-культурного сообщества языковых реакций на стандартные ситуации социального общения, также представляют значительную сложность для носителей языка, не реализующих свою деятельность в русском культурном поле, см., напр., понимание этих явлений как “прагматических клише” в [Ратмайр 1997]. К прагмарефлексам можно отнести языковой узус, для которого характерна вариативность, об этом см., напр.: [Живов и др. 1997: 13], совокупность явлений речевого этикета [Формановская 1989], национально-специфическая рефлексия на уровне самосознания, норм и оценок и т.п. Естественно, что любое изменение социокультурных условий речевого общения русских языковых личностей приводит к определенному сдвигу в реализации прагмарефлексов, которые не совпадают с аналогичными сдвигами, мотивированными изменениями этих условий в рамках “культурно-языковой диаспоры”.

Реальным способом элиминирования лингвокультурологических лакун, которые неизбежно проявляются при сопоставлении русского речевого общения в коммуникативно-культурном пространстве “культурно-языковой диаспоры” и русском культурном пространстве, является, на наш взгляд, проведение систематических сопоставительных исследований их ассоциативно-вербальных сетей. В качестве базы для таких работ в полной мере может быть использован “Ассоциативный тезаурус русского языка. Русский ассоциативный словарь” [РАС 1994, 1996], материалы которого в полной мере отражают русское культурное пространство и когнитивную базу носителей русского языка.

Приведенные выше рассуждения позволяют сделать очевидным вывод о том, что проблематика, связанная с анализом

коммуникативно-культурных ролей русской языковой личности “культурно-языковых диаспор”, в ближайшее время может стать чрезвычайно важной как для исследователей, так и для выработки соответствующих учебно-методических рекомендаций. В связи с этим следует признать актуальным и выделение этнической конфликтологии как одного из подразделов этнопсихолингвистики. “В рамках конфликтологии следует, по-видимому, изучать механизмы защиты этносов против (лингво) культурологической витрификации, социальные, социально-психологические и психологические факторы и условия <...> способствующие или препятствующие мене или метисации вербального и невербального поведения, возможного на стыках каких-либо (по крайней мере, двух) этнических ниш” [Сорокин 1994: 5].

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимова Е. Е. 1988 — Коммуникативно-прагматические нормы. *Философские науки*. № 6. 64–69.
- Батыгин Г. С. 1980 — Стереотипы поведения: распознавание и интерпретация. *Социологические исследования*. № 4. 96–102.
- Живов В., Тимберлейк А. 1997 — Расставаясь со структурализмом (тезисы для дискуссии). *Вопросы языкознания*. № 3. 3–14.
- Изаренков Д. И., Чонг Зо Нгуен 1997 — Сферы общения как лингво-методическая категория. Исчисление сфер общения. *Лингвистические и лингводидактические основы обучения русскому языку как иностранному. К 30-летию ФПК: Сборник статей*. Москва. 94–105.
- Караулов Ю. Н. 1987 — *Русский язык и языковая личность*. Москва.
- Караулов Ю. Н. 1992 — О русском языке зарубежья. *Вопросы языкознания*. № 6. 5–18.
- Клаус Г. 1967 — *Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка*. Москва.
- Красных В. В. 1997-а — Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности. *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 1. Москва. 128–144.
- Красных В. В. 1997-б — Коммуникация в свете лингво-когнитивного подхода. *Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике*. Вып. 3. Москва. 67–83.

- Красных В. В. 1998 — *Виртуальная реальность или реальная виртуальность?* (Человек. Сознание. Коммуникация). Москва.
- Морковкин В. В., Морковкина А. В. 1994 — Язык, мышление и сознание et vice versa. *Русский язык за рубежом*. № 1. 63–70.
- Морковкин В. В., Морковкина А. В. 1997 — *Русские агнонимы (Слова, которые мы не знаем)*. Москва.
- Николаева Т. М. 1995 — Качели свободы / несвободы: трагедия или спасение? *Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: Тезисы конференции*. Москва. 83–88.
- Прохоров Ю. Е. 1997 — *Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку как иностранному*. Москва.
- РАС 1994, 1996 — Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. *Ассоциативный тезаурус русского языка. Русский ассоциативный словарь*. Москва.
- Ратмайр Р. 1997 — Функциональные и культурно-сопоставительные аспекты прагматических клише (на материале русского и немецкого языков). *Вопросы языкознания*. № 1. 15–22.
- Сорокин Ю. А. 1985 — Отечественные исследования по массовой коммуникации. *Знаковые проблемы письменной коммуникации*. Куйбышев. 3–10.
- Сорокин Ю. А. 1994 — *Этническая конфликтология (Теоретические и экспериментальные фрагменты)*. Самара.
- Формановская Н. И. 1989 — *Речевой этикет и культура общения*. Москва.
- Шалина И. В. 1998 — *Взаимодействие речевых культур в диалогическом общении: аксиологический взгляд*. Автореф. дис... канд. филол. наук. Екатеринбург.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД УСТНОЙ РЕЧЬЮ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

А. РОГАЧЕВСКИЙ

Особенности речи эмигрантов из России, проживающих в таких странах, как Австрия, Германия, Израиль, США, Франция, Финляндия и др., с относительно недавних пор стали предметом пристального внимания исследователей и даже журналистов, см., напр.: [Голубева-Монаткина 1994, 1995, Земская 1996, Караулов 1992, Лаптева 1996, Орел 1994, Протасова 1994, Пфандль 1997, Толстая 1998, Andrews 1998, Leinonen 1992, Stangé-Zhirovova 1999]. Рассматриваются и общие, и частные вопросы бытования русского языка в зарубежье. При этом русская диаспора в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии — возможно, из-за своей относительно немногочисленности — нередко оказывается как бы в тени.¹ Настоящий текст — лишь эскиз к теме, которой, как нам кажется, стоило бы отвести несколько больше места в будущих исследованиях.

Материал для данной заметки был собран в период между концом июня 1993 г. и концом ноября 1999 г. во время обще-

¹ Не исключено, что еще одна причина подобного отношения — ощущение, будто англоязычные страны, с точки зрения постоянно проживающего в них носителя русского языка, как говорится, “одним миром мазаны”. Рискнем предположить, что по крайней мере для сферы просодии это не совсем верно. Подражание т.н. *американскому* акценту, благодаря высокой степени его “форсированности”, в целом дается иностранцу легче, чем имитация т.н. *британского* произношения. Соответственно, влияние американского варианта английского языка на родной русский в данной сфере должно сказываться сильнее.

ния с представителями т.н. *четвертой волны*² русской эмиграции (т.е. с теми, кто покинул Советский Союз незадолго до или вскоре после его распада), проживающими в Великобритании. Информантами были носители русского языка самого разного возраста (преимущественно не филологи), владеющие английским и относительно адаптировавшиеся к английской среде (т.е. не ведущие замкнутый образ жизни, но работающие / учащиеся в тесном контакте с коренным населением). Как показывают наблюдения³, под воздействием английского языка устная речь данных носителей русского языка подвергается следующим изменениям:

1) Интонация становится более разнообразной и “певучей”, голосовые модуляции превращаются из “линейных” в “волнообразные”, расширяется голосовой диапазон, гласные в словах растягиваются; особенно это заметно в обращениях и словах, произносимых при прощании, напр.: *Ма-а-м!* [] вместо *Мам!* [], *Пока-а* [] по типу *Вуе!* [], — но встречается и в более сложных предложениях: *И взял он эту колбасу-у* [/] и *начал ее жа-а-рить* [/]. Наблюдаются случаи регулярного произношения эмигрантами собственных имен с ударением на первом слоге, т.е. так, как их обычно произносят не говорящие по-русски иностранцы: *Boris, Плу* вместо *Борис, Илья*, — вне зависимости от конкретного языкового окружения.

2) Звонкие согласные на конце слов сохраняют свою звонкость, поскольку процесс оглушения английскому языку не свойствен: слово *глаз* может произноситься как [глаз], а не как [глас].

3) Происходит заимствование английских выражений, обозначающих явления, отсутствовавшие или бывшие слабо распространенными в советской действительности и, соответственно, в русском языке советского и раннего постсоветского периода: *она сидит на income support* <на пособии по безрабо-

² Об относительности общепринятой нумерации эмиграционных “волн” из России см.: [Рогачевский 1975].

³ Эти наблюдения находятся в более или менее точном соответствии с утверждением Х. Пфандля, что языковая интерференция, “как правило, начинается на уровне фонетики (интонации) и лексики (сначала в области реалий), а затем затрагивает также синтаксис и морфологию” [Пфандль 1994: 108].

тице>⁴. Время от времени подобные заимствования приобретают грамматические признаки языка-реципиента и начинают изменяться по родам, числам, падежам и т.д. Так, напр., у слова *шелвер*, образованного от англ. *shelver* 'человек, расставляющий библиотечные книги по полкам согласно библиотечным шифрам', появилось производное *шелверша* для обозначения женского рода и форма множественного числа *шелвера* (с ударением на последнем слоге), с приобретением соответствующих падежных окончаний.

4) Английские названия предметов и явлений начинают вытеснять русские эквиваленты из повседневной речи, что очень часто приводит к образованию языковых "химер", т.е. парадоксальному сочетанию русско-английских фонетических и словообразовательных элементов, напр.: *найджириец* вместо *нигериец* (от англ. *Nigerian*); *окешить* (чек) вместо *обналичить* (от англ. *cash*); *забукировать* (места) вместо *зарезервировать* (от англ. *to book*); *пушок* (от англ. *to push*; прозвище старой машины, которая все время ломается, так что ее приходится чаще толкать, чем водить); и даже — в детской речи — окказиональное *спунка* вместо *ложка* (от англ. *spoon*).

5) Аналогичный процесс приводит к появлению лексических и лексико-синтаксических калек: *взять автобус* вместо *сесть на автобус* (от англ. *to take a bus*); *это возьмет немного времени* (от англ. *it won't take long*); *Как долго это займет?* (*How long will it take?*); *Могу я поговорить с г-ном Поповым, пожалуйста?* (*Could I speak to Mr Popov, please?*); *пересечь дорогу* (в значении *перейти*, по аналогии с *to cross the street*); *я не уверен* (в значении *нет*; ср. *I am not sure*, которое по-английски очень часто является не чем иным как вежливой формой отрицательного ответа); *почувствуй* в значении *потрогай* (буквальный перевод глагола *to feel*; речь идет о качестве материи, из которой сшита одежда); *я не знаю, если ты можешь сделать это* вместо *я не знаю, сможешь ли ты сделать это* (по аналогии с конструкцией *I don't know if you can do this*); *они не хотят людей, чтобы те приходили* вместо *они не хотят, чтобы люди приходили* (по типу *they don't want people to come*) и т.д.

⁴ Русскоязычный американец в аналогичной ситуации скорее скажет: *сйжу на вэлфере* (от слова *welfare*, которое является американским эвфемизмом понятия *пособие по безработице*).

Процесс активного усвоения и использования английского языка новоприбывшим эмигрантом, по-видимому, проходит через несколько стадий, которые могут быть как последовательными, так и одновременными. Мы, однако, опишем их последовательно. Сначала эмигрант обращает внимание на созвучия, сходные для английского и русского (или какого-нибудь близкого к нему славянского) языков. (Существует легенда об эмигранте, который в беседе с английским священником захотел похвалить церковный хор и сказал: *You have a lovely whore* [hɔ:] /*whore* означает 'проститутка' / вместо *You have a lovely choir* [kwaɪə]. Ср. также шутку *Есть High Kensington Street* /улица в Лондоне/, а есть *Hexай Kensington Street*, инспирированную старым анекдотом о том, в чем разница между выражениями *Хай живе радяньска влада* и *Hexай живе радяньска влада*. Отметим также шуточный вопрос *Ты Шура?* в значении *Ты уверен?* из англ. *Are you sure?*)

Затем в речи эмигранта происходит контаминация русских и английских языковых элементов, ср. название станции метро в Лондоне *St. John's Wood*, "переводимое" эмигрантом для "внутреннего пользования" как *Святого Джона лес station*. Наконец, происходит замена исконно русских слов параллельными иноязычными понятиями, напр., часто можно услышать высказывания типа *паршивый у тебя excuse* или *он получил promotion* вместо *тоже мне уважительная причина* или *он получил повышение по службе*. Почему же эмигранты нередко говорят что-нибудь вроде *я не believer*, когда, казалось бы, можно с равным успехом употребить словосочетание *я неверующий*? Некоторые эмигранты четвертой волны признавались автору этих строк, что по мере того, как они начинают думать (читать, писать, говорить) по-английски столь же часто, сколь и по-русски (а то и чаще), они чувствуют, что у них как бы вырастает второй мозг. В отсутствие сознательного (само)контроля за чистотой речи (мол, уж если говорить по-русски, так только по-русски, а если по-английски, так только по-английски), в ситуации, когда тебе и твоему собеседнику практически все равно, на каком языке общаться, вступает в силу принцип "мыслительно-речевой экономии": на каком языке слова тебе приходят в голову быстрее, те ты и произносишь вслух (не исключено, например, что эмоциональная реакция удивления / восхищения у эмигранта будет гораздо чаще проявляться при помощи восклицаний *wow!*, *cool!* или

super!, чем при помощи выражения *Вот это да!*). В этом плане особенно показателен случай, когда один эмигрант рассказывает другому английский анекдот почти целиком по-русски, за исключением ключевых фраз, в которых содержится “соль” (вполне, однако, переводимая): «Один австралиец входит в бар, где сидят три австралийские девушки, и спрашивает: “Do any of you Sheilas want a shag?” (*shag* на сленге означает ‘совокупление’; Sheila — для австралийцев имя чуть ли не нарицательное; представительницы этой нации в анекдотах почему-то обладают репутацией женщин, у которых временной промежуток между знакомством с мужчиной и сексом может быть сколь угодно кратким). Девушки переглядываются, и одна из них говорит: “Well, I haven't really thought about it, but if you insist, I won't mind, you smooth-talking bastard”».⁵

ЛИТЕРАТУРА

- Рогачевский А. 1975 — Шестая эмиграция. *Новое русское слово*. 26 декабря. С. 4.
- Голубева-Монаткина Н. И. 1994 — Грамматические особенности русской речи потомков эмигрантов “первой волны” во Франции. *Филологические науки*. № 4. С.104–11.
- Голубева-Монаткина Н. И. 1995 — Лексические особенности русской речи потомков русского зарубежья во Франции. *Русистика сегодня*. № 1. С.70–92.

⁵ Письменная речь эмигрантов тоже подвергается изменениям. Так, у школьников младшего и среднего возраста, т.е. у тех, чей почерк еще не окончательно сформировался и чьи представления о правописании еще достаточно далеки от идеала, воздействие английского языка сказывается, например, в графике и орфографии. Напр., буква *sh* приобретает очертания латинской *w*, названия национальностей по-русски начинают писаться с большой буквы, как это принято в английском. Языковая интерференция может проявиться и в письменной речи представителей более старшего поколения. Ср., в частности, подмеченное нами однажды выражение *вкладываю Вам* (в значении *к сему прилагаю* по аналогии со словесной формулой *enclosed please find*, часто встречающейся в частной и деловой переписке). Более подробно о феномене “угасания письменной формы русского языка в среде эмиграции” см. [Земская 1999].

- Земская Е. А. 1996 — О языке русского зарубежья и задачах его изучения. *Slavica Tampereusia*. V. Pp. 371–75.
- Земская Е. А. 1999 — Об угасании письменной формы русского языка в среде эмиграции. *Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования*. Под ред. Х. Барана и С. И. Гиндина. Москва. С. 599–610.
- Караулов Ю. Н. 1992 — О русском языке зарубежья. *Вопросы языкознания*. № 6. С. 5–18.
- Лаптева О. А. 1996 — Изучение эмигрантской речи как лингвистическая проблема. *Slavica Tampereusia*. V. P. 137–45.
- Орел В. Э. 1994 — Русский язык в Израиле. *Славяноведение*. № 4. С. 35–43.
- Протасова Е. Ю. 1994 — Русско-финское двуязычие и русский язык: Опыт Финляндии (к вопросу о бытовании русского языка как родного за пределами России). *Славяноведение*. № 4. С. 44–52.
- Пфандль Х. 1994 — Русскоязычный эмигрант третьей и четвертой волны: Несколько размышлений. *Русский язык за рубежом*. № 5/6. С. 101–08.
- Пфандль Х. 1997 — Отношение к приметам и бытовым обычаям как индикатор культурного поведения русскоязычного эмигранта “третьей” и “четвертой” волны. *Славяноведение*. № 2. С. 31–45.
- Толстая Т. 1998 — Надежда и опора: (Сердца горестные заметы-1). *Московские новости*. 15–22 ноября. С. 17.
- Andrews David R. 1998 — Sociocultural Perspectives on Language Change in Diaspora: Soviet Immigrants in the United States. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins.
- Leinonen M. 1992 — Language Survival: Russian in Finland. *Slavica Tampereusia*. I. Pp. 1–44.
- Stangé-Zhirovova N. 1999 — French Loan-words in the Idiolects of Russian Immigrants in Francophone Belgium. *Language and Society in Post-Communist Europe: Selected*.
- Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies. Warsaw, 1995. Ed. by J. A. Dunn. Houndmills: Macmillan, Pp. 135–143.

ПРОБЛЕМЫ НОМИНАЦИИ: НОВОЕ И СТАРОЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЛИТВЫ

Б. СИНОЧКИНА

Лексике русского языка, бытующего за пределами России, присуща региональная специфика, порождаемая не только наличием локальных реалий, но и особенностями функционирования в отрыве от основного этносоциума, в инонациональном окружении. Лексические локализмы и ранее отмечались в русском языке Литвы, однако до распада СССР, в условиях единого государства, региональное варьирование словаря вне России, в частности в Литве, было не слишком значительным. Русский язык Литвы в силу коммуникативных потребностей осваивал местный ономастикон, адаптируя его фонетически, морфологически и графически [Синочкина 1990], в словарь включалось обозримое количество экзотизмов (этнографизмов), приживались в нем и коммуникативно ценные лексико-семантические инновации — результат культурно-языкового контактирования [Синочкина 1989]. Среди лексических регионализмов русского языка Литвы можно отметить такие широко употребительные номинативные единицы, как:

гольф ‘тонкий свитер с высоким воротом’ (ср. *водолазка*, *битловка*), *секция* ‘комбинированный сборный шкаф универсального назначения’ (ср. *мебельная стенка*), *тренинг* ‘тренировочный костюм’, *абсолювент* ‘выпускник вуза’, *институция* ‘форма общественного устройства, институт, инстанция’, *дантист* ‘врач-стоматолог’, *сварайнис* ‘японская (мелкоплодная) айва’, *арония* ‘черноплодная рябина’, *цукиния* ‘кабачок цуккини’, *белый кофе* ‘кофе с молоком или со сливками’, *белый сыр* ‘творожный сыр’.

Эти единицы вышли за рамки окказионального употребления, поскольку они отвечают стремлению говорящих экономить речевые усилия, проявляющемуся, в частности, в предпочтении однословного наименования раздельнооформленному, а в более общем виде — в том, что усилия билингвов направлены в сторону достижения симметрии обеих систем и установления двуязычного изоморфизма [Жлуктенко 1974].

Восстановление государственной независимости Литвы заметно активизировало процессы дивергенции в лексике теперь уже зарубежного русского языка в сравнении с российским. Недаром язык зарубежья, по словам Ю. Н. Караулова, следует рассматривать как “отдельную сферу его существования, наряду с другими, достаточно автономными, его ипостасями в метрополии: современным литературно-письменным языком, устными народными говорами, мертвым языком памятников письменности, устно-разговорной разновидностью (включающей и просторечие), языком науки и техники, а также вариантами так называемой неисконной русской речи, существовавшей ранее в республиках СССР, а теперь — в СНГ” [Караулов 1992: 5].

На характере взаимодействия русского и литовского языков в Литве не могли не сказаться существенные изменения в их функционировании: литовский язык обрел статус государственного, а русский стал языком одного из национальных меньшинств. О связи социального статуса языка с его подверженностью иноязычному влиянию писал в свое время У. Вайнрайх: “Отлучение языка от функций, придающих ему престиж, например от роли государственного языка, часто понижает его авторитет и уменьшает сопротивление интерференции, способствуя закреплению нововведений, вносимых двуязычными носителями” [Вайнрайх 1972: 56].

Именно это снижение иммунитета к вторжению иноязычных элементов наблюдается в сегодняшнем русском языке Литвы. Кардинальные перемены в социальном укладе страны, реорганизация общественных институтов, административно-территориального деления, государственных структур и служб повлекли за собой пересмотр соответствующих номенклатурных обозначений, вначале литовских, а вслед за ними и русских. Литовский язык, как бы вычеркнув советский период

из своей истории, во многом вернулся к наименованиям межвоенной Литвы, вновь введя в обиход устаревшие было слова *seimas* ‘сейм’, *policija* ‘полиция’, *policijos nuovada* ‘полицейский участок’, *teismo antstolis* ‘судебный пристав’, *areštine* ‘арестантская’, *apskritis* ‘уезд’, *miesto valdyba* ‘городская управа’ и т.п.

Номинация в официальной сфере осуществляется целенаправленно, о чем свидетельствует, в частности, инициированная “сверху” перемена наименований. Так, специальным законом Литовской Республики должность *ministerijos sekretorius* ‘секретарь министерства’ была заменена на *viceministras* ‘вице-министр’, а *apskrities valdytojas* ‘управляющий уездом’ — на *apskrities viršininkas* ‘начальник уезда’. За правильностью государственного языка, соблюдением его норм следит специально созданная Комиссия по литовскому языку при Сейме республики, обладающая большими полномочиями. В русском же языке, ставшем местным средством общения, подбор соответствий к новым литовским наименованиям происходит по преимуществу стихийно, нередко путем проб и ошибок.

Разнобой в передаче специфических литовских реалий, относящихся к государственному устройству, наблюдается даже на страницах прессы, язык которой в целом ориентирован на книжно-письменную норму и в известной мере служит для читателей образцом. Так, газета “Вечерние новости”¹ выходит с подзаголовком “Газета г. Вильнюса и Вильнюсского округа”, где наименование *округ* соответствует слову *apskritis* литовского варианта издания. В конкретных же сообщениях с мест та же газета использует в аналогичной ситуации слово *уезд*:

Хуже всего дело обстоит в крупных городах — Вильнюсе и Каунасе, а также в Алитусском и Мариямпольском уездах. (ВН 6.08.1997)

¹ В статье используются следующие сокращения названий литовских газет: “Вечерние новости” — ВН, “Обзор” — Обз., “Литовский курьер” — ЛК, “Пирмаденис” — Пирм., “Летувос ритас” — ЛР, “Эхо Литвы” — ЭЛ.

Еженедельник “Летувос ритас” последовательно использует архаичное *уезд*, в то время как газета “Пирмаденис” предпочитает более нейтральное *округ*.

Все двуязычные словари дают слово *уезд* как единственное соответствие литовскому *apskritis*, а *округ* переводят как *apygarda*. Слово *округ* по-прежнему используется в Литве как название единицы территориального деления, вводимого с определенной целью (*избирательный округ*), сферы действия властных структур (*судебный округ, прокурор округа*). Почему же носители русского языка в Литве отдают предпочтение менее правильному варианту, чаще переводя *apskritis* как *округ*? Очевидно, такой перевод, во-первых, провоцирует внутренняя форма литовского слова (ср. *apskritas* ‘круглый’, *apskritimas* ‘круг’), заставляя подыскивать нечто похожее в русском. Во-вторых, *уезд* ассоциируется в сознании говорящих не только с давним прошлым, но и с провинциальностью, захолустьем (ср. *губернский город* и *уездный город*). Видимо, поэтому мне в живой устной речи до сих пор ни разу не довелось услышать слово *уезд*.

Еще одна лексема, официально предложенная в качестве новой номенклатурной единицы (см., например, ее употребление в “Ведомостях Литовской Республики”, где публикуются законы) и активно отторгаемая носителями языка, — слово *староста* как эквивалент литовского *seniūnas*. Литовское слово-реалия *seniūnija* ‘мельчайшая административно-территориальная единица города и ведающее ее делами хозяйственно-управленческое учреждение’ для русского языка является безэквивалентным и вынужденно транслитерируется. Слово же *seniūnas* ‘должностное лицо, глава сянюнии’ может быть переведено как *староста*. Однако и в этом случае в СМИ наблюдаем разноречивую передачу нового слова-реалии: наряду с переводом используется и транслитерация. Ср.:

Сянюния готова оказать посильную помощь. Староста... присматривает за ходом строительных работ” (ВН 19.08.1997); Если я останусь на посту сенюнаса, обязательно этот проект пробыю (Пирм. 1997: № 19); Группа инициативных жителей Лентвариса не пускала в здание сянюнии вновь назначенного сенюнаса... (ЛР 1997: № 42)

Почему чужое слово оказалось в данном случае предпочтительнее своего? Привычное русское *староста* называет лицо, избираемое или назначаемое для ведения дел в небольшом обществе, коллективе: *староста класса, курса, кружка, церковный староста*. На *старосту* возлагаются определенные обязанности, но это не оплачиваемая государственная должность. Известное в прошлом *сельский староста*, близкое по значению к анализируемому *seniūnas*, уже довольно прочно забыто. Однако новое применение слова, как известно, вызывает сдвиги в его значении, что могло бы произойти и со словом *староста* в его региональном использовании в пределах Литвы. Называли же здесь раньше *коммунальной* квартиру не с общей кухней, а государственную в отличие от кооперативной или частной (ср. лит. *komunalinis butas*). Транслитерированный вариант оказывается более предпочтительным потому, что, во-первых, он позволяет и в русском языке сохранить формальную мотивированность семантически связанных единиц (*сянюнас* возглавляет *сянюнию*) и, что, видимо, еще существеннее, это слово официально-деловой лексики, его используют в основном при общении в государственных учреждениях, т.е. название этой реалии звучит преимущественно в литовской речи, это слово написано на дверях рабочего кабинета должностного лица и т.д. Необходимость в русском варианте названия возникает нечасто, и билингу проще использовать одно слово и в литовской и в русской речи, тем более, что даже не владеющие или слабо владеющие литовским языком люди по необходимости знают, как теперь называют преемника прежнего управдома.

Можно также предположить, что именно незнание русского эквивалента наименования новой реалии побуждает говорящих вкраплять в русскую речь оставленные без перевода литовские слова. Это явление, широко распространенное в настоящее время в речи русского населения Литвы, можно опять-таки наблюдать в языке прессы. В последнее время на страницах русских газет все чаще встречаем литовские включения, набранные как латиницей, так и кириллицей, причем без перевода нередко оставляют не только непереводимое или

труднопереводимое, но и вполне поддающееся переводу. Приведем несколько примеров:

Снасибо, tamsta Буруте, счастья Вам и процветания (ЭЛ 7.03. 1997), где *tamsta* — почтительное обращение к человеку (<*tavo mylista*).

Выдержал это /судмедэкспертизу/ — через месяц тебя вызовут к “квотеясу”, что в переводе с литовского означает — председателю следователю. ... Все это включается в протокол, и “квотеясов” за это почему-то никто не дисквалифицирует (Обз. 1997: № 28) — в данном случае журналисту оказался неведом русский юридический термин *дознатель*.

Райстянскис и Вашкович являются членами “вальдибы” Совета самоуправления (ЛК 1997: № 20) — без перевода почему-то оставлено (возможно, чтобы избежать тавтологии) литовское *valdyba* ‘правление’.

В некоторых русских изданиях в последнее время вообще наблюдается тенденция давать без перевода и даже без транслитерации, на языке оригинала, названия любых официальных инстанций:

Она пошла в Vilniaus apskrities teritorinės gynybos rinktinė, написала там заявление, как требовалось. (ЛК 1997: № 34)

Если же составное наименование организации либо учреждения переводится на русский язык, то его сокращенное обозначение инициальной аббревиатурой обычно лишь транслитерируется. Так, наименование военной структуры *Savanorių krašto apsaugos tarnyba* переводится на русский как *Добровольческая служба охраны края*, но сокращенно чаще обозначается *СКАТ*, а не *ДСОК*. В живой разговорной речи практически употребляется лишь *СКАТ*, очевидно, опять-таки в силу того, что при пользовании обоими языками проще помнить и использовать общую номинативную единицу, тем более, что и в “материковом” русском языке есть аббревиатуры, восходящие к иноязычным наименованиям (ср. *НАТО*, *ЮНЕСКО* и т.п.), кроме того, литовская аббревиатура благозвучнее русской.

Наше время коренных преобразований не скупится на новое в жизни, требующее языкового выражения, однако нынешний этап бытования русского языка в Литве характеризу-

ется не только количественным увеличением в нем неологизмов, но и особенностями самого процесса именования. Так, ранее новшества в Литву в основном приходили “из центра” и задачи номинации сводились к подбору литовских соответствий к русским неологизмам. Если же нечто новое появлялось в самой Литве, то региональные русские неологизмы получали быстрое распространение, тиражируясь в дублирующих по содержанию двуязычных текстах надписей, вывесок, всевозможных бланков и формуляров. Транслитерируемые (транскрибируемые) безэквивалентные литовские слова-реалии обретали в русском языке региональную обязательную для всех единую графико-произносительную и грамматическую форму, напр.: *apylinkė* ‘административно-территориальная единица Литвы’ — *апилинка*. Что же касается русских неологизмов последнего времени, то они не только функционируют в графико-произносительных вариантах (ср.: *магистратура* / *магистрантура*, *габилитированный* / *хабилитированный* доктор наук), но зачастую вообще неизвестны носителям русского языка, что делает неизбежным литовские инкрустации в русской речи.

Представление о характере иноязычных включений, все чаще наблюдаемых в некодифицированной речи русского населения Литвы, дает юмореска Рика Пайпа, стилизованная под письмо пожилого читателя в редакцию газеты. Художественный текст, естественно, не адекватен живой речи, но в нем верно подмечена и отображена новая для русской речи тенденция. Приведем отрывок из этой юморески:

Мы с бабушкой живем хорошо, слава Богу. За квартиру тоже не платим и нас ни разу не отключали. Дело простое. Иду в сенуний и там говорю, что денег нету. Она меня виртуально посылают в содр. Иду в содр. Содр дает попирусь. Обратно иду в сенуний и даю попирусь, сенуний берет попирусь и дает пажимейс. Обратно иду в содр и даю пажимейс. Содр берет пажимейс и дает попирусь. Обратно иду в сенуний, отдаю попирусь, сенуний берет попирусь, пишет меня в журнал и я им обратно бесплатно ни хрена не плачу. (Пирм. 1997: № 32)

Такой текст без комментариев понятен только в Литве. Литуанизмы, как и следовало ожидать, относятся к официальной сфере, обслуживаемой исключительно литовским языком. Это

названия учреждений: *сенуний* — искаж. лит. *seniūnija*, *содр* — искаж. лит. “*Sodra*” (< *socialinis draudimas*) ‘фонд социального страхования’; документов: *попирусъ* — искаж. лит. *popierius* ‘бумага, документ’, *пажимейс* — искаж. лит. *pažymėjimas* ‘справка’.

В Литве сейчас уделяется большое внимание нормализации литовского языка, разработке собственной терминологии, очищению языка от излишних заимствований, устранению из речи неудачного копирования иноязычных образцов, в частности, русских. Обретение независимости, отход от советского прошлого диктует стремление многое назвать по-новому, по-своему или же продолжить прерванные языковые традиции довоенной Литвы. И теперь уже русский язык порой грешит против собственных норм, механически воспроизводя литовские единицы номинации. Среди узаконенных, но, к сожалению, безупречных русских новообразований в Литве можно отметить, в частности: *страны Балтии* (*балтийские, прибалтийские*), *Министерство охраны края* (*край* здесь — ‘страна, государство’; так именуется не учреждение краеведов или сторожников охраны окружающей среды, а оборонное ведомство Литвы).

Бездумное калькирование чиновниками литовских наименований ввело в обиход устойчивое словосочетание *высшая школа* в значении ‘среднее специальное учебное заведение’. Интересно отметить, что в Литве училища и раньше назывались *aukštesnioji mokykla*. Это наименование, содержащее прилагательное в сравнительной степени, хорошо вписывается в триаду: *mokykla* — *aukštesnioji mokykla* — *aukštoji mokykla* (букв.: ‘школа’ — ‘более высокая школа’ — ‘высокая школа’). Термин *technikumas*, как неисконный, был выведен из литовского словаря, что определило и судьбу его русского соответствия. Бывшие техникумы и училища теперь по-русски называются *высшими школами*, что никак нельзя признать удачной номинативной находкой. Во-первых, сочетание *высшая школа* уже называет высшие учебные заведения в совокупности (или абстрактно), а омонимия терминов в пределах той же тематической сферы затрудняет коммуникацию; во вторых, налицо семантическая несообразность: превосходная степень *высший* никак не увязывается со “срединностью” обозначаемого этапа образования.

Определенная дивергенция в лексике неизбежна при обособленности государственного развития, но ошибок номинации можно избежать, если ученые-русисты будут не просто сторонними наблюдателями, а займут более активную позицию в процессе именования нового.

ЛИТЕРАТУРА

- Вайнрайх У. 1972 — Одноязычие и многоязычие. *Новое в лингвистике*. Москва. Вып. 6.
- Жлуктенко Ю. А. 1974 — *Лингвистические аспекты двуязычия*. Киев.
- Караулов Ю. Н. 1992 — О русском языке зарубежья. *Вопросы языкознания*. № 6.
- Синочкина Б. М. 1989 — О некоторых региональных особенностях русского языка в Литве. *Kalbotyra*. № 40 (2).
- Синочкина Б. М. 1990 — Литовская топонимика и грамматические нормы русского языка. *Kalbotyra*. № 41 (2).

ОБ ОСНОВНЫХ ЭТАПАХ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА ЛИТВЫ

В. ЧЕКМОНАС

Исход старообрядцев из Государства Российского, начавшийся в последней трети XVII в., положил начало формированию русской диаспоры, которая впоследствии сокращалась только с расширением Российской империи, многократно увеличилась во времена социальных катаклизмов XX в. и стала общемировым явлением к нашему времени. Как сказал поэт

*Россия, кровоточащая рана.
Все уголки земли тобой обогрены.*

Русское старообрядческое население Прибалтики составляло и составляет незначительную и наименее удаленную от метрополии часть этой диаспоры. Его история относительно неплохо изучена, см., напр.: [Заварина 1986; Егоров 1990; Подмазов 1998]. Проведение царским правительством политики русификации т.н. Северо-западного края и Прибалтики в целом требовало хотя бы минимально объективных сведений о демографической ситуации в регионе, и благодаря этому в 1870-х гг. были опубликованы статистические сведения П. И. Корецкого о русских старообрядцах в Ковенской губернии [Корецкий 1863], а в 1909 г. — замечательное исследование А. Станкевича. Данные по Виленской губернии восполняют сведения Всеобщей переписи населения Российской империи 1898 г. Перечисленные работы являются основными источниками для всех последующих авторов, так или иначе затрагивавших проблемы, связанные с изучением истории старообрядчества Прибалтики.

Значительно менее изучена история расселения старообрядцев на более ранних этапах формирования русской диаспоры. Здесь основное внимание уделялось стародубско-ветковским поповцам как наиболее мощному потоку мигрантов, в то же время не порывавших окончательно с московским православием [Лилеев 1895]. Открытие и публикация т.н. Дегуцкого летописца [Маркелов 1990] способствовали обострению интереса специалистов различных областей к старшему периоду истории старообрядцев Прибалтики. Благодаря исследованиям Г. Потащенко [Потащенко 1998; 1998-рукопись], в значительной мере восполняется пробел в истории старообрядческого населения на территории современной Литвы в XVIII в. В исследованиях старообрядческих говоров Литвы и Латгалии, особенно интенсивных в 70-х гг. нашего столетия, часто высказывалось предположение, что эти говоры являются “псковско-новгородскими” по своему происхождению. В настоящее время мы располагаем сведениями, позволяющими уточнить и скорректировать это предположение, но вряд ли изменится идея о том, что основную массу первых старообрядцев Прибалтики составили выходцы из северо-западных областей Российской империи.

Социолингвистическая история старообрядцев Прибалтики практически не изучена. Источники XIX в. дают очень мало прямых сведений о ней, а в XX в. этой проблеме просто не уделялось должного внимания, поскольку взаимоотношения старообрядцев с окружающим населением представлялись совершенно понятными и не требующими специальных комментариев.

В ходе комплексных экспедиций по изучению истории, языка, традиционной духовной и материальной культуры старообрядцев в 1996–97 гг. [Старообрядцы Литвы 1998] удалось собрать очень важные сведения, которые в значительной мере дополняют наши знания в соответствующих областях. Эти сведения позволяют также в общих чертах реконструировать этно-демографическую историю старообрядческого населения в XIX–XX вв., которая оказалась не такой простой и очевидной, как могло казаться ранее. С учетом новых данных возможно обозначить также важнейшие моменты социолингвистической истории русских старообрядцев Литвы как части

русской диаспоры, начиная с первых десятилетий XVII в. до наших дней, чему и посвящено дальнейшее изложение.

Судя по данным, систематизированным в докторской диссертации Г. Поташенко, “начало эмиграции в западную часть ВкЛ¹ (на нынешнюю территорию Литвы) относится, вероятно, к концу 1670-х гг. <...> Первый достоверно известный старообрядческий храм в нынешней Литве был сооружен в 1710 г. в деревне Пуша около Кряунос (ныне Рокишкский район) <...>

Возникновение в XVII в. в ВкЛ, и шире, в Речи Посполитой организованного федосеевского общества было следствием устойчивой и массовой миграции русских вообще, в том числе и старообрядцев <...>.

В первой половине XVIII в. число поселений русских эмигрантов увеличилось. Они создавали чисто русские деревни, хутора или смешанные с местным населением поселения.” [Поташенко 1998-рукопись]

Согласно известным сведениям, в это время на территории Литвы было уже восемь старообрядческих приходов.

“Эмиграция россиян (и старообрядцев) в ВкЛ была устойчивой или, видимо, даже усилилась во второй половине XVIII в.”, поскольку, несмотря на существенные послабления в государственной политике по отношению к старообрядцам, “старообрядчество в России по-прежнему оставалось вне закона”. [Там же]

В приведенных выше цитатах достаточно адекватно отражено принятое большинством историков положение о том, что на земли ВкЛ (и, видимо, вообще на территорию Речи Посполитой) мигрировали (бежали, переселялись) не только старообрядцы, но и просто православные, причем различные авторы значительно расходятся в оценке количества последних.

Прежде всего, нередко подчеркивается, что русские бежали в западное зарубежье и до раскола, и поток этот не был демографически незначимым; исход же старообрядцев только усилил уже сформировавшийся миграционный поток, но не был его началом. В связи с этим обсуждается теоретическая возможность того, что по крайней мере часть “дораскольных” переселенцев могла не принять Никоновские реформы и, следо-

¹ Великое княжество Литовское.

вательно, собственно старообрядцы на этих землях просто слились с “дониконовскими” переселенцами, что и объясняет быстрый и значительный рост старообрядческого населения Речи Посполитой в XVIII в.

Кроме этой теоретической возможности, существуют и прямые указания на участие в старообрядческом миграционном потоке правоверно-православного населения. Так, по сведениям, опубликованным А. А. Завариной, в Латгалии в 1770–1820-х гг. проживали — хотя и относительно немногочисленные, — выходцы (семьи?) из Вологодской, Петрозаводской, Вятской, Олонецкой, Курской, Ярославской, Владимирской, Тверской, Калужской и нек. др. губерний [Заварина 1977: 74].

Вместе с тем, во-первых, в XIX в. ни в Литве, ни в юго-восточной Латгалии не только не зафиксировано существование каких-либо старых скоплений сельского православного населения, которое бы строило новые храмы, но и вообще нет сведений о существовании даже “православных вкраплений” в местах расселения старообрядцев. Не следует обвинять в этом всегда недобросовестную демографическую статистику царской администрации — существование православных было бы на руку политикам, проводившим русификацию, и факт их существования на территории Речи Посполитой обязательно был бы отмечен и соответственно использован. Следовательно, справедливым является вопрос о том, как и почему предполагаемые православные переселенцы XVIII в. никак себя не проявили впоследствии, почему они как бы исчезли из поля зрения истории?

Во-вторых, как оказалось, в XIX в. на территории Литвы проживали старообрядцы, принадлежавшие исключительно к федосеевскому толку. Известно, что это течение в старообрядчестве зародилось на Псковско-Новгородских землях и было распространено в основном и преимущественно в северо-западных районах России. Эмигранты-старообрядцы из других областей России почти с полной очевидностью принадлежали к другим толкам, поскольку федосеевство там было практически неизвестно. Кажется обоснованным поставить вопрос о том, почему все же в Прибалтике абсолютное большинство старообрядцев даже в настоящее время являются федосеевцами (примкнувшими к поморцам), в то время как общины пред-

ставителей других толков, кроме Риги, нигде не зафиксированы?

Наконец, третье: результаты опубликованных до настоящего времени исследований старообрядческих говоров Литвы и, по крайней мере, юго-западной части Латгалии показывают, что эти говоры довольно однообразны и по своим основным особенностям практически все принадлежат, как теперь можно утверждать, к говорам южно-псковского типа [Морозова, Чекмонас 1998]. Возникает вопрос о том, как и по каким причинам старообрядческие говоры оказались единообразными, если мигранты-старообрядцы были носителями не только псковских, но и иных говоров, в том числе и безусловно оказующих новгородских²?

Насколько мне известно, перечисленные выше вопросы практически не ставились в явном виде и поэтому в научной литературе ответа на них мы не найдем. Представляется возможным, что в принципе ответы на них дает следующий исторический сценарий.

Первые старообрядцы на территории Литвы, поселившиеся здесь еще во второй половине XVII в. и построившие в 1710 г. моленный дом в Пуще, не могли быть федосеевцами, поскольку сама федосеевская (Русановская, по названию д. Русаново под Невелем) община как таковая была создана только в 1699 г. и просуществовала до 1708 г. Впоследствии федосеевцами была основана Вязовская обитель в Великолуцком уезде, затем они перебрались на Ряпину Мызу в Юрьевском уезде. После смерти своего основателя в 1711 г. община распадается, и, видимо, с этого времени и начинается переселение федосеевцев далее на запад.

Не исключено, что именно федосеевцы, будучи одним из самых радикальных течений в русском старообрядчестве, и составили основную массу русских беглецов в первой половине XVIII в., когда историки отмечают значительный рост русского населения в Речи Посполитой [Поташенко 1998-рукопись].

² Основатель федосеевского толка Феодосий Васильев родился (ок. 1630 г.) в Крестецком Яме, ныне г. Крестцы Новгородской области, который находится в зоне окающих говоров. Вряд ли можно сомневаться в том, что и сам он был носителем окающей новгородской, а не акающей псковской речи.

Но возможно также, что они и не составляли большинства; несомненно, однако, что в это время они были самой организованной и идеологически сплоченной частью русских переселенцев. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1752 г. руководителям федосеевских общин удалось созвать свой (впоследствии названный “польским”) собор наставников и прихожан (в Гудишках, на территории нынешнего Игналинского района), на котором выяснялись спорные вопросы как самого федосеевского учения, так и отношения федосеевцев с поморской старообрядческой церковью, а главное — был принят знаменитый федосеевский устав.

Далее, на первых этапах федосеевцы, вероятно, оказались сосредоточенными на относительно небольшой территории, и между отдельными их общинами должны были существовать тесные отношения. По всей видимости, в основном это были носители тогдашних псковских говоров.

Общая их организованность, идеологическое единство и относительная территориальная сконцентрированность и стали причинами того, что

— старообрядцы-нефедосеевцы, проживавшие в районах расселения федосеевцев, приняли федосеевское учение и влились в федосеевскую среду, и точно так же в нее стали вливаться и старообрядцы других толков, бежавшие в Речь Посполитую в последующее время, а также и собственно православные³;

— псковские говоры федосеевцев стали восприниматься как наиболее престижные для переселенцев из других частей России, и новые переселенцы, независимо от того, носителями каких говоров они были в России, принимая федосеевство, усваивали также и псковский говор или (лучше) псковское наречие основного ядра федосеевцев.

В общем, можно, видимо, предполагать, что до расселения по всей Литве русские переселенцы пережили

³ Ср.: «Пришельцы <русские беглецы в Речь Посполитую — В. Ч.> не всегда были старообрядцами, среди них были представители официального православия, которые только здесь, в Речи Посполитой, становились сторонниками “старой веры” под влиянием старообрядцев» [Iwaniec: 184] со ссылками на [Игумен Павел (Прусский) 1871: 585; Заварина 1986: 23].

своего рода период религиозной и языковой консолидации где-то в приграничных с Россией районах Речи Посполитой, скорее всего — в юго-западной части Латгалии; по всей видимости, этот процесс консолидации происходил в течение большей части XVIII в., поскольку, несмотря на дальнейшее рассеивание федосеевцев, большая их часть всегда была сосредоточена именно в юго-западной Латгалии и прилегающих районах Литвы.

С конца XVIII в. в жизни русского старообрядчества начинается новый период в связи с разделами Речи Посполитой и присоединением земель ВкЛ к России. “Раскольники” и “иноверцы”, каковыми были старообрядцы для царской администрации и патриаршей церкви, с этого времени до распада Империи разделили судьбы русского старообрядчества в целом. Часть русских старообрядцев Литвы переселилась в Польшу и Восточную Пруссию, однако большая их часть осталась на уже исконных для них землях. Весь период от 1795 г. до 1918 г. можно назвать периодом численного роста староверов Литвы и формирования их местных, региональных центров, или, в общем, периодом их распространения на территории современной Литвы.

Судя по известным данным, дальнейшее расселение старообрядцев в Литве не означало их рассеивания среди исконного литовского населения. В соседней с Зарасайской Рокишкской зоне возникает несколько значительных поселений, в том числе и знаменитая Манеевка, которая, по мнению современных ее жителей, до самого недавнего времени была центром чуть ли не всего старообрядчества Литвы. Таким же центром считали себя русские старообрядцы, жившие в многочисленных деревнях под Виешинтос (Аникщяйского района). Жители д. Римки (или Рымки) под Йонавой (Яновым) считают свой моленный дом самым старым и известным во всей Литве, а Яновская зона в общем является в их глазах подлинным центром и местом наибольшего скопления старообрядцев во всей Прибалтике.

Очевидно, старообрядцы в Литве не мигрировали спонтанно и не селились там, где им просто нравилось. Судя по устным рассказам, часто подтверждаемым историческими свидетельствами, крупные землевладельцы приглашали старообряд-

цев на пустующие, заброшенные, трудные для обработки земли. Таким образом, староверы на новых землях, как правило, оказывались в значительной изоляции от местного населения, что их вполне устраивало.

Исключительно трудолюбивые, упорные и закаленные жизненными трудностями, русские старообрядцы не только выжили в труднейших условиях, раскорчевывая леса, осушая заболоченные земли и т.д., но и со временем богатели, начинали арендовать, а затем и покупать земельные участки. Старообрядческие деревни разрастались и за счет натурального прироста населения, и за счет подселения новых семей.

Этот механизм распространения и расселения старообрядцев по Литве действовал практически до польского восстания 1863–1864 гг.; после этого ситуация резко меняется в связи с началом реализации политики русификации т.н. Северо-западного края.

Несомненным фактом является то, что, судя по официальным статистическим данным второй половины XIX в., большинство старообрядческого населения Литвы испытывало острую нехватку земли. Для того, чтобы привлечь старообрядцев на свою сторону в деле русификации, администрация края, с одобрения центральных властей, некоторое время селила на конфискованные у участников восстания земли прежде всего малоземельных староверов из западных губерний. Впоследствии, однако, основным методом русификации стало переселение в Литву православного населения из центральных губерний России. К концу XIX в., судя по фундаментальной работе А. Станкевича [Станкевич 1909], в Ковенской губернии сравнялось количество православных переселенцев и православных русских поселений, с одной стороны, и количество старообрядческого населения и старообрядческих деревень, с другой. Очевидно, конечная цель политики русификации была не только русификация поляков и литовцев, но и искоренение староверов путем их растворения в среде православных. Трудно сказать, чем бы все закончилось, если бы не произошли социальные катаклизмы XX в., начало которым положила Первая мировая война.

Прежде чем перейти к рассмотрению этого исторического этапа в жизни старообрядцев Литвы, важно обратить внима-

ние на то, что проведение политики русификации помогло сохранению их языковой обособленности, и следовательно, сохранению их традиционной диалектной речи. Языком официального общения в законодательном порядке, как известно, стал русский язык; после открытия начальных народных школ (с русским языком обучения, естественно) были запрещены все частные школы и вообще пресекались попытки частного обучения грамоте. В итоге, дети литовского населения и из польскоязычных семей Литвы вынуждены были посещать русские школы. В последней четверти XIX в. большинство дееспособного населения на территории Литвы и особенно молодежь, независимо от того, на каком языке они говорили дома, в той или иной степени были уже знакомы с русским языком [Misius 1994: 411–424]. В этой ситуации для общения с окружающим населением русским старообрядцам Литвы вовсе не требовалось знание литовского или польского. По рассказам наших старейших информаторов, родившихся в начале века, местные литовцы-соседи и даже представители польскоязычной шляхты при общении со старообрядцами переходили на русский. Поэтому не приходится удивляться, что диалектологи, работавшие в 60–70-е гг., находили информаторов-староверов старшего возраста, совершенно не умеющих говорить по-литовски; более того, встретить таких людей можно было и во время экспедиций 1996–98 гг. Запомнился такой факт: в Вандзяголе, где уже в XIX в. родным для большинства местных жителей стал польский язык и куда после 1864 г. было подселено много старообрядческих семей, две неграмотные старушки-соседки, знающие друг друга с детства, встречаясь, оживленно беседовали, причем одна всегда говорила только по-польски, а другая — на своем русском диалекте. Других языков они не знали, но и переводчик им не требовался — привыкли понимать речь друг друга, не стремясь говорить на родном языке собеседника.

Этноязыковая ситуация на территории современной Литвы, создававшаяся в результате проведения в жизнь политики русификации, резко изменилась после начала первой мировой войны. С приближением фронта власти начали запугивать местное население ужасами немецкой оккупации, распространяя слухи о том, что немцы сразу же начнут уничтожать всех под-

ряд, особенно русских. Началась паническая эвакуация на восток, люди уходили целыми деревнями и уводили скот, оставляя только стариков присматривать за домами. В настоящее время неизвестны ни инспираторы эвакуации, ни подлинные ее масштабы, но, судя по записанным нами рассказам, абсолютное большинство местного русского населения, а также часть литовского и польского, покинули родные места, спасаясь от приближающегося фронта.

В последующие годы началось стихийное возвращение уехавших. В первую очередь вернулись те, кто не успел уехать далеко, основная масса беженцев, судя по рассказам наших многочисленных информаторов, вернулась после 1917 г., а отдельные семьи, оказавшиеся за Уралом, возвратились даже в начале 30-х гг.

В 60-е гг. началось изучение “русских старожильческих говоров” Прибалтики (наиболее важная литература вопроса, используемая исследователями на тот период, обобщена в работе [Шулене 1963]; об общих результатах диалектологических исследований 1960–70 гг. можно судить по библиографии к монографии [Лёнгрен 1994: 151–168]. Термин “старожильческие” показывал, что исследователи стремились изучить говоры всех старых русских переселенцев, но в результате оказалось, что абсолютное большинство обследованных говоров были именно говорами старообрядцев. Долгое время никто не пытался ответить на вопрос, куда исчезло или почти исчезло православное население, которое, как указывалось выше, к концу XIX в. по численности не уступало старообрядческому. В ходе экспедиций 1996–98 гг., когда удалось побывать практически во всех местах проживания русских старообрядцев и посетить многие деревни, которые на карте, приложенной к книге А. Станкевича, значились как православные, были собраны материалы, которые позволяют дать следующий ответ на этот вопрос: судя по всему, абсолютное большинство православных, переселенных или переселившихся на территорию Литвы (и, видимо, Латвии) после 1864 г., а также их потомков, за редкими исключениями, из эвакуации 1914 г. не вернулись. Это обстоятельство акцентируется и в очерке М. К. Сивицкене [Сивицкене 1997: 154].

Совершенно новая страница в истории старообрядцев Литвы началась после обретения Литвою государственности и оккупации Виленского края предвоенной Польшей. Связано это было с тем, что и в “Ковенской” Литве, и в Вильнюсском крае дети старообрядцев начали посещать начальные литовские и польские школы. Трудно понять теперь, почему местные старообрядцы не объединялись и не требовали открытия русских школ. Вполне возможно, что причины покорности были сугубо политические, поскольку уже тогда все русское стало ассоциироваться с советским.

Так или иначе, но именно посещение государственных школ привело к тому, что начала разрушаться та духовная и психологическая обособленность старообрядцев от окружающего населения, которая позволила им сохраняться как этнической группе более двухсот лет. Старшие жители рассказывают, что уже в годы, предшествовавшие второй мировой войне, в Виленском крае представители молодого поколения, встречаясь друг с другом, стремились говорить по-польски независимо от того, на каком языке они говорили в своих семьях. В Литве русская молодежь стала посещать гулянки в литовских деревнях, и наоборот, молодые литовцы приходили в русские деревни, а языком их общения был литовский, на котором все учились в школе и который, обретя статус государственного, перестал быть языком “мужицким”. Эти знакомства и готовили почву для будущих смешанных браков, которые в среде старообрядцев по традиции строго запрещались. В это же время начинается прямое влияние литовского языка на русскую речь старообрядцев — разумеется, молодых. Сначала были заимствованы названия некоторых новых реалий (в том числе и школьных), затем обычными стали синтаксические и семантические кальки; возможно, что литовское влияние сказалось и на фонетической стороне речи молодого поколения.

Советская власть помогла не только реализовать то, что в принципе уже было возможным, но и многократно усилила тенденции к интеграции, создавая для них благоприятнейшие условия. Атеизм как государственная религия, урбанизация, мелиорация и уничтожение деревень, колхозы и возможность искать работу по всему необъятному Союзу гораздо сильнее отразились на традиционном укладе старообрядческих семей и

гораздо глубже разрушили традиционные духовные ценности старообрядцев, чем литовцев. Молодежь уходила в города, моленные дома ветшали, разрушались и сносились местными властями, целые старообрядческие общины переставали существовать, что общеизвестно. С 60-х гг. практически нормой стали смешанные семьи, и если один из супругов в них был литовцем, дети посещали литовские школы. В городских смешанных семьях, если супруг или супруга были поляками или русскоязычными любой национальности, в семьях продолжал сохраняться русский язык, но это уже был вариант русского койне Литвы. В результате, в настоящее время в Литве можно встретить старообрядцев, с трудом говорящих по-русски, и старообрядцев по происхождению, в своей речи не сохраняющих даже следов говора своих дедушек и бабушек.

В ходе экспедиций 1996–98 гг. стало ясно, что жизнеспособные старообрядческие общины существуют ныне только в городах Литвы. Само по себе это является свидетельством того, что старообрядцы стремятся сохранить себя как особую этно-конфессиональную группу населения Литвы; самые старые люди в этих общинах еще хранят память о своих традиционных духовных ценностях, и что очень интересно, говорят по-русски с тем неповторимым акцентом, который сообщает литературному языку диалектная псковская речь. Никто не берется точно определить число “сознательных” городских старообрядцев в Литве, но судя по количеству активных прихожан и умножая их несколько раз с учетом того, что они представляют семьи, городское старообрядчество Литвы представлено в лучшем случае вряд ли более чем десятком тысяч человек. Так или иначе, они представляют собой только сотую или даже меньшую часть того старообрядческого населения, которое проживало еще в довоенной Литве.

ЛИТЕРАТУРА

- Гошкевич И. И. 1905 — *Виленская губерния. Полный список населенных мест со статистическими данными о каждом поселении*. Вильна.
- Егоров И. И. 1990 — *Старообрядческая Поморская церковь в Литве (Краткий исторический очерк)*. Китеж-Град. № 1. Москва. 4–10.

- Заварина А. А. 1986 — Из истории формирования русского населения в Латвии во второй половине XVIII—начале XIX вв. *Известия АН Латвийской ССР*. № 2 (355). Рига. 70–84.
- Игумен Павел (Прусский) 1871 — *Воспоминания и беседы*. Троицкая Лавра.
- Iwaniec E. — Русские старообрядцы на Мазурских озерах. Вопрос бракосочетания. *Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce, ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie*. Warszawa. <без года изд.>
- Корецкий П. И. 1863 — *О раскольниках в Ковенской губернии. Памятная книжка Ковенской губернии на 1863 г.* Отдел II. 1–45.
- Лёнгрен Т. 1994 — *Лексика русских старообрядческих говоров (на материале, собранном в Латгалии и на Житомирщине)*. Uppsala.
- Лилеев М. И. 1895 — *Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVI–XVIII вв.* Вып. 1. Киев.
- Маркелов Г. В. 1990 — Дегуцкий летописец. *Древлехранилище пушкинского дома. Материалы и исследования*. Ленинград. 166–248.
- Misius K. 1994 — *Apie lietuvių spaudos draudimą ir katalikų dvasininkijos vaidmenį jį įgyvendinant. Lietuvių atgimimo istorijos studijos*. Vilnius.
- Морозова Н., Чекмонас В. 1998 — О понятии и особенностях происхождения традиционного говора старообрядцев Литвы. *Lietuvos sentikiai. Duomenys ir tyrimai: 1996–1997*. Vilnius. 41–61.
- Подмазов А. А. 1998 — *Ранняя федосеевщина в Прибалтике и ее исторические судьбы. Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы*. Москва.
- Поташенко Г. 1998-рукопись — *Старообрядческое федосеевское общество на землях Великого княжества Литовского: 1979–1823*. Вильнюс. <рукопись докторской диссертации>
- Поташенко 1998 — Поташенко Г. Первые старообрядцы в Литве: 1679–1710. *Lietuvos sentikiai. Duomenys ir tyrimai: 1996–1997*. Vilnius. 14–25.
- Сивицкене М. К. 1997 — Из истории русского старожильского населения Литвы. *Slavistica Vilnensis: 1997. Kalbotyra* 46 (2). Vilnius. 153–164.
- Станкевич А. 1909 — Русские поселения Ковенской губернии (с приложением карты и 8-ми фоторафических снимков). *Веленский временник*. Кн. IV. Вильна.
- Старообрядцы Литвы 1998 — *Старообрядцы Литвы. Материалы и исследования: 1996–1997* <*Lietuvos sentikiai. Duomenys ir tyrimai. 1996–1997*> Vilnius.
- Шулене О. 1963 — Материалы для библиографии по русским говорам в Прибалтике. *Kalbotyra VII*. Vilnius. 87–96.

АНГЛИЦИЗМЫ В РУССКОЙ РЕЧИ

В. П. ЩАДНЕВА

То, что язык является не только средством выражения мысли, но и отражением **культурной, духовной** жизни нации, казалось бы, известно всем. Так же как и то, что культура человека начинается с его языка. Однако, как правило, на неразрывную связь языка и культуры обращают внимание лишь специалисты-языковеды. В основном же люди, занятые повседневными заботами, слепо следуют существующей языковой моде и обычно принимают ее без критической оценки. Между тем, как пишет автор прекрасной статьи “Звонкое иноязычие” Н. В. Новикова, для сохранения **самобытности** народа необходимо бережное отношение прежде всего к самому хранителю культуры — языку [Новикова 1995: 74–84]. К сожалению же, наша повседневная речевая практика свидетельствует не о бережном, а, скорее, о равнодушном и даже неуважительном к нему отношении, одним из проявлений которого можно считать (в числе прочего) и увлечение заимствованиями.

Засилье англицизмов (собственно говоря, американизмов) в языке современных газет, журналов, радио, телевидения стало притчей во языцех. К чести современных эстонских печатных изданий на русском языке, надо отметить, что в них заимствования используются более умеренно, чем в российских (естественно, что количество иноязычных слов в публикуемых материалах колеблется в зависимости от специфики газеты, от темы, от жанра, от языковых пристрастий автора). В основном это старая **интернациональная лексика** разнообразной тематики и достаточно устоявшиеся (типа *инвестор*) современные **экзотизмы** терминологического характера, связанные с новы-

ми политическими, социальными и экономическими реалиями.

Что же касается эстонского радио на русском языке (“Радио-4”), то его передачи, особенно музыкальные программы для молодежи, а также рекламу, порой невозможно слушать без боли за русский язык. И дело не только в наличии грубых ошибок: специфическое — не совсем русское, но и не английское — произношение русских слов; нерусская интонация, мелодика речи, которая отличается, с одной стороны, слишком высоким темпом речи со слабым паузированием, а с другой — постановкой логического ударения чуть ли не на каждом слове; и, наконец, слова и даже целые фразы на дурном английском (без перевода) — все это самоуверенным тоном преподносится слушателю как образец речи современного молодого человека, а на самом деле представляет собой не что иное, как **жаргон** дискотек, который активно популяризируется через радиозфир (правда, не только в Эстонии, но и в России). Следует уточнить, что речь, конечно же, не идет обо всех дикторах: на Радио-4 есть грамотные ведущие, обладающие хорошим языковым чутьем и языковым вкусом. Кроме того, есть и отдельные детские программы, которые следует признать удачными и по содержанию, и по языковой форме. Но это скорее исключение, чем правило.

Безмерное употребление англицизмов в СМИ (особенно в электронных), в переводной литературе, которую, хотим мы того или не хотим, читают наши дети, теперь перекинулось и в бытовую сферу: в речи наших подростков (да и в речи молодых людей студенческого возраста) стали обычными даже такие слова, которые, как правило, не заимствуются, в частности, междометия типа “*вау!*”, “*бла-бла-бла!*”, а также английские нецензурные слова (и это при том, что и со своими-то проблема!). Поэтому призывы поставить заслон против проникновения иноязычной лексики, конечно же, не случайны. Многие авторы предлагают, по образцу французской практики, запретительные меры борьбы с этим бесспорно отрицательным языковым явлением. Во Франции, как известно, пытаются бороться за чистоту родного языка на законодательном уровне.

Однако силовые методы вряд ли могут принести желаемый результат, поскольку, как это ни парадоксально, развитие языка всегда сопровождается процессом заимствования иноязычных слов [Скворцов 1980: 132]. И процесс этот вполне естественный, ибо наличие научных, культурных, политических и экономических связей неизбежно приводит к появлению новых реалий и понятий, которые должны быть как-то названы. Сейчас эти реалии и понятия, а вместе с ними и слова, их называющие, “импортируются” из США, что вполне объяснимо. Но сильный натиск английского языка, который испытывают все современные европейские языки (и особенно языки восточной Европы), объясняется не только особой престижностью английского, но и безразличием, а порой и просто презрением к родному языку. Нужны какие-то иные, более гибкие меры борьбы с вредной модой на англицизмы.

Однако прежде чем вырабатывать средства борьбы, необходимо, как представляется, объяснить сам феномен, а значит — уточнить причины появления заимствований и их место в нашей речи. Тот факт, что вместо объяснения мы чаще всего сталкиваемся с выражением отрицательных эмоций, лишь дает повод обвинять всех противников безудержного вторжения заимствований в нашу речь в презренном пуризме, который давно был высмеян в лице известного А. С. Шишкова с его *мок-роступами* вместо *галоси*. Ну а кому же хочется прослыть консерватором!

Итак, роль чужих слов в нашем родном дискурсе разнообразна. При этом обойтись без них мы порой просто не можем. К таким словам, во-первых, относятся **экзотизмы**, передающие реалии чужого быта. Начитанные русские люди и бывалые путешественники используют подобные слова, когда речь идет о жизни другого народа. Но экзотизмы неоднородны по составу. Часть из них так и остается **собственно экзотизмами** типа *сельва*, *сомбреро*, *фанданго*, *чадра*, *сациви*, *перно*, *гривна*, *иена*, *полисмен*, *шериф*, *лорд*, *меджлис*, *бундестаг*. Другая же часть слов — экзотизмов по происхождению — постепенно входит в нашу жизнь, в ряде случаев теряет формальные показатели заимствованных лексем и адаптируется русским языком так, что мы перестаем воспринимать их как нечто инородное. Такие заимствования образуют вторую группу слов, для

которых специального обобщающего термина нет. Имеются в виду лексемы, которые пришли к нам вместе с вещами и уже достаточно давно вошли в наш быт: *латша, изюм, картофель, пельмени, помидор, сельдь, сундук, винт, якорь, карман, колпак, галстук, пальто, базар, кино, клуб, школа, тетрадь, деньги*. Борьба с подобными уже усвоенными **займствованиями** — “**бытовизмами**” совершенно бесполезна, о чем свидетельствует и французский опыт: наличие прежде всего этой группы слов и было взято во Франции на вооружение противниками законодательных мер в языковой политике. Особую группу составляют лексемы, которые условно можно было бы назвать **современными экзотизмами**, поскольку они называют такие элементы чужой жизни, которые очень быстро стали реалиями и нашего быта: *доллар, марка, джин, кока-кола, мафия, мафиози, чипсы, попкорн, памперсы, “марсы”, “сникерсы”* и т.п.

Естественно, что в любом культурном языке наиболее многочисленную группу иноязычных слов составляют распространенные сразу в нескольких языках **интернационализмы**, среди которых особое место занимают **термины**, обозначающие как общекнижные, так и узкоспециальные научные, технические, политические понятия, а также понятия из области экономики, культуры, искусства и спорта: *литература, культура, интеграл, субъект, предикат, демократия, конституция, девальвация, режиссер, симфония, гимнастика* и т.п. Основная масса таких слов до сих пор образуется на базе латинского и греческого языков. Проникновение в русский язык подобной лексики вполне оправданно, так как она облегчает общение между специалистами. Другая часть терминологизированной лексики приходит в живые языки из других живых языков, и приходит как варваризмы, которые со временем могут стать полноправными терминами-интернационализмами, напр.: *грант, спонсор, брокер, дилер, лизинг, инвестор*. Богатую лексику, связанную с компьютерной техникой, уже тоже частично можно считать интернациональной (*компьютер, файл, флоппи, плейер, принтер, джойстик, модем*), другая же ее часть используется нами как варваризмы, которые мы и написать-то предпочтем латиницей (типа: сделай *save as*, посмотри в *help*’-е).

Русский язык пережил период заимствования немецких терминов, затем французских и английских, но то, что происходит сейчас, можно назвать американским потоком. Между прочим, по свидетельству специалистов, американцы испытывают гордость за свой язык и в подавляющем большинстве случаев создают свою терминологию на базе средств своего же родного языка (часто обычных, бытовых слов). Их не смущает возможная омонимия и нежелательные ассоциации: показательно в этом отношении слово *флорпи*: англ. *floorpy* — свободно висящий; ленивый, пассивный (об уме), небрежный (о стиле). Об этом следовало бы помнить тем, кто злоупотребляет англицизмами даже в тех случаях, когда можно дать точный перевод словом, уже давно существующим в родном языке (как русским, так и нерусским по происхождению). Действительно, зачем, скажем, менять слово *мультипликация* на *анимацию*, *экран* на *дисплей*, *авторитет* на *рейтинг*, *спектакль* на *шоу*, *застой* на *стагнацию*, *прозрачный* на *транспарентный*, *продажный* на *корруптированный*, сочетание *встреча в верхах* или *встреча на высшем уровне* на *саммит*? Утверждение о том, что подобные пары различаются по смыслу, в большинстве случаев несостоятельно, как несостоятельно и наивное мнение обывателя о том, что новшества более “изящны” и “изысканны”.

Третья группа заимствованных слов — это попутно уже упоминавшиеся **варваризмы**, т.е. не переведенные с иностранного языка слова и выражения, которые чаще всего передаются латиницей. Эта группа также неоднородна, поскольку имеются и своего рода *узаконенные* варваризмы: а) международные латинские термины (ботанические, зоологические, медицинские) и б) давно принятые книжные слова и словосочетания, которые на письме передаются и в русском, и в иноязычном начертании: *alma mater*, *homo sapiens*, *ergo*, *curriculum vitae*, *terra incognita*; *тет-а-тет*, *тутти-фрутти*, *а ла*, *алиби*. По существу отрицательную роль играют только такие варваризмы, у которых есть точный эквивалент в русском языке: *стикер*, *плюрализм*, *саммит*, *бизнес-скул*, *офис*, *масс-медиа*, *дисплей*, *сингл*, *секонд-хэнд*, *уик-энд*, *хэнд-аут*, *киднэппинг*, *коп*, *рэкетиры*, *ноу проблем*, *фифти-фифти*, *вау!*, *баксы* (кстати, слово жаргонное и в Америке), *гирла* и т.п.

В отличие от экзотизмов варваризмы не характеризуют особые черты жизни другого народа и остаются в русском дискурсе подлинно иностранными вкраплениями. Большую часть “отрицательного языкового материала” (известное выражение Л. В. Щербы), затопившего речь современных СМИ, представляют собой именно такие языковые единицы.

Нашествие варваризмов часто сравнивают с модой, в том числе и на одежду. Но это сравнение верно лишь частично. Дело в том, что одежда служит нам своими материальными свойствами. Джинсы прочны механически и в окраске. Шляпа с большими полями защищает от солнца. Длина юбки имеет свое всем известное значение, но в любом случае длина — явление физическое. Природа же языковых единиц двоякая. В функционировании языка его материал — звуки — оказывается не очень существенным (немотивированность языкового знака по Соссюру). Значение же для языковых единиц — это главное.

Естественно, что в речи живущих в диаспоре носителей русского языка наблюдаются заимствования из языка коренной национальности, в нашем случае — из эстонского. Однако в отличие от англо-американизмов их использование, на наш взгляд, функционально оправданно (речь, конечно же, не идет о молодежном жаргоне и жаргонах носителей субкультуры), поскольку, оставаясь по сути своей варваризмами в русском языке, эстонские заимствования оказываются не данью моде, а способом соблюдения сложившегося в эстонском обществе этикета, и кроме того — способом достижения однозначности и точности, которые не имели бы места при переводе на русский. В основном, это названия государственных учреждений, финансовых институтов, организаций, предприятий, учреждений социальной сферы, улиц, городских районов и разного рода городских реалий: *Рийгикогу* (= Государственное собрание, парламент), *Валитсус* (= правительство), *Миграциониамент* (сокращенное название Департамента гражданства и миграции), *Хойубанк* (= сберегательный банк), *Рээкоя* (= Ратуша), *Таммелинн* (городской район под названием *Тамме*, что буквально переводится как ‘дуб’). В условиях города Тарту, например, значимым оказывается различие названий трех находящихся в центре города универмагов: *Каубамая* (= Дом торговли),

Каубахалл (= Торговый зал), *Хансакескус* (= Ганза-центр). Иными словами, эстонские заимствования экономят речевые усилия и выполняют своего рода информативно-различительную функцию (впрочем, как и английские, шведские, финские названия учреждений, организаций и предприятий), чего нельзя сказать об употреблении большого количества англо-американизмов, которые могут свидетельствовать о принадлежности человека к той или иной субкультуре, как правило, “импортируемой” вместе со словами из США.

Зачем авторы молодежных СМИ и отдельные люди насыщают англо-американизмами свою речь? Они полагают, что использование непереуеенных слов и выражений сближает их тексты с престижным стилем американской типографской и электронной прессы. И в этом они глубоко заблуждаются, так как функциональная сущность варваризмов, если вернуть их в исконную сферу, исчезает. В ней они больше не являются стилистически маркированными вкраплениями в нейтральную речь: в подавляющем большинстве случаев это обычные английские слова из основного словарного запаса. Английский текст мог бы быть похожим на нашу макароническую речь в стиле *m-me* Курдюковой (И. Мятлев) в том случае, если бы включал собственные варваризмы.

И такие образцы английской речи в Новом свете действительно имеют место, например, в Квебеке (Канада) в устах франкофонов или в Нью-Йорке в устах пуэрториканцев. Русские авторы, насыщая свою речь американизмами, добиваются эффекта, обратного желаемому: вместо подражания престижным образцам они добиваются функционального сходства своих текстов с наименее престижными формами английской речи, какие только существуют за океаном. То, что молодые люди не сознают этого, не меняет дела, хотя отчасти и извиняет их.

Характерной чертой современной языковой ситуации выступает ее принципиальная неустойчивость. Путать цели и средства без конца нельзя. Есть, по-видимому, два выхода из кризиса с варваризмами. Один из них заключается в формировании молодежного жаргона на русской языковой основе (сравните опыты художников под коллективным псевдонимом “Митьки” в С.-Петербурге). Другой — это переход на чистый

английский язык. Для читателей, а также слушателей и зрителей молодежных программ второе решение вполне подходит (разумеется, при условии свободного владения английским). Для журналистов — нет. Конкуренции с американской прессой они просто не выдержат. Осознание этих фактов было бы первым шагом на пути преодоления речевого кризиса.

Научный анализ заимствований свидетельствует о том, что четкой границы между названными категориями слов провести нельзя: каждая из перечисленных групп неоднородна по составу и при этом подвижна, поскольку лексемы находятся одновременно и на диахронном, и на синхронном срезе (т.е. и в истории, и в быстротекущей современности). Отсюда вытекает, что однозначно оценивать все заимствования нельзя. Вопрос о заимствованиях — это вопрос не только лингвистический, но и культурологический и даже этический, поскольку одним из постулатов этики является соблюдение чувства меры. Именно последнего нам и не хватает, когда побеждает желание щегольнуть заморским словечком.

Конечно, ни один народ, носитель и творец того или иного языка, не может жить изолированной жизнью, поскольку человеческая речь носит общественный характер. Историческое развитие общества неизбежно влечет за собой и влияние одного языка на другой. Но не уважающие себя люди подвержены воздействию вредной моды в большей степени. Поэтому на практике может помочь только кропотливая и очень терпеливая просветительская работа. Дети должны понимать, что звучное слово *рэкетир* означает *бандит-вымогатель*, а образовано от слова жаргонного, бывшего в ходу у людей, нечистых на руку; что *килер* — *убийца*. Что и многие английские слова с хорошим смыслом тоже не нужны, потому что *пазл* (*puzzle*) — это просто *игрушка-головоломка*, что *лэйбл* — это не нечто особенное, а просто *ярлык* или *этикетка* (тоже заимствованные слова, но чем же они хуже нового? Ведь они еще более звучные, а произнести их легче), что *вау!* ничуть не лучше, чем *ах!* или *ой!*, выражает восторг и удивление, а слово *памперсы*, между прочим, образовано от *пампер* — *баловать, изнеживать*. Очень грустно будет, если мы начнем готовить себе не традиционные *блины*, а *пэнкейки* (от англ. *pancake*). Конечно, такая объяснительная работа должна быть осторож-

ной, ненавязчивой, и свои плоды она может принести только в том случае, если будет проводиться с раннего возраста и всеми людьми, причастными к воспитанию детей, а не только учителями русского языка. В противном случае даже студент-филолог с пренебрежением отбросит точные русские обозначения как слишком обыденные, незвучные и предпочтет им в своих текстах модные заморские термины, за которыми нередко будет скрываться откровенное скудоумие.

ЛИТЕРАТУРА

- Новикова Н. В. 1995 — *Звонкое иноязычие*. Мы сохраним тебя, русская речь! Москва.
- Скворцов Л. И. 1980 — *Теоретические основы культуры речи*. Москва.

II

ЯЗЫК СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛЕКСИКИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ ЭСТОНИИ

С. ЕВСТРАТОВА

Изменения в общественной жизни находят отражение на всех уровнях языка, но больше всего они затрагивают лексику, поскольку “именно в лексике быстрее всего (даже в пределах языка одного и того же поколения) может обнаружиться результат социально-экономической мутации” [Поливанов 1968: 208]. Чем неординарнее события, происходящие в обществе, тем быстрее и заметнее откликается на них лексика.

Материалом нашего исследования послужила лексика газеты. Разумеется, особенности функционирования лексических единиц в наше время не могут быть полностью отождествлены с особенностями языка газеты, но в этой сфере наиболее ярко проявляются языковые процессы, обусловленные процессами социальными. Недаром говорят, что газета живет эмоцией сегодняшнего дня [Костомаров 1971: 104].

Для сбора материала мы использовали издающуюся в Эстонии русскоязычную газету “Вечерние вести” за январь–июнь 1997 г., а также некоторые примеры (для сравнительного анализа газетной лексики) из газет “Вечерний Таллинн” за январь и “Советская Эстония” за январь–февраль 1980 г.

В 90-е гг. со страниц газеты исчез жанр передовой статьи, характерный для прессы 80-х гг. Просматривая газету “Вечерние вести”, мы обнаружили исчезновение жанра отчета; очень редко в сегодняшней газете печатаются фельетоны и памфлеты — их место занимают анекдоты; публикуются астрологические прогнозы, чего не было раньше. Большое место занимают материалы под рубрикой “Общество”, где помещаются рассуждения о перспективах для молодежи, о проблемах пенсионеров. В газете также публикуются обзоры новых достиже-

ний в области компьютерной техники, автомобильной индустрии; печатаются интервью со знаменитыми людьми, репортажи о значительных событиях в нашей жизни. В последнее время появилось больше театральных рецензий, стали публиковаться большие обзоры по страницам эстонской прессы, чего не было в газетах предыдущих лет. Сегодняшние газеты пестрят красочными и броскими рекламными объявлениями на всю страницу; большое место по сравнению с газетами 80-х гг. уделяется письмам читателей, публикующимся под рубрикой “Это твоя страница, читатель”. Очевидно, что перечисленные новшества обусловлены изменением социальной обстановки. Современная газетная публицистика характеризуется принципиальной ориентацией на смешение, совмещение любых единиц языка — именно по этой причине многие языковеды высказывают мнение, что происходит стирание границ между жанрами газеты. Разделяя эту точку зрения, мы не будем в данной работе исследовать функционирование лексики в зависимости от жанра текста, а проанализируем все те материалы, которые объединяются газетной полосой.

Изменения в содержании газеты предполагают использование новых лексических единиц. Каких же? Отвечая на этот вопрос, мы опирались на коллективную монографию “Русский язык конца XX столетия” (Москва 1996).

Прежде всего отметим, какие **семантические** процессы происходят в лексике русскоязычных газет Эстонии. В этом плане в российских и эстонских газетах наблюдается много общего: происходит **деактуализация** значений, отражающих советские реалии; уходят в разряд семантических архаизмов такие слова, как *ударник*, *субботник*, *передовик*, использовавшиеся в 80-е гг. как позитивнооценочные и отражавшие “свой” мир. Обнаруживается освобождение значений многих слов от прежних идеологических смысловых приращений, исчезает разграничение понятий “свой” как положительный и “чужой” как отрицательный. В эстонских газетах, в частности, без идеологических приращений стали использоваться слова *бизнес*, *конкуренция*, *миллионер*, *коммерсант*, *предприниматель*, *частник*, *диссидент*. В то же время и в российской, и в эстонской прессе происходит **политизация** таких слов, как *застой*, *перестройка*, *диалог*, употреблявшихся ранее в контекстах, далеких от политики. Наблюдается **разрушение прежней смысловой корреляции** в политической лексике и воз-

никновение новой: *гражданин* (для эстонских газет), *партия*. Наряду с уходом из употребления многих слов, отражающих советскую действительность, в языке российских и эстонских газет наблюдается **возвращение историзмов и архаизмов**. Е. В. Какорина объясняет это явление установкой “социума на возрождение части духовных традиций, утраченных в ходе истории” [Русский язык 1996: 67]. Лексические историзмы выступают в качестве номинаций новых реалий современной жизни: *лицей, дума, гимназия, уезд* и т.д.

При анализе газетного материала (всего нами было зафиксировано 387 лексем с новым или измененным значением) зарегистрировано 23 **метафоры**, часто использующиеся для реализации экспрессивной функции газеты. Метафора, по словам О. П. Ермаковой [Русский язык 1996: 45], подчеркнута социальна, поскольку она показывает, как картина мира отражается в общественном сознании и какова она, эта картина. Г. Я. Солганик при исследовании формирования газетного словаря выявил, что в 70-е годы метафоризации подвергались в основном слова из области биолого-медицинской, спортивной, военной, юридической, а также из сферы искусства [Солганик 1981: 77–95]. Что становится источником переносного наименования сегодня? Приведем некоторые из зафиксированных нами в эстонских газетах примеров [выражаем благодарность выпускнице Тартуского университета Анне-Ли Пяйв, предоставившей возможность использовать часть примеров, приведенных в ее выпускной работе — С. Е.]:

- 1). *Во избежание рыбной войны. (01.03).* /речь идет о разделе между Латвией и Эстонией водного пространства для ловли рыбы/
- 2). *Запрет на ввоз алкоголя быстро прекратит водочные ралли. (12.02).*
- 3). *“Геологи свалки” (18.04)* /заголовок статьи/

В настоящее время метафоры используются в основном для оценки происходящего в нашей повседневной жизни, напоминающей зачастую театр абсурда.

В 14 случаях нами было зафиксировано употребление **имен собственных в функции нарицательных**, которые используются без явной пейоративности, но с легкой иронией, напр.:

- 1). *На подиум выходят шварцы и сталлоне. (20.02).*
- 2). *Не дал подписать контракт, лишив ее прекрасного клаудиошифферского будущего. (14.03).*
- 3). *Тоотс получил машину с джеймсбондовским номером 007. (08.04).*
- 4). *Чем же занимаются в “Нептуне” новоиспеченные ван-даммы? (02.05).*

Что касается **употребления жаргонной и просторечной лексики**, то в русскоязычной прессе Эстонии, как и в российских газетах, она используется в основном для преобразования экспрессии разговорности в оценочную, причем на нее оказывают большое влияние молодежный сленг и уголовное аргю. Нас не удивляет употребление в газете таких слов, как *тусовка, обувание, разборка, косячок*, зарегистрированных в "Словаре московского аргю" В. С. Елистратова, в словаре "По ту сторону закона" Л. Мильяненкова и в словарных материалах Н. З. Котеловой, но только в газете "Вечерние вести" были отмечены такие словоупотребления как *лоходрон* в значении 'безвкусица', *развлекаловка* от глагола *развлекать*, *прачечная* в значении 'фирма по "отмыванию" денег' и др.:

- 1). *Чуть-чуть не тот цвет теней или помады на моих губах — это будет смотреться лоходроном конкретным.* (14.05).
- 2). *Эстонская политика, как низкая развлекаловка.* (25.05).
- 3). *Вчера в школе полиции специалисты из Франции продолжили обучение офицеров экономической полиции обнаружению таких "прачечных".* (04.06).
- 4). *"Миски" /участницы конкурсов красоты/ — это особый биологический вид, с которым разумный человек просто не общается.* (16.03).
- 5). *Остоюбилеело...* (25.01).
- 6). *Евро-старички /пожилые мужчины из Европы/ отнесли к роскошной блондинке, поначалу принятой ими за секретаршу, именно так, как относятся к секретарше.* (02.02).

В издающихся в Эстонии газетах широко используется **лексика, связанная с названиями учреждений, предприятий, фирм и различных организаций**. Ниже мы приводим названия компаний, учреждений, которые раньше не использовались в газетах, да и не могли использоваться, поскольку до недавнего времени в нашем государстве не было акционерных обществ, фирм, корпораций и аналогичных коммерческих структур. Всего нами было зафиксировано 35 наименований, переданных средствами русского алфавита, 44 наименования на эстонском языке, 8 иноязычных названий как в исконном, так и в русском написании и 4 случая дословного перевода иноязычных наименований предприятий на русский язык. Назовем некоторые из них:

- 1). *Спортивное общество "Пыхья коткас"...* (29.04).
- 2). *Это гимн компании "Гербалайф".* (17.05).
- 3). *В 12 часов пожар был замечен с борта парома "Силья лайн".* (28.05).
- 4). *AS "Mini Lux" продает со склада...* (03.06).
- 5). *AS "Ganselo" оформляет визы в*

Россию. (05.06). 6). Доволен новыми клиентами и “Финнэйр” / Билеты можно приобрести в кассах Finnair. (13.03). 7). “Стокманн” — он везде “Стокманн” / Наш новый адрес..., напротив магазина “Stockmann”. (10.03).

Характерно, что в 80-е гг. все наименования печатались только на русском языке, т.е. передача всех иноязычных названий производилась с помощью практической транскрипции. Целесообразность написания названия фирмы, предприятия на том или ином языке — это отдельная проблема, требующая своего решения.

Что касается **новых слов и выражений**, **пополняющих газетный словарь** (всего нами было обнаружено 82 слова, не зарегистрированных ни в одном из словарей), они закономерно отражают новые реалии и понятия, пришедшие в нашу жизнь: *новые эстонцы, обладатели зеленых паспортов, синий паспорт, эстонские русские, русскоязычные иностранцы, негражданин, зеленые карточки* и т.д. Часто встречаются наименования лиц, мотивированные их принадлежностью к той или иной партии, организации:

1). *Центристы хотят продлить срок договора о найме жилья. (14.02). 2). Второй раз исамаасцы поднимают вопрос о памятнике на Тынисмяги. (20.05). 3). Обвиняется кайтселийтчик Кайдо Кама. (20.03). 4). Селяне и реформисты должны подтвердить свои предложения. (12.06).*

Среди процессов, связанных с пополнением словаря русскоязычной прессы Эстонии, большое место занимает **заимствование иноязычной лексики**. Бум заимствований, расширение сфер использования иноязычных речевых средств наблюдается повсеместно. Мы полностью согласны с мнением Л. П. Крысина, согласно которому “открытая ориентация на Запад в области экономики, политической структуры государства, в областях культуры, спорта и др. послужила главным стимулом широкого употребления иноязычной лексики” [Русский язык 1996: 144]. Преобладающее количество появляющихся в республиканских газетах слов заимствовано из английского языка, совсем немного — из эстонского.

1). *Кому и сколько замасковать. (25.04) /от эст. глагола maksma ‘платить’/ 2). Бэби-бум старых “молодых отцов”. (09.01). 3). Достаточно прийти или позвонить в редакцию и оставить свои координаты нашему бильд-редактору. (07.03). 4). Новый макси-*

маркет находится по адресу... (08.04). 5). *Бодибилдинг от "А" до "Я"*. (01.03). 6). *По утрам Мадонна занимается джоггингом*. (14.05). 7). *Без натяжек — это настоящая cover-girl*. (16.04). 8). *Стиль юбилеев наших киношных и театральных деятелей совершенно не отличается от юбилеев high-класса*. (18.01).

При анализе лексики русскоязычных газет Эстонии обращает на себя внимание такой активный словообразовательный процесс, как **аббревиация**. Возникнув как порождение официально-деловой и научной сфер речи, в российской прессе аббревиация все активнее вовлекается в фонд экспрессивных средств языка. В эстонских же газетах широкое использование аббревиации только увеличивает скорость поступления информации от адресанта к адресату (конечно, если аббревиатура понятна); нами не было зафиксировано ни одного случая употребления сокращений в экспрессивной функции.

1). *РНПЭ /Русская народная партия Эстонии/ внесла предложение...* (08.03). 2). *Отца Алексея ждет нелегкая судьба: замок на дверях храма и бесконечные разборки с лидерами самозванной ЭАПЦ /Эстонская Апостольская Православная Церковь/, полицией и местными властями*. (09.03). 3). *ESC /Estonian Security Center = Эстонский центр по обеспечению безопасности/ предлагает свои услуги*. (17.01). 4). *Система мобильной связи NMT /Nokia Mobiiltelefon/ строится и развивается уже 4 года*. (01.03).

Как мы видим, в целом в функционировании лексики в российской и русскоязычной прессе Эстонии наблюдается много общего: разрушение прежней смысловой корреляции, обилие иноязычных заимствований и просторечных слов и выражений, но при этом язык эстонских газет в целом и "Вечерних вестей" в частности более сдержан, известное выражение З. Кестер-Тома "непечатное стало печатным" не применимо по отношению к изучаемому нами материалу, хотя в общем язык русских газет нашей республики оставляет желать много лучшего. Как в российской, так и в эстонской прессе высока роль оценочных значений, но в русскоязычных газетах Эстонии нет той агрессивности, присущей многим периодическим изданиям России и отмечаемой рядом исследователей: "чрезвычайно высок уровень агрессивности в речевом поведении людей" [Русский язык 1996: 386] во всех сферах общения, и в газетном тексте, что связано с общими деструктивными явлениями в области культуры и нравственности.

В настоящее время необходимо, не избегая “отрицательного языкового материала” (Л. В. Щерба), говорить о плохом состоянии речевой культуры среднего носителя русского языка и делать все возможное, чтобы повысить ее уровень. Преподаватели кафедр отделения русской и славянской филологии Тартуского университета активно участвуют в этом процессе, выступая в передачах цикла “Родной язык”, транслируемых по русскому радио Эстонии, читая лекции учителям-русистам и выступая в школах и гимназиях республики.

Президент Эстонской Республики Л. Мери объявил 1999 г. годом борьбы за чистоту родного языка и пожелал успехов преподавателям эстонского языка как родного. Пожелаем и носителям русского языка сохранить его красоту и богатство.

ЛИТЕРАТУРА

- Костомаров 1971 — Костомаров В. Г. *Русский язык на газетной полосе*. Москва.
- Поливанов 1968 — Поливанов Е. Д. *Статьи по общему языкознанию*. Москва.
- Русский язык 1996 — *Русский язык конца XX столетия*. Москва.
- Солганик 1981 — Солганик Г. Я. *Лексика газеты*. Москва.
- Ферм 1994 — Ферм Л. *Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет)*. Uppsala.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОФИЛИ РУССКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ В РОССИИ И ЛАТВИИ

Н. КЛОЧКО

Все, что имеет следствием воздействие в мировом масштабе на миллионы людей, важно по меньшей мере в психологическом отношении.

С. Цвейг

Смещение акцентов в сторону глобального изучения дискурса, как в целом и вся антропоцентрическая парадигма современной лингвистики, заставляет исследователей обратиться к наблюдениям над “нечеткими структурами” [Дуличенко 1996] языкового сознания.

К такого рода “нечетким структурам” относятся эмоции. По данным межъязыковых исследований, в разных культурах способы актуализации, области доминирования и интенсивность проявления эмоций могут не совпадать. Вопрос о значительных этнических различиях в переживании эмоций широко освещен в научной литературе [Wierzbicka 1992; Вежбицкая 1996; Ортони и др. 1996; Ферм 1997; Averill 1982 и др.]. Менее изученной, но не менее интересной является проблема выявления причин расхождения эмоциональных картин в рамках одной лингво-культурной парадигмы, которые демонстрирует русский политический дискурс — на языковом материке (в России) и на островах (например, язык русской диаспоры в Латвии).

Цель предлагаемой статьи состоит в попытке эксплицировать эмоциональные контуры современных русских полити-

ческих дискурсов в российской и латвийской прессе и выявить причины их несовпадений.

Эмоциональная картина дискурса, как представляется, детерминирована совокупностью факторов социального, психологического и культурного характера. Общий культурный генезис носителей русского языка в России и Латвии позволяет говорить о единой сущностной природе эмоциональных состояний,¹ актуализированных в противопоставленных дискурсах. Высокая степень эмоциональной подвижности, спонтанности и лабильности, обилие категорических моральных осуждений, что является “отголоском моральной и эмоциональной ориентации русской души” [Вежбицкая 1996: 84], составляют основу русской логосферы как на материковой, так и на островной части русского языкового пространства.

Схематическая типология эмоций, доминирующих в российском дискурсе, может быть представлена в диапазоне фундаментальных эмоций [Изард 1980] актуализацией максимумов: беспокойство — тревога — страх — ужас; неудовольствие — раздражение — гнев [Изард 1980]. Эмоциональные состояния беспокойства, страха, вины представляют собой объективный опыт, который стал частью оценочной системы российского общества. Достоверность коллективных эмоций трагически подтверждена жизнью. Наиболее интенсивно, по результатам наблюдений, в российском политическом дискурсе актуализирована “враждебная триада” [Субботин 1999]: гнев, презрение и отвращение. Высокая интенсивность эмоций провоцирует устойчивые поведенческие реакции возмущения, протеста, угрозы, а вектор иронии ориентирован в сторону сарказма, издевки. Проиллюстрируем сказанное:

Не от большого ума нас так заносит! Куда летим?
(Труд: 14.09.1997).

Перед нами пример своеобразного “судейского акта”, общественного приговора, индексируемого эмоциональным состоя-

¹ Мы традиционно придерживаемся наименования “эмоциональное состояние” для обозначения любого компонента системы эмоций, имеющего свой аналог во внешних способах выражения [Витт 1965].

нием моральной усталости, неудовлетворенности, раздражения, собственной вины.

Мы с вами можем теперь приобрести для себя ружье, но пользоваться им имеем право только дома, в тесном семейном кругу (Комс. пр.: 4.02.1997).

В этом примере горькая ирония актуализирована индексами “усталость”, “абсурдность”, “удивление”.

Сегодняшнее политическое варево в гробу мы видели, каким бы флагом этот гроб ни накрылся (Моск. комс.: 8.08.1997).

Наблюдаемые высшие точки оценочного отношения к ситуации, отмеченные элементами триады: презрением, брезгливостью, отвращением, — вызывают реакцию моральной усталости.

Очевидно, что эмоциональные состояния возникают как результат когнитивной оценки ситуации, при этом специфика субъективного отношения к происходящему обусловлена как “социальным опытом индивидуума” [Валуццева и др. 1980: 40], так и степенью витальности ситуации. Наблюдается прямая зависимость: чем выше значимость явления, ситуации для индивидуума или общества в целом, тем сильнее энергетический потенциал при ее речевом воплощении. В российском дискурсе витальной значимостью маркированы предметные поля с рубриками “борьба за власть”, “война в Чечне”, “социальное положение в стране”, “криминальная ситуация”, “состояние экономики”, “внешнеполитический курс” и т.д. Глобальная витальность действительности отражена в российском политическом дискурсе, экспрессивность которого возведена в конструктивный принцип [Костомаров 1994].

Эмоциональный профиль русской прессы в Латвии характеризуется не столь резкими чертами, а амплитуда эмоций в русскоязычном латвийском дискурсе, как показал анализ фактического материала, намного скромнее. Доминирующие эмоциональные состояния в нем могут быть обозначены как “беспокойство — тревога — страх”, “неудовольствие — раздражение”, “презрение — отвращение”. Очевидно совпадение оценочной компоненты эмоций в сопоставляемых дискурсах. Однако существенное различие наблюдается в степени интенсивности эмоций и, как результат, на уровне иллокуции (домини-

рование типов поведенческих реакций “пассивное осуждение”, “упрек”, “сожаление”, “ирония”).

При совпадении основных эмоциональных контуров российского и русского латвийского дискурсов в рамках общих предметных полей (“социальное положение”, “состояние экономики”, “борьба за власть”), наблюдаются и области эмоциональной дисперсии. Резкий тон российских газет по поводу приближения НАТО к границам государства, как и само отношение к Северо-Атлантическому альянсу, контрастирует со сдержанностью русской латвийской прессы. Причинами такого диссонанса является нетождественность политических приоритетов двух государств, во-первых, и разное отношение к вхождению России и Латвии в евроструктуры, во-вторых. Если в России этот вопрос задается мотивом выбора, то для Латвии он актуализирован как необходимость с соответствующей поведенческой реакцией пассивного ожидания:

Мы не войдем в НАТО. Если нас туда не возьмут (Панорама Латвии: 11.04.1998).

Несовпадение эмоциональных контуров русских политических дискурсов в латвийских и российских печатных изданиях можно наблюдать даже при рассмотрении однопорядковых явлений, по отношению к которым не наблюдается противоречий. Речь идет о состоянии русского языка в Латвии. Обратимся к примерам:

Надо помнить, что в России некогда было официально принято по-русски “Янисов” писать “Иванами” и т.д. Формально это вполне “в соответствии с русским правописанием и традициями”. Или же это разрешено только на госязыке? (Час: 21.09.1998)

Говорят, что русские дети должны изучать историю на государственном языке, а там находим “Яниса Бриесмигского” и “Петериса Лиелайса”... Не уверен, что дети догадаются, что это Иван Грозный и Петр Великий... Полагаю, что вскоре латвийские русские с трудом начнут объясняться с русскими российскими (Час: 27.09.1998).

Новый закон о языке еще только собираются принять, а “ягодки” языкового беспредела уже видны. То имена и фамилии переделают до неузнавания “в соответствии с правописанием ла-

тышского языка”, то подстраиваются под “западные стандарты” (Панорама Латвии: 27.08.1998).

Если на предстоящих осенних выборах в Сейм у национал-радикалов будет подавляющее большинство, они постараются затянуть удавку из законных и подзаконных актов на шею “этих русских” (Ком. пр.: 13.03.1998).

В своем неудержимом кощунстве я осмелюсь предположить, что дураки будут и в том случае, если вдруг страна достигнет пика этнической стерильности и на русском языке будет не услышать не только всех сопутствующих прилагательных, но и самого слова “мама” (Ком. пр.: 20.12.1998).

Разумеется, что приведенные примеры не отражают всего диапазона эмоций ни в латвийской (первые три примера), ни в российской прессе (последние два примера) на тему о языке, однако дают представление об общем тоне публикаций. Заметим, что если для российских mass media это вопрос периферийный (последствия кризиса после распада СССР), то для русской прессы в Латвии — это одна из самых “эмоциогенных” проблем, центр русских болевых ощущений. Тем не менее “температурный фон” российского дискурса заметно резче за счет включения оценочно и эмотивно насыщенных единиц (в том числе и детерминаторов “этих”, “самого” в качестве интенсификаторов выразительности).

Таким образом, русский латвийский дискурс отражает специфику его социальной детерминированности. Выявленное несовпадение болевых областей в сопоставляемых дискурсах, вероятно, определяет и несовпадения интенсивности болевых ощущений, актуализированных в них.

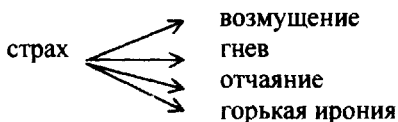
Проиллюстрируем векторное смещение эмоциональных результирующих в сопоставляемых дискурсах на примере трансформаций эмоциональных состояний, связанных с детерминантой “страх”.

Российский дискурс:

Ночевала тучка с радиацией? (Вечерний Челябинск: 08.1997)

Когнитивная расшифровка ситуации может быть выражена следующим образом: радиация угрожает жизни; угроза рождает страх; страх предполагает бегство; бегство невозможно; отсутствие выхода вызывает возмущение / гнев — ведь кто-то в этом виноват?! — и отчаяние. Аллюзивный контекст высказы-

вания формирует дополнительный эмоциональный аспект — горькую иронию. Покажем корреляцию эмоций и поведенческих реакций схематически:

Фактический материал латвийской прессы также иллюстрирует устойчивость подобной эмоциональной связи.

Латвийский дискурс:

Нищета всегда страшна. Добавка к пенсии на десять сантимов лишь оттянет смерть на полбатона белого хлеба (Диена: 15.12.1998).

В российском дискурсе, однако, значительно более частотны другие корреляции, например: страх↔угроза; страх↔возмущение; страх↔гнев:

Вооруженные переговоры с Масхадовым — только цветочки, ягодки будут покруче и скоро! (Независимая газ.: 21.10.1998)

Мы и сами догадывались, да тут еще и Пироговский съезд врачей подтвердил фактами, что российский народ стал умирать быстрыми темпами, как раньше выполняли пятилетку: досрочно, за четыре, за три года (МК: 25.06.1997).

Основная поведенческая реакция на страх — возмущение — подкреплена актуализацией в языковом сознании прецедентных лозунгов. Схематическая связь коррелятов такова:

На примерах высказываний, в когнитивной структуре которых актуализирован концепт страха, обнаруживается заметное расхождение в интенсивном оформлении эмоций в исследуемых дискурсах: свободное и иллокутивно более насыщенное в российском дискурсе и типизированное и иллокутивно обедненное в латвийском. Как было показано, высокая степень интенсивности эмоций в русском политическом дискурсе часто придает общему эмоциональному содержанию характер речевой агрессии. В этом смысле менее мощные амплитуды эмоций в русском латвийском дискурсе, как представляется, выполняют роль регуляторов эмоциональной стихии. В этой связи хотелось бы остановиться на моменте тонкой психологической ба-

лансировки русского языкового сознания на грани: это допустимо в условиях общего эмоционального уровня латвийских mass media, а это — нет. Другими словами, весьма заманчива перспектива обозначить механизмы эмоциональной регуляции, действующие в русском островном языковом пространстве. Очевидно, конкретная эмоциональная картина ситуации в латвийском дискурсе детерминирована не только импульсивной естественной эмоциональной реакцией, но и некоторыми имплицитными, действующими на уровне подсознания сдерживающими механизмами.

Остановимся подробнее на том, что определяет параметры русского политического дискурса Латвии.

Анализ русскоязычной прессы позволил выявить те особые концепты, которые сформировались в языковом сознании людей и нашли отражение в языке русской диаспоры. “Область их определения” задана социально-политическим статусом русскоязычного населения Латвии, с одной стороны, и осознанием его культурной принадлежности, с другой.

Теперешнее состояние нестабильности, политической, экономической, социальной, наложение на это дискриминационных моментов (политическое неравенство, националистические пристрастия и т.д.) — все это стало явной и острой проблемой русскоязычного населения Латвии.

“Двойственный” характер русской психики — “генный” нравственный радикализм и терпение — образуют, на наш взгляд, особую систему координат, в которой формируется эмоциональное состояние русской общины Латвии. Положение между двух огней, когда вопрос “с кем” и “против кого” обострен до предела и часто входит в противоречие с официальной государственной политикой, — ситуация, безусловно, болезненная для русских. И если ответ на первую часть вопроса (“с кем” — с Западом) ими как-то принимается, то вторая часть (“против кого”), решенная в официальном ключе, вызывает стойкое отторжение в сознании представителей русской диаспоры.

Состояние психологического дискомфорта, внутренний конфликт сознания формируют комплексы тревожности, депрессии, выражающиеся в доминанте неволативных дейст-

вий, актуализированных в дискурсе как эксплицитно, так и имплицитно. Напр.:

Нас еще долго будет корезжить от резкого “оккупант” (Диена: 9.07.1997); И мы, и дети наши еще натерпимся от языкового беспредела. Всем хватит! (Час: 20.07.1996); Жизнь людей стала заложницей амбициозных политиков, до сих пор блуждающих в потемках национальных суверенитетов (Панорама Латвии: 16.10.1997); Вступив в Евросоюз, мы отдадимся на волю решений Брюсселя (Диена: 9.05.1998).

А. Вежбицкая отметила в славянском языковом сознании актуализацию когнитивно-культурного концепта “судьбы” [Wierzbicka 1992], “непреднамеренности” событий, однако в латвийской русскоязычной прессе он коррелирует с индексами “усталость”, “неудовлетворенность” (на оси оценочности) и с индексами “осуждение”, “сожаление”, “неодобрение”, “ирония” (на оси интенсивности):

Осталось только порадоваться за самих себя — вервольфовичи и у нас откроют “школы юных скандалистов” (Час: 10.1997); Что поделаешь — в любой партии низшее звено политических активистов, как правило, с головой не дружит, но очень часто мы зависим именно от их головы (СМ: 10.1997); Каждый раз, встречаясь с человекоподобными чиновниками, мы боимся быть раздавленными и уничтоженными (СМ: 08.1997); Неизбывен чиновничий люд: он всегда и везде вершит наши судьбы (СМ: 08.1997).

В российском дискурсе актуализация концепта “судьба” влечет за собой иную векторную направленность, чаще всего реализованную когнитивной формулой “страх → моральная усталость, опустошенность, отчаяние”. Т.е. в российской логосфере фатализм “глобальней”, как бы управляем извне некоей мощной силой. Он накладывает отпечаток не только на сферу ощущений, но и на сферу действий, это своего рода “иллокутивный фатализм”, за которым стоит отчаяние и предначертанность жертвенности.

Радияция на поверхности четвертого энергоблока 800 рентген в минуту — норма 10-12 микрорентген в час! — надо срочно что-то делать. — Делаем. Срочно. Уже 11 лет (Неделя: 08.1997); Мы опухли от сна... Все продано... Душу другую надо втиснуть в нас (Дуэль: 10.1997).

Подведем итог сказанному. Мы попытались показать, что наблюдения над эмоциональным диапазоном современных политических дискурсов дают богатый материал не только для межкузыковых сопоставлений, но являются чрезвычайно интересными и в рамках одной лингвокультурной парадигмы.

При очевидной близости генетически однородных, но находящихся в разных этносоциально-культурных средах русских дискурсов следует говорить о разнице их эмоциональных температур: значительно более высокой в российском дискурсе и пониженной в латвийском. Русские политические дискурсы на языковом материке и островах могут демонстрировать разные эмоциональные реализации. Несовпадение социально-детерминированных “болевых” точек дискурсного пространства влечет за собой изменение параметра эмоциональной интенсивности как в случае тождественной смысловой ситуации (индексация страха), так и в случае проявления эмоциональной рефлексии (актуализация концепта “судьба”).

Причины эмоциональной дисперсии восходят к культурно-социальной детерминированности русских логосфер.

Оторванность русскоязычного населения Балтии от языкового материка, некоторая “отчужденность” русской культуры в Латвии, длительное взаимодействие православной, диалогической по типу, открытой культуры и католическо-протестантской культуры монологического закрытого типа, особые геополитические условия Латвии — все эти факторы наложили специфический отпечаток на характер русского дискурса, его семантический и эмоциональный рисунок.

Для уточнения картины эмоциональных состояний, представленных коррелирующими дискурсами, необходимо когнитивно-ориентированное изучение культурно-специфических форм коммуникации. Дальнейшее исследование материала в аспектах *ratio* и *emotio* открывает путь не только к исследованию структур индивидуального сознания, но и позволяет делать обобщения на уровне этнофилософских проблем.

ЛИТЕРАТУРА

- Валуйцева И. И., Майорова Г. В., Мартынова О. В. 1980 — Проблемы исследования эмоциональной речи. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. № 4.
- Вежбицкая А. 1996 — *Язык. Культура. Познание*. Москва.
- Витт Т. Н. 1965 — Информация об эмоциональных состояниях в речевой интонации. *Вопросы психологии*. № 3.
- Дуличенко А. Д. 1996 — Доклад на международной конференции “Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы”. *Вопросы языкознания*. № 2. С. 9.
- Изард К. 1980 — *Эмоции человека*. Москва.
- Костомаров В. Г. 1994 — *Языковой вкус эпохи*. Москва.
- Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А. 1996 — Когнитивная структура эмоций. *Язык и интеллект*. Москва. 304–385.
- Субботин В. Е. 1999 — Мотивация и эмоции. *Современная психология*. Москва.
- Ферм Л. 1997 — Ångest в русском языке. *Slovo*. № 45. Uppsala. 5–38.
- Averill G.R. 1982 — *Anger and aggression: An essay on emotion*. New York: Springer-Verlag.
- Wierzbicka A. 1992 — *Semantics. Culture and Cognition. Human Concepts in Culture — Specific Configurations*. Oxford.

НЕКОТОРЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КРАТКИХ НОВОСТЕЙ В РУССКОЙ ПРЕССЕ ЛИТВЫ

Е. М. КОНИЦКАЯ

Краткие газетные новости представляют собой особый тип языкового употребления (особый тип текстов) [Ван Дейк: 112], то есть обладают собственной структурной организацией, специальными целями и задачами. Газетные сообщения, согласно жестким ограничениям, накладываемым профессиональной практикой, составом сотрудников, предельными сроками подачи материала и требованиями информативности, как правило организованы по заданной схеме. Краткие новости, небольшие по объему тексты, обычно являются суммированием информации о некотором событии и подаются по возможности объективно, безоценочно. Поэтому в организации кратких новостей особую важность приобретает соблюдение следующих принципов: 1) стандартная схема построения; 2) наличие логических связей и последовательности внутри текста и, следовательно, 3) прозрачность синтаксических структур; 4) отсутствие экспрессивно-стилистической окраски.

Между тем эти требования не всегда соблюдаются в русскоязычной прессе Литвы. В статье делается попытка представить несколько наиболее типичных случаев отклонений в синтаксическом строе кратких новостей на русском языке в пресс-

се Литвы.¹ Материалом послужило около ста сообщений с 1–2 страниц газеты “Эхо Литвы” о политической, экономической и культурной жизни страны.

Для определения стандартной схемы “русских кратких новостей” как эталона для сравнения было проанализировано около 30 текстов из газеты “Известия” (сентябрь–ноябрь 1998 г.). Получены следующие результаты: 1) сообщения представляют собой текст из 3–8 предложений. Средний объем текста — 4–5 предложений; 2) длина предложения варьируется от 4 до 24–26 слов; 3) предложение в тексте сообщений может быть сложным, распространенным, но при этом обычно с прозрачной, незагроможденной структурой. Предложения с подчинением и сочинением строятся по правилам русского синтаксиса с соблюдением синтаксических позиций частей речи / членов предложения (с препозицией определения-прилагательного к определяемому существительному, контактной постпозицией объекта к предикату и др.), согласно общим правилам порядка слов нейтральной русской речи, см. [Ковтунова 1976; Сиротинина 1965]; 5) есть предпочтения в расстановке детерминантов: при наличии двух детерминантов с обстоятельственным значением обычно на первом месте стоит обстоятельство времени, а за ним — обстоятельство места (*На днях в Россию прибыла очередная партия грузов и под.*).

Краткие новости русской прессы Литвы отличаются от новостей России по общим параметрам. Они включают от 4 до 14–15 предложений; количество слов в предложении может доходить до 38–46 слов. Структура предложения часто усложняется за счет вводных и придаточных предложений, полупре-

¹ Причин отклонений может быть несколько: во-первых, интерферирующее воздействие литовского языка (новости часто переводятся в кратчайшие сроки с литовских сообщений), во-вторых, возможно, что некоторые синтаксические особенности представляют собой черты русской речи жителей Литвы, поскольку в ней существуют свои варианты на разных уровнях языка, см., напр. [Синочкина 1990]. Мы не ставим перед собой задачи определения причин появления синтаксических особенностей, о которых идет речь ниже.

дикативных конструкций и распространенных однородных членов предложения:

В. Станев разъяснил журналистам, что его прибытие не связано с поставкой российской нефти в Литву — возглавляемая им делегация прибыла по приглашению Министерства хозяйства и "Мажейкю нафты", чтобы ознакомиться с планируемой реорганизацией предприятий и всего нефтекомплекса страны, планами "Мажейкю нафта" и участием в них в будущем России (28.10); По словам общественного защитника, информируя Председателя Сейма В. Ландсбяргиса, прокуратура исказила содержание заявления руководителя компании "Дега" К. Киши Департаменту государственной безопасности (ДГБ): она лживо указывала, что А. Буткявичюс обещал замять уголовное дело о причинении имущественного ущерба американской корпорации "Мобил", прося заранее 300 тыс. долларов США для оплаты услуг работников правоохранительных органов Литвы (9.09).

Подача информации одним предложением, части которого связаны довольно сложными обстоятельственными, объективными и атрибутивными значениями, трудна для восприятия, и такие синтаксические единства требуют структурного преобразования.

Особенности синтаксического строя русских новостей Литвы весьма разнообразны. Некоторые из них связаны с характером однородных членов предложения, ср.:

*Отвлечение внимания от основных вещей — **старый метод** казэбэшников и **часто используется** для создания впечатления², сказал К. Педнича, по убеждению которого таким путем можно воздействовать только на людей, не знающих сути дела (9.09),*

и с неоправданным нагромождением распространенных однородных членов в начале сообщения:

С последними достижениями в области новейшей медицины, новейшими фармацевтическими препаратами, стоматоло-

² Поскольку целью является определение синтаксических особенностей, отклонения лексического, семантического и др. характера остаются вне поля зрения.

гическим оборудованием, лабораторными приборами можно ознакомиться на открывшейся вчера в Вильнюсе на Литэкспо VI международной специализированной выставке "Baltmedica'98" (23.09).

Недоразумения могут появиться в связи с возможностью отнесения одного зависимого члена предложения к двум однородным членам предложения:

С Европейским союзом мы намерены договариваться об аннулировании оставшихся квот на экспорт литовских товаров и других временных мер, если финансовый кризис и рыночные потрясения в соседней стране затянутся на длительное время (3.09).

Иногда возникают проблемы в употреблении двойных предложений, когда используется первый член двойного предложения, а второй опускается:

... формы участия России в нефтяных проектах Литвы могут быть разнообразными — от приобретения части собственности, торговых партнерских связей и т.д. (28.10).

Особые сложности связаны с порядком слов в предложении. Как известно, порядок слов в русском языке зависит от двух факторов: синтаксической организации предложения и актуального членения. В синтагматически независимых высказываниях актуальное членение совпадает с синтаксическим и в общем виде представляет схему: детерминант — группа подлежащего — группа сказуемого. На порядок слов влияет наличие экспрессивности (эмоциональной окраски), ведущее к изменению актуального членения. Поскольку объектом анализа выступают краткие новости, по определению нейтральные, предполагаем, что порядок слов, в результате которого появляется такая окраска, является неоправданным.

Изменение стандартного для русского строя порядка слов представлено в русских новостях Литвы при перемещении группы сказуемого в препозицию к группе подлежащего, что может сопровождаться разъединением синтаксически связанной группы сказуемого:

... призывая политиков надлежащим образом оценить последствия для экономики страны и населения, если под нажимом Евро-

пейского союза будет послушно закрыта атомная станция раньше окончания срока ее эксплуатации (3.09).

Особенно часто в кратких новостях Литвы встречаются отклонения, связанные с положением детерминанта. В нейтральной русской речи действует правило, по которому в синтагматически независимых высказываниях детерминант — словоформа с субъектно-объектным или обстоятельственным значением, относящаяся к предикативной группе в целом — выносится в начало предложения. Если такая словоформа выступает в качестве ремы, она может быть в конце предложения, а если она входит в группу сказуемого, то может быть в контактной позиции с глаголом.

В кратких новостях русской прессы Литвы это правило действует не всегда и детерминант оказывается не в начале:

Президент Эстонии вчера поздравил Валдаса Адамкуса с победой на президентских выборах в Литве. После краткой беседы ... приступили к обсуждению в вильнюсской гостинице "Виллон" с представителями Литвы и "Williams" перспектив сотрудничества (28.10).

В такой позиции встречаются детерминанты с разными обстоятельственными значениями:

Кондитерская фабрика Kraft Jakobs Suchard — Lietuva в августе прекратила экспорт в Россию (9.09); Бывший директор ИАЭС по персоналу решением Вильнюсского окружного суда был признан виновным в подделке подписи на официальном документе (26.09); Прогнозируется, что средняя пенсия по старости неработающего пенсионера в связи с ростом среднемесячных страховых доходов увеличится в среднем на 5,1 лт. (27.10).

Такое положение детерминанта может быть оправдано, если предполагать стремление подчеркнуть подлежащее в качестве темы. Однако во многих других случаях это невозможно:

Совет по результатам 3-го квартала утвердил с 1.11 среднемесячные страховые доходы — 858 литов (27.10).

Если исходить из положения обстоятельственного словосочетания в предложении, его можно рассматривать как определение к слову *совет*, что было бы с точки зрения смысла заведомо неверно.

Обратное явление — вынесение на первое место (на место детерминанта) обстоятельства из группы сказуемого — также встречается:

Директор агентства "Домус оптимус" А. Зимницкий сказал, что за лето квартиры в Литве подорожали в среднем на 5% (3.09); Профсоюз работников образования подсчитал, что за 4 года средства, выделяемые из госбюджета на охрану края, возросли на несколько сот процентов, а на образование — только на 6% (1.09).

Особые трудности вызывает расстановка ряда словформ с различными обстоятельственными значениями, за которыми в нейтральной русской речи закреплено определенное место. Так, обороты, вводимые словами '*по сравнению*', обычно находятся в начале предложения, а между тем в кратких новостях Литвы читаем:

За 9 месяцев с.г. по сравнению с соответствующим периодом прошлого года акцизные поступления за ликеро-водочные изделия уменьшились на 10%, или на 25,9 млн. лт. (29.10).

Особенностью синтаксического строя русских новостей Литвы является разрыв группы детерминанта. Такое разъединение является нормой при актуализации части детерминантной группы, что не представляется оправданным, напр., в следующем случае:

В ближайшее время городским властям будет представлено на обсуждение предложение о повышении с 1 января 1999 г. на 30 % стоимости проезда в автобусах и троллейбусах столицы (28.10),

где, кроме нарушений позиции детерминанта, наблюдаются отклонения в актуальном членении.

Логически правильное построение нейтральной литературной речи требует, чтобы тема (исходный пункт высказывания) находилась в начале, а рема, сообщающая нечто о теме и содержащая новое, — в конце предложения. Несоблюдение этого правила ведет к нарушению последовательности изложения или появлению экспрессивной окраски. В русских новостях Литвы рема часто перемещается из позиции конца предложения:

К. Платялис сказал, что министерство может **очень скоро** представить такой документ, так как он уже готов (3.09); Если условия бизнеса в Литве будут **выгодны** для Лукойла, то компания может приобрести 32% акций литовского нефтяного концерна (28.10).

По нашим наблюдениям, такие ошибки широко распространены в русской прессе Литвы, а между тем эта позиция является особенно существенной в новостях, суть которых — сообщение о новом, актуальном. Ср. ряд примеров, в которых рема перенесена с последнего места:

Промышленники согласны с мнением экспертов, что **нельзя медлить** с принятием стратегически важных решений о возможном строительстве нового блока и закрытии ныне действующих (3.09); Генеральный прокурор *К. Педнича* считает **абсурдной** просьбу общественного защитника *А. Буткявичюса* о снятии с парламентария меры пресечения в виде заключения и принесении ему извинений (9.09); Вопросы транзита согласованы, у обеих сторон **нет претензий** по этому поводу (23.10).

В ряде случаев рема перемещается в начало предложения, что тем более связано с появлением эмоциональной (экспрессивной) окраски:

По его словам, **сами предприятия** должны стараться не понести убытков, но правительство должно помочь сформировать новые экономические тенденции, которые помогут экспортерам уменьшить потери (3.09); **Правильно** повели себя банки, которые этого не сделали, утверждает в своем обращении *В. Ландсбяргис* (1.09).

Такое построение может быть оправдано, пожалуй, в устной речи, где средством актуального членения выступает интонация. В письменной речи свободное обращение с ремой чревато опасностью создания невнятности и нелогичности сообщения.

Нередко ошибочной с точки зрения принятого в русском языке порядка слов бывает позиция некоторых частей речи. Так, наречие с качественно-характеризующим значением, не служащее ремой, находится в препозиции к глаголу. В местных новостях можно встретить иное положение наречия:

А. Буткявичюс обещал замять уголовное дело о причинении имущественного ущерба американской корпорации “Мобил”, прося заранее 300 тыс. долларов США для оплаты услуг работников правоохранительных органов Литвы (9.09).

Нарушение положения наречия в предложении также может стать причиной двусмысленности, ср.:

Он не характеризовал конкретно предложения российских обществ (28.10).

Противоположная ситуация возникает тогда, когда наречие, являясь частью составного глагольного сказуемого, стоит в постпозиции к связке. В русских новостях Литвы это правило тоже может нарушаться:

В таком случае не понадобится проводить оценку дорогостоящего имущества и предприятиям легче будет получить средства в долг для расчетов (29.10).

Нарушения возникают также в расстановке причастных оборотов, ср.:

Политический скандал вызвала статья “Диагноз” от 26 августа три раза в неделю издаваемой газеты “Летувос жинес”, в которой утверждается, что “Президент Валдас Адамкус тяжело болен”... (28.08).

Отмечены также особенности в расстановке членов предложения. В русском языке, если прямое дополнение не выступает в качестве ремы, то оно находится в контактном положении к глаголу, причем обычно в постпозиции. Случаи препозиции прямого дополнения в письменной речи очень редки и возможны, если объект выступает в абсолютной препозиции как данное / исходное [Сиротинина: 40], ср.:

Народное собрание Дагестана приняло закон “О референдуме в республике Дагестан”.

Изменение такого порядка слов возможно в случае появления обстоятельства места при глаголах, семантика которых включает такую возможность:

Заместитель прокурора РФ Владимир Устинов и прокурор Калмыкии Юрий Джапов направили в Верховный суд республики заявление о признании итогов парламентских выборов недействительными.

В местных новостях встречается препозиция прямого дополнения, не предусмотренная правилами русской речи:

Бывший лидер компартии Литвы М. Бурокаявичюс инкриминируемые ему открытые призывы к насильственному нарушению суверенитета Литвы назвал продолжением сфабрикованной Генеральной прокуратурой фальшивки (28.10).

То же можно сказать и о ситуациях, когда в препозиции выступают обстоятельства разного типа, выраженные существительным с предлогом (в том числе и с зависимыми словами), которые связаны с глаголом синтаксической связью:

В нынешнем году за учебу планируется собрать около 42 млн. лт. (24.10); Через год-полтора в обороте должен появиться банкнот достоинством 1000 литов с новым дизайном и лучшего качества (26.09); Сбербанк Литвы в понедельник продал 426 тыс. долларов США, в то время как до кризиса в России в день обычно продавали 100–120 тыс. долларов (3.09).

Такой разрыв связи между субъектом и предикатом весьма частотен в русской прессе Литвы и представляет собой одну из характерных черт ее синтаксиса.

Другого рода разрыв синтаксической связанности — нарушение целостности предикативной группы, состоящей из модального глагола и инфинитива:

К. Педчина хотел бы всем критикам прокуратуры напомнить, что при оценках процесса А. Буткаявичюса почему-то постоянно дело сводится ко второстепенным обстоятельствам, в обход того существенного факта, что “деньги все же находились в кармане А. Буткаявичюса” (9.09); Этой осенью компания не сможет, как планировалось раньше, дать работу 200 работникам (9.09).

Дистантное расположение синтаксически связанных слов во многих случаях неоправданно, ср.:

Г. Вагнорюс сказал, что финансовый кризис в России на Литву в ближайшее время не повлияет (28.08).

Некорректное размещение слов нарушает логическое строение речи и приводит к двусмысленности, затрудняющей понимание:

Иногда и оппозиция должна научиться радоваться некоторым достижениям государства (29.10).

Непонятно, что имеется в виду: 1) *иногда научиться* или 2) *иногда радоваться*. Видимо, предполагается второй вариант, но принять его мешает положение наречия в позиции детерминанта. Двусмысленность возникает и в предложении:

В результате кризиса в этой стране в первую очередь могут пострадать меховые, трикотажные, ткацкие предприятия (9.09),

так как положение группы *в первую очередь* в препозиции заставляет ожидать продолжения ряда однородных сказуемых. Ср. еще:

Сбербанк Литвы продолжает прием заявлений граждан о свободном распоряжении восстановленными вкладами с 16.10 с.г. (27.10),

здесь сомнения возникают из-за позиции обстоятельства времени: имеется в виду возможность подачи заявления с 16 октября или же возможность свободного распоряжения вкладами с того же времени?

В некоторых случаях в предложениях встречается целый ряд нарушений синтаксического порядка, что создает впечатление неорганизованности и отсутствия связей в предложении, ср.:

Господин В. Ландсбяргис также полагает, что стремление правительства компенсировать из-за удвоенных Россией таможенных налогов потери литовских производителей и предпринимателей не должны быть воспринимаемы как поощрение идти путем еще большего риска неплатежей (1.09); Стоимость 1 квадратного метра жилья в новом строящемся кирпичном или смешанной конструкции многоквартирном доме — 1609 лт. (29.10); Пробирование и клеймение золотых ювелирных изделий из золота, изготавливаемых серийно, будет стоить 0,70 лита за штуку, для импортируемых изделий из золота — 2,15 лита, а по просьбе физических лиц — 3, 25 лита за штуку (9.09).

Синтаксическое строение является важным элементом в структуре передачи информации. Отсутствие навыков правильной синтаксической организации речи напрямую связано с недостаточностью как в передаче, так и в восприятии жиз-

ненно необходимой информации, что является содержанием кратких новостей. Определение “болевых точек” в синтаксисе средств массовой информации представляется важным для их преодоления, так как неточности, возникающие при языковом выражении информации, ведут к невнятности и невыраженности внешнего мира, к алогичности и затемненности связей вещей и событий, что, несомненно, затрудняет и без того нелегкое положение человека в сегодняшнем мире информации.

ЛИТЕРАТУРА

- Ван Дейк Т. Ф. 1989 — *Язык. Познание. Коммуникация*. Москва.
- Синочкина Б. М. 1990 — Литовская топонимика и грамматические нормы русского языка. *Kalbotyra. Языкознание*. № 41 (2). Вильнюс.
- Ковтунова И. И. 1976 — *Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения*. Москва.
- Сиротинина О. Б. 1965 — *Порядок слов в русском языке*. Саратов.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКОММУНИКАТИВНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПОРЯДКА СЛОВ (На материале русской прессы Эстонии)

Е. КОСТАНДИ

Функциональная направленность порядка слов в русском языке проявляется, как известно, прежде всего в том, что как одно из основных средств актуального членения порядок слов участвует в тема-рематическом членении отдельных предложений, соединении их при линейном развертывании текста и формировании целого связного текста. Непосредственные коммуникативные условия (целевая установка, признаки автора и адресата, наличие общих для участников коммуникации фоновых знаний и т.д.), разумеется, являются основой актуального членения, влияют на использование средств актуального членения, в частности порядка слов. Существование типовых коммуникативных ситуаций способствует формированию типов текстов, в каждом из которых функции порядка слов определенным образом трансформируются.

Язык средств массовой коммуникации в силу условий его функционирования оперативно реагирует на изменение не только конкретной коммуникативной ситуации, но и более широкого набора социальных параметров, например, таких, как характер массовой аудитории, политические условия, наличие в данном сообществе профессиональных журналистов, уровень их подготовки, особенности языковой ситуации и целый ряд других. Разнообразные коммуникативно-социальные факторы находят отражение в особенностях актуального членения, в использовании средств актуального членения: поряд-

ка слов, частиц, вводных слов, осложняющих элементов и т.д. Как свидетельствует анализ материала [Костанди 1996, 1999], русская пресса Эстонии и, соответственно, ее язык по ряду признаков занимают промежуточное положение между российской прессой и эстонской, что, на наш взгляд, и обусловлено особенностями социальной, языковой и коммуникативной [Барнет 1987] ситуаций. В наибольшей степени “местные” языковые особенности проявляются на лексическом и синтаксическом уровнях, наиболее оперативно реагирующих на влияние экстралингвистических факторов. В русской прессе Эстонии регулярно используются лексические единицы, называющие местные реалии либо отражающие “местные” номинации, и, напротив, отсутствует или крайне редко употребляется целый ряд лексем, широко используемых в российской прессе. Можно также определить как местные такие синтаксические особенности, как построение предложений с меньшим количеством частиц, вводных слов, обращений, однородных и обособленных членов предложения, вносящих различного рода дополнительные оттенки значений, экспрессивность, оценочность, в результате чего количественный фактор переходит в качественный: меньшее разнообразие синтаксических структур ведет к меньшей функциональной загруженности синтаксиса. Сопоставительный анализ особенностей актуального членения эстонской, российской и русской (оригинальной и переводной) прессы Эстонии показал [Костанди 1996], что тексты этих четырех основных групп различаются с точки зрения регулярности использования предложений с определенной коммуникативной перспективой, типов тематических последовательностей и типов рематических доминант [Золотова 1979]. По этим признакам, как и по характеру использования определенных пластов лексики и некоторым особенностям синтаксиса предложения, русская пресса Эстонии также занимает промежуточное положение между эстонской прессой и российской. Эти выводы, сделанные нами ранее в указанных выше работах, предполагают существование определенных особенностей порядка слов в местной русской прессе, отличающих ее от российской прессы. Ниже будут рассмотрены наиболее явные отличия такого рода. Материалом для ана-

лиза послужили тексты из газет “Деловые ведомости”, “День за днем”, “Эстония”, “Молодежь Эстонии” за 1998–99 гг.

Наибольшая частотность определенных типов тематических последовательностей (простой линейной и тематической последовательности с константной темой) соотносится с тем, что для русской прессы Эстонии достаточно характерным является наиболее нейтральный порядок слов, при котором тема занимает препозицию, рема, соответственно, постпозицию, тем самым предложение четко делится на две основные части, ср.:

- (1) *Во вторник 3 ноября ЭВЭА Банк представил Банку Эстонии выработанный совместно с иностранными инвесторами план повышения ликвидности и увеличения собственного капитала банка. План поддерживает и временный управляющий банкротством Тийна Митт.*
- (2) *22-летний сын министра сельского хозяйства Эстонии Андреаса Варика Йорген Варик разыскивается как злостно уклоняющийся в течение двух лет от службы в армии.
Сын министра получил за два года примерно 15 повесток, но настойчиво уклоняется от призыва на действительную военную службу.*

В первом примере два предложения связаны простой линейной тематической последовательностью, т.е. рема предыдущего предложения становится темой последующего (*план — план*), во втором примере использована тематическая последовательность с константной, т. е. повторяющейся темой (*сын — сын*). Два данных наиболее простых типа соотносятся с наиболее нейтральным порядком слов, что придает и предложению в целом большую нейтральность. Отсутствие в предложении либо небольшое число инверсий, наряду с синтаксическими особенностями, рассматривавшимися нами ранее и упоминавшимися выше, лишают предложение явно выраженной субъективной окраски, на первый план выдвигается факт, о котором идет речь, а не его оценка, диктальная информация, а не модальная.

Кроме отмеченных вариантов для языка русской прессы Эстонии характерно и иное тема-рематическое членение, что, соответственно, предопределяет и иное линейное развертыва-

ние текста. При этом наблюдаются различного рода инверсии нейтрального порядка слов, например:

- (3) *Не зря в одном американском учебнике бизнеса сказано: быстро сколотить капитал легко, сохранить и прирастить трудно. Каждая несчастливая фирма несчастна по-своему, но в основе одна причина: ошибки в финансовом анализе и прогнозе и неумение верно оценить финансовую ситуацию. В малой и средней фирме, по крайней мере, кто-то один из двоих: предприниматель или бухгалтер должен уметь делать финансовую работу.*

В таких случаях и отдельные предложения, и компоненты текстового уровня менее структурированы, “размыты”. Довольно часто такая “размытая” структура появляется в особого рода “жанре”, который условно можно назвать “по материалам эстонских газет”. Появляющиеся в итоге тексты представляют собой очень краткое и фрагментарное реферирование нескольких текстов из эстонской прессы, часто очень разных по содержанию, из разных газет, с дополнительными комментариями, что может привести к нечеткости и смысловой, и формальной организации, ср.:

- (4) *Автор пишет, что Hansarank, “продавшись” шведам, аргументировал этот свой шаг тем, что хочет играть все большую роль в эстонской политике. Логика банкиров проста: мы, мол, крупная фирма, а государство путается у нас в ногах. Однако и ответ прост: никто не выбирал их, банкиров, решать нашу судьбу.*

Следует отметить, что не только в такого рода текстах, но и при любом переводе довольно часто допускаются разной степени отклонения от порядка слов, характерного для русского языка, сочетающиеся порой с неадекватным либо прямым переводом лексики, с неправильными грамматическими формами. Результатом может стать двусмысленность фразы, нереализованность целевой установки, например (в приводимых примерах сохранены орфография и пунктуация оригиналов):

- (5) *Ответы просим присылать до 17 октября на талоне по указанному адресу.*

- (6) *Radiolinja запустила новые опорные станции на Куресааре и Кихельконна. Этим самым заметно улучшилось распространение Radiolinja на Саарема.*
- (7) *Диван-кровать INNOVATION созданы для тебя, если ты желаешь за свои деньги ощутить действительно высокое качество работы, безвременный дизайн и комфорт как сидя, так и лежа.*
- (8) *Купи FUTON и крепкого сна.*

Различного рода грамматические неправильности определенным образом соотносятся с порядком слов, так как использование других, нежели требуют правила, грамматических форм часто влечет за собой изменение порядка слов. В итоге может меняться и вся синтаксическая структура, ее актуальное членение, различного рода коннотации, семантические нюансы. Частным случаем неудачного построения синтаксической структуры является нагромождение ряда падежных форм существительных, особенно в родительном падеже, что может быть отчасти и результатом влияния эстонского языка, ср.:

- (9) *Судовладельцы Эстонии опасаются взрыва безработицы среди моряков при отказе в выдаче паспортов моряка негражданам.*
- (10) *Кандидаты на вступление в ЕС опасаются замедления процесса расширения.*
- (11) *Использование резервных денег представляет опасность для надежности экономической политики*
- (12) *Оформление анкет вида на постоянное жительство.*

Различного рода нарушения, влияние перевода проявляется на уровне не только предложения, но и словосочетания. Так, в русских газетах Эстонии очень частотны конструкции, регулярно использующиеся в последние годы и в российской прессе. Такие конструкции В. Г. Костомаров предложил определять по аналогии с тюркскими языками как “изафет”, анализ частотности использования таких конструкций позволил ему сделать вывод, что “в современном русском языке складывается новый тип определительных словосочетаний или же составных слов, а лучше – чтобы уйти от крайне спорного отношения их к тем или другим – сказать изафетов, воспринимаемых русским языковым чутьем как семантические универбы, чему способствует и частая их деэтимологизация в силу иностранности первоисточника” [Костомаров 1996: 216]. Имеют-

ся в виду такие конструкции, как *топ-шоу*, *шоп-туристы*, *хит-парад*, *бизнес-клуб*, *топ-модель*. В русской прессе Эстонии множество таких конструкций появляется и в результате влияния эстонского языка, особенно часто они используются в рекламных текстах, что скорее снижает эффективность воздействия последних. Местной особенностью является то, что в таких конструкциях один из компонентов часто написан латиницей, ср.:

- (13) *sosisuki Rakvere*, колбаса *Adavere*, *Rakvere* котлеты, мульти-нектар *Põltsamaa*, *Meieri* нудинги, водка *Saaremaa*.

Препозитивное согласованное определение в таких словосочетаниях заменяется несогласованным пост- реже препозитивным, что ведет к невозможности однозначно определить синтаксическую функцию данного компонента.

Следует отметить и еще одну особенность, касающуюся построения словосочетаний. Сложные слова, очень частотные в эстонском языке, переводятся словосочетанием; если речь идет о каком-либо относительно новом понятии, появляются самые разные варианты, ср.:

- (14) *управляющий банкротством* — *банкротный управляющий* — *управляющий по банкротству*; *телефон друга* — *друга телефон*; *молочная война* (*молочный разговор*) — *война за молоко*.

Таким образом, порядок слов на уровне словосочетания часто обусловлен влиянием эстонского языка, нагромождение в тексте подобных словосочетаний влечет за собой и иные изменения как порядка слов, так и всей синтаксической структуры.

Обобщая приведенные выше примеры, наиболее регулярными отличительными особенностями порядка слов русской прессы Эстонии можно назвать следующие, зачастую противоречащие друг другу явления. С одной стороны, это более “правильный”, нейтральный порядок слов, связанный с общей тенденцией использовать определенные типы коммуникативных структур и тематических последовательностей. Эти особенности актуального членения, как было отмечено выше, ранее уже рассматривались нами более подробно [Костанди 1996]. В целом частотность таких структур создает впечатление большей по сравнению с российской прессой нейтраль-

ности автора при передаче информации, на первый план выходит собственно информативность. Отмеченная черта может отражать и влияние эстонской прессы, эстонского языка, и особенностей местного, как эстонского, так и русского, менталитета. С другой стороны, для языка русской прессы Эстонии характерны различного рода нарушения порядка слов, неправильное его использование, ведущее к нереализованности авторской установки, к неадекватности восприятия информации. На начальном этапе анализа можно предположить, что эти особенности отчасти обусловлены также влиянием эстонского языка, наличием переводных материалов, признаками автора, таким, например, как степень специальной подготовленности, характером той или иной газеты, жанровой спецификой.

Отмеченные особенности затрагивают все языковые уровни. Типы тематических последовательностей прослеживаются только на уровне текста, а они зачастую определяют появление того или иного порядка слов в предложении, который, хотя и существует в предложении, соотносится таким образом с текстовым уровнем. Другие закономерности в использовании того или иного порядка слов могут характеризовать только отдельное предложение или словосочетание. В текстах отмеченные особенности часто переплетаются, образуя сложные комбинации.

В данной статье были лишь зафиксированы некоторые наиболее явные особенности порядка слов, отличающие язык прессы диаспоры — русских газет Эстонии. Очевидно, что ряд отмеченных черт характеризует языковую компетенцию отдельных групп носителей русского языка, но есть среди этих черт и такие, которые имеют отношение к языку диаспоры в целом и к языку средств массовой коммуникации, в частности, отличая последний от языка СМИ в России. Говоря об особенностях языка русской прессы Эстонии в целом, следует отметить значимость таких выделенных В. Барнетом [Барнет 1987] при характеристике социальной ситуации факторов, как пространственное размещение соответствующего сообщества и степень его интеграции, включающую территориальную и социальную мобильность говорящих. Характер проявления этих факторов, разумеется, ведет к отличию русской аудито-

рии Эстонии от российской аудитории и может способствовать более быстрому формированию и закреплению общих языковых черт. Российская пресса гораздо более разнородна, и о сопоставлении можно говорить лишь после более полного сбора материала и более детального его анализа. Необходим такой анализ и отмеченных выше общих закономерностей, и более частных случаев, которые нами в данной статье не рассматривались.

ЛИТЕРАТУРА

- Барнет В. 1987 — Дифференциация национального языка и социальная коммуникация. *Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 20: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР*. Москва.
- Золотова Г. А. 1979 — Роль ремы в организации и типологии текста. *Синтаксис текста*. Москва.
- Костанди Е. 1996 — Коммуникативная структура предложения и текста в русском и эстонском языках. *Emakeel ja teised keeled II*. Tartu.
- Костанди Е. И. 1999 — Некоторые синтаксические особенности газетного текста (на материале русскоязычной прессы Эстонии). *Valoda — 1997. Humanitārās fakultātes VII zinātniskie lasījumi*. Daugavpils.
- Костомаров В. Г. 1996 — “Изафет” в русском синтаксисе словосочетания? *Словарь. Грамматика. Текст*. Москва.

О ПРАГМАТИКОНЕ РУССКОЙ ПОЛИТИЗИРОВАННОЙ ЛИЧНОСТИ В ЛИТВЕ

Э. ЛАССАН

Прагматикон языковой личности в данной статье понимается автором в духе Ю. Н. Караулова: как такой уровень организации языковой личности, который является более высоким по отношению к лингвокогнитивному и включает выявление мотивов и целей, движущих ее поведением и текстопроизводством и в конечном счете обуславливающих иерархию ценностей в ее модели мира. Уточнение “политизированная личность” означает, что объектом рассмотрения является личность, участвующая в общественно-политической жизни государства, свидетельством чего становятся тексты, имеющие местом своего бытования средства массовой информации, а объектом вербализации — злободневные проблемы общества. Думается, что этот уровень личности может быть описан через ряд оппозитивных понятий, из которых одно (по крайней мере) обычно эксплицитно реализуется в дискурсе, будучи позитивно или негативно окрашенным, а другие присутствуют эксплицитно или имплицитно и, соответственно, оцениваются говорящим противоположным образом. Так во всяком случае строился информационно-политический текст прошлого: утверждение первых членов в рядах оппозитивных понятий “коммунизм—антикоммунизм”, “патриотизм—антипатриотизм”, “коллективизм—индивидуализм” в качестве идеальных моделей общества и поведения и страстное отрицание вторых создавало особую тональность дискурса, которую можно было бы назвать героико-патетической. Информационно-публицистический текст (если такой возможен по определению, но

именно он всегда был характерен для СМИ СССР и остается таковым для российских СМИ) 90-х гг., будучи деидеологизированным, не позволял говорить о лежащих в его основе бинарных оппозициях. Приведем один из таких текстов, где симпатии автора не присутствуют ни эксплицитно, ни имплицитно:

АЛЕКСАНДР МИНКИН, обозреватель "Московского комсомольца", выступил по телевидению с продолжением своего разоблачения председателя НРБ Г. Матюхина. Непрофессионализм банкира был даже как-то оправдан другой его профессией — офицера КГБ. Узнав это, начинаешь догадываться, для чего в свое время воспевались смежные ремесла.

Генсек и президент. Банкир и резидент... Господи, как все просто — больше двух в одни руки не давать (ЛП 1993, №12).

Авторы подобных текстов, очевидно, не стремились быть понятыми своими потомками, как, впрочем, и более широким кругом своих современников — на смену принципу кооперации приходил принцип удовлетворения творческого начала через языковую игру. Причины "тотальной иронии", продемонстрированной на примере текста, можно объяснить общим характером постмодернистского ощущения, а можно увидеть ее истоки и в собственно нашей, отечественной, специфике: так, М. Н. Жанузаков увидел причину смены интонации с героико-трагической на иронико-скептическую в творчестве Ю. Давыдова в том, что "история, осмысленная под определенным углом зрения и превращенная в упорядоченный мир-космос, стала терять знакомые очертания среди надвигающегося хаоса бытия" [Жанузаков: 1997].

В такие моменты, когда нет собственного "последнего слова", всякая мысль, чувство, переживание преломляются, по Бахтину, через чужой стиль, чужое слово. Очень часто это слово может быть враждебным, неприемлемым — в этом случае особым способом, т.е. иронией, личность подчеркивает эти качества чужого слова и свое отторжение от мира, с ним связанного. Думается, что ироническое отношение к миру основано на оппозиции Я—МИР, однако оппозиция эта не антагонистическая, не бинарная, а, скорее, градуальная; личность полагает, что она у м н е мира, который поступает неразумно. При этом мир не несет реальной угрозы для иронизи-

рующего индивида и в принципе допускает возможность его позитивного изменения (хотя бы на том основании, что в нем есть более умные — такие, как субъект текста — личности, не подлежащие, как это бывает при иных режимах, неизбежному истреблению).

Русскоязычные средства массовой информации Литвы, конечно же, тоже испытали нашествие радикальной иронии и общего “прикольного” духа времени, пришедшего на пространстве, именуемом постсоветским, на смену духу торжественной серьезности. Так, “самая государственная газета Литвы” “Пирмаденис” (“Понедельник”) изначально замышлялась как “прикалывающаяся” газета. (Интересно, что издавалась она вначале на двух языках, — литовском и русском, — однако литовский вариант “почил в бозе”, не будучи востребованным). Самая популярная среди русскоязычного населения газета — еженедельник “Литовский курьер” — печатает политические памфлеты и иронические комментарии событий на первой странице, а в самой серьезной газете на русском языке (“Эхо Литвы”) аналитические обзоры принадлежат авторам, явно не чурающимся иронии и даже делающим ее камертоном своих текстов. И все-таки дискурс СМИ Литвы имеет ряд черт, которые позволяют определить его тональность не как иронико-скептическую, а как саркастически-пессимистическую, отличающуюся от первой выражением более глубокого неприятия происходящего, сопровождающегося неверием в возможность позитивных перемен. В чем это проявляется? Прежде всего в наличии апокалиптических мотивов, предвещающих нечто, равнозначное концу. (“Запугивание” — вообще характерная черта современных политических текстов, видимо, соперничающих с визуальным дискурсом — фильмами “ужасов”). Так, одна из статей, помещенных на первой странице “Литовского курьера” (ЛК 1998, № 42), заканчивается следующим образом:

Жизнь коротка и суетна, а мирские радости мимолетны. И не печальтесь, что вряд ли воздастся при этой жизни. Зато с лихвой получите награду на том свете. Или в жизни следующей (ЛК 1998, № 42).

Мотивы краха вместе с образами потустороннего мира вторгаются в начало следующей “передовицы” из ЛК (ЛК 1998, № 43):

*Уж не стал ли я **шизофреником**? Мережатся мне повсюду **жутковатые** политические символы. Помнится, **взрыв** на Чернобыльской АЭС прозвучал как сигнал свыше о предстоящем **крушении СССР**. Приземление Матиаса Руста у Мавзолея было воспринято как знамение **краха** системы. Недавний взрыв “Москвича” на Красной площади, организованный террористически настроенным к нынешнему режиму пенсионером, одним из многих, тоже прозвучал весьма символично.*

*Самое **ужасное**, что **шизофренические** ожидания воплощаются в жизнь **шизофреническими** же действиями власти! Жду теперь, каким эхом отзовется, году так в 2000-м или пораньше, **взрыв** “Москвича”.*

*Символы повсюду. Они пугают меня как назойливые **привидения** и подтверждаются действиями государевых людей, один за другим превращающихся в политические **призраки**.*

Разумеется, тексты эти не претендуют на роль провиденциальных, и, соответственно, не окрашены пафосом мистицизма: все эти “привидения”, “призраки”, “жутковатые символы”, загробная жизнь нужны для того, чтобы будто бы несерьезно говорить о вещах серьезных. Ирония ли перед нами? В приведенном тексте каждое предложение содержит слово, возбуждающее соответствующие ассоциации, — вместе они призваны создать атмосферу всеобщей гибели (*взрыв, крушение, крах, взрыв*). Что это: общее проявление синдрома “некромании”, характерной для современных текстов СМИ и заключающейся как в отборе фактического материала (большое место отводится сообщениям об убийствах и самоубийствах), так и в расположении и графическом оформлении его на газетной странице (анонсирование на первой странице материалов, в названии которых непременно присутствует слово, вызывающее ассоциации с “летальным исходом”), или специфическая черта “русского мироощущения в Литве”? По Вайнриху, ирония имеет место в том случае, если несоответствие мысли и сказанного сопровождается соответствующими знаками — “сигналами лжи”: ими являются кавычки на письме, интонация в речи. Ставшие предметом многочисленных исследова-

ний последнего десятилетия “языковая игра” и “чужое слово” расширили представление о способах создания иронии. Думается, однако, что иронию отличает от сарказма на лингвистическом уровне два основных момента.

1) В случае сарказма говорящий мысленно не занимается (как в случае иронии) подстановкой “не” к тому, что он говорит, подавая соответствующие сигналы (т.е. говорит то, что думает), но вербализирует ситуацию таким образом, что использование клише из предыдущих дискурсов, воспринимаемых сегодня негативно, заставляет понимать сказанное как издевку, ибо “новое”, стремившееся отречься, отторгнуться от старого, описывается его же “ритуальными формулами”. Примером такого саркастического дискурса может служить следующий фрагмент текста:

*Если бы не Ландсбергис, то Буракявичюс и Ермолавичюс не вошли бы в Историю. Ну кто бы заметил **старых партийцев**, честно корпевших над **марксистско-ленинскими первоисточниками**, если бы не профессор музыки, посягнувший на святое?!*

*Но и спикеру тоже не повезло. Ну разве был бы он так знаменит, если бы независимость ему подал на блюдечке с голубой каемочкой **кремлевский мечтатель**? А вот встал другой профессор грудью на защиту социалистических преобразований, и оказался **спикер героем**. Это во-первых. А во-вторых, если бы у кремлевского мечтателя, честно попытавшегося провокацией оставить Литву социалистической, выгорело бы, то, глядишь, совсем другой кое-какой профессор хлебал бы тюремную баланду. Так что злость кое-кого на **старых партийцев** по-человечески понятна (ЛК 1998, № 45).*

2) Саркастический дискурс отличается особым характером используемых речевых средств, обусловливаемым, на наш взгляд, “мишенью” такого дискурса: чем выше стоит на иерархической лестнице тот, кто является причиной негативной ситуации, чем бессильнее ощущает себя пишущий, тем экспрессивнее становятся избираемые выражения. Средства вербализации в этом случае в русских СМИ Литвы связаны с “жутким”, с темой “страшного прошлого” и соединяются в предложение по принципу нанизывания слов, содержащих в своем прямом значении или на ассоциативном уровне негативный

семантически компонент и возбуждающих соответствующий образ.

О ЖУТКОМ

*Всякое государство, господа, сильно своими героями. И у нас героев полно. Это — самые полезные люди населения. Они **замечают, примечают, бдят** и т.д. Словом, они работают. Потому что если за работу не платят — это уже хобби. А им платят. Значит, это уже работа.*

*Скажи, Читатель, сколько раз ты **без толку шлепал ботинками по канализационным люкам**? Миллион? Два миллиона? И вот ты **шлепал-шлепал** и проморгал **диверсию** врага. Потому что на этих самых люках в чугуне было **выбито жуткое** “Лит. ССР”. И это — на десятом году независимости, в центре столицы Центра Европы! К счастью, недолго **враг торжествовал**: пришли зоркие люди, углядели непотребное и приказали стереть хулиганскую надпись. Конечно, они могли приказать и вовсе заменить крышки люков — но у Отечества пока **плохо с чугуном на голову населения**. Пришлось стирать (ЛК 1999, № 42).*

Думается, что эта печать “жуткости” не в тексте-прогнозе, а именно в “несерьезном о серьезном” отличает русские СМИ Литвы как от российских СМИ, так и от литовских СМИ Литвы (о чем косвенно свидетельствует упомянутый выше факт того, что газета “Пирмаденис”, пытавшаяся мрачно шутить на литовском языке, конкуренции с другими газетами не выдержала).

Таким образом, оппозиция Я—М И Р, которая в дискурсе российских СМИ определялась нами как градуальная по признаку “разумности”, здесь становится, видимо, более жесткой — миру отказывается в рациональности вообще (поэтому “передовая” статья может быть названа “Шизофрения”), в силу чего этот мир воспринимается как угроза “Я”.

Тональность саркастического дискурса поддерживается мотивами неверия в возможность положительных изменений в экономике Литвы практически во всех аналитических обзорах русских СМИ страны, причем эти мотивы звучат даже там, где речь идет о явлениях, которые могли бы интерпретироваться как положительные. Так, статья о начале компенсации рублевых вкладов называется “Нас однажды уже обманули” (ЛК

1998, № 37). И здесь используются клише ретроспективных текстов:

В еще не столь давние времена мы, наверное, бы с восторгом благодарили родную партию и правительство. Шутка ли, на восстановление отстегнули аж 406 млн. литов.

Другая газета — “Эхо Литвы”, сообщая об отрадном факте — предположительной экономии денежных средств за счет сокращения столь нелюбимого всеми управленческого аппарата, не удерживается от пессимистического вывода: *Если управленцам закручивают гайки, то другим мало не покажется* (ЭЛ 1998, № 257), а после сообщения о поступлении дополнительных средств в бюджет в этой же газете следует предупреждение: *Но не надо впадать в эйфорию...*, и далее речь идет о возможном подорожании. “Жутковатые символы” видятся русским СМИ во всем. Даже сугубо личная жизнь пропускается сквозь призму иронического неверия. Так, автор одной из статей в рубрике “ироническим пером” в газете “Эхо Литвы” “прикалывается” не только по поводу безработицы, но и по поводу того, что муж назвал героиню любимой, а ребенок добровольно сделал дома уборку — во всем рассказчику чудятся “знаки беды”.

Думается, что ирония, перешедшая в сарказм, соединенная с неверием в возможность добра (“Не надо впадать в эйфорию!” — чуть ли не основополагающий девиз русских газет Литвы) и создают ту тональность, которая выше была названа саркастически-пессимистической. И вопрос, который возникает после утверждения автором этого тезиса, это вопрос о причинах подобного положения вещей.

1) Причина лингвокогнитивная. Метафора “Мы идем в Европу”, которая, видимо, призвана создать у литовского общества ощущение движения и цели, не может вдохновить русскоязычную часть этого общества, которая в силу ряда причин ощущает себя маргинальной, а потому остающейся на обочинах дороги. Если бы творцы “национальной идеи” приняли в качестве ее базовой метафоры, например, метафору “Литва — наш общий дом”, можно было бы рассчитывать на некоторое постоянное изменение мироощущения тех, кого причисляют к русской диаспоре.

2) Причина когнитивно-психологическая. А. М. Грановская в “Очерках по языку русской эмиграции первой волны” неоднократно цитирует “Мысли о России” А. Ф. Степуна, разграничившего память и воспоминания. “Воспоминания всегда направлены на свое и прошлое. Они корыстны и реакционны. <...> Память никогда не спорит со временем, потому что она над ним властвует. Память не спорит со временем, а весь пафос эмиграции в споре с ним. Помнить о прошлом эмиграции никто не в силах воспрепятствовать, ... но помнить она как раз и не хочет, она хочет в нем жить” [цит. по Грановская 1995: 175]. Думается, что широкое использование клише ретроспективных текстов говорит о том, что политизированная русская личность Литвы также живет воспоминаниями.

А как же с памятью? Думается, что пониженное использование прецедентных текстов культуры, текстовых реминисценций, включающих наше время в единый большой хроно-топ и позволяющих в сиюминутном, переходящем увидеть вечную и независимую от национальной одежды суть явлений, побуждает думать, что память — слаба. Однако в отличие от русской эмиграции первой волны, которая жила воспоминаниями о прошлом, хотела в этом прошлом жить, авторы рассмотренных текстов в нем жить не хотят. Об этом говорит ироническое, а не патетическое использование “чужого слова” — слова прошлого. Они как будто не хотят жить ни в России прошлого, ни в России настоящего, которая в текстах наделяется столь же отрицательной оценкой, что и современная Литва. Таким образом, ценностной оппозиции Литва — Россия в сознании русской политизированной личности Литвы как будто не существует. Почему как будто? В качестве риторического топоса сравнения, уподобления когнитивная структура (фрейм) “Россия” в текстах о Литве присутствует практически всегда, что позволяет говорить о жесткой связи фреймов “Россия” и “Литва” в сознании языковой личности, обуславливающей особенности текстопорождения. Так, в памфлете “Свора президента” (ЛК 1998, № 44), повествующем о потере политического влияния Б. Ельциным, для сравнения упоминается президент В. Адамкус, “шизоидность” русских

лидеров в другой статье “ЛК” сопоставляется с действиями бывшего министра по делам Европы Литвы Л. Анрикене, переведшей Литву в новый часовой пояс, а памфлет о “полезных мучениях жителей Литвы” не обходится без упоминания о гибели “странной империи”, уподобляемой “конвульсиям богатырского тела”. Таким образом, фрейм “Россия” существует, как отмечалось выше, как риторический топос сравнения или уподобления. При уподоблении имеет место отрицательная оценка обоих членов уподобления, при сравнении же, хотя и скрыто, тем не менее достаточно ощутимо через использование языковых средств проступает ностальгия: выражения “странная империя” и “богатырское тело” коннотируют положительную оценку референта, а воспоминания о временах, когда мы бы поблагодарили “родную партию” за выдачу вкладов, имплицитно мыслит о былом доверии. Анализируемая языковая личность не имеет, таким образом, четко осознаваемых оценочных ориентиров, отвергая и то, что есть, и то, что было, и вместе с тем она испытывает к тому, “что было”, тайную симпатию. Поэтому, хочет она того или нет, ее текст позволяет говорить о наличии в ее сознании градуальной оппозиции “Литва настоящего—Россия прошлого”, где второй член обладает большей привлекательностью, чем первый. Драматичность сознания языковой личности, на наш взгляд, состоит в данном случае в том, что традиционные оппозиции сознания разрушены, а существующую единственную оппозицию из области политических понятий, где одно окрашено позитивно, политизированная языковая личность Литвы скрывает от самой себя — и если она говорит то, что думает, то “думает она не то, что чувствует”.

3) Причина психоаналитическая. Описанное выше состояние может быть, на наш взгляд, объяснено идеей первичных позывов Зигмунда Фрейда, согласно которой первичный позыв есть присущая органической жизни тяга к какому-то прежнему состоянию, от которого живая единица вынуждена была отказаться под влиянием внешних сил. Приведем пространную цитату из работы З. Фрейда “По ту сторону принципа наслаждения”, которая, на наш взгляд, сегодня звучит метафорически: “Когда-то в неживой материи каким-то

еще совершенно невообразимым силовым воздействием были пробуждены свойства жизни. <...> Возникшее тогда в до тех пор неживой материи напряжение стремилось уравновеситься; так был дан первый первичный позыв — возвращение в неживое... Возможно, что в продолжение данного времени живая материя все снова создавалась и снова легко умирала, пока руководящие внешние воздействия не изменились настолько, что принудили оставшуюся в живых субстанцию к все более широким отклонениям от первоначального образа жизни и к все более сложным окольным путям достижения конечной цели — смерти” [Фрейд 1991: 168].

Что же, пожелаем и частицам разорванной материи, и “руководящим внешним воздействиям” такой целенаправленной деятельности, созидающей и мир, и личность, которые позволили бы укрепить “пробудившиеся свойства жизни”.

Хочется думать, что в предложенной статье состояние материи и некоторые пути ее сохранения в качестве живой прослежены.

ЛИТЕРАТУРА

- Грановская Л. М. 1995 — Русский язык в “рассеянии”. *Очерки по языку русской эмиграции первой волны*. Москва.
- Жанузаков М. Н. 1997 — Стиливые новации в современной исторической прозе. *Филологические науки*. № 3.
- Фрейд З. 1991 — По ту сторону принципа наслаждения. “Я” и “Оно”. Тбилиси.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ЗАГОЛОВКАХ РУССКИХ ЛАТВИЙСКИХ ГАЗЕТ

Л. Г. ПАВЛОВСКАЯ

Интерес к функциональному аспекту фразеологизмов, в частности, к их использованию на газетной полосе не ослабевает, о чем свидетельствуют многочисленные публикации и диссертационные исследования [Губенко 1969, Мануйлова 1986, Бобунова 1992 и др.].

В течение нескольких лет мы наблюдаем за использованием фразеологизмов (в широком понимании этого термина) на страницах газет, издающихся в Латвии на русском языке.

В качестве источников газетных заголовков выступают разнообразные **текстовые реминисценции**, обычно на основе прецедентных текстов, (в терминологии С. Г. Гаврина [Гаврин 1974] **ПК** — переменнo-устойчивые компликативы) — “это осознанные vs. неосознанные, точные vs. преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста” [Супрун 1995: 17].

Среди них встречаются **пословицы и поговорки** —

а) неизменные: *Лучше поздно, чем никогда* (РГ, 23.05. 98)¹; *Не мытьем, так катаньем* (РГ, 23.05. 98); *Нет худа без добра* (СМ, 4.05.95); б) измененные: *Конец и делу венец* (СМ, 23.08.95); *Москва рублям не верит* (СМ, 31.05.95); *Москва русским не верит* (СМ, 19.08.94);

афоризмы (библейского происхождения, авторские) —

¹ Здесь и в дальнейшем в скобках указывается название газеты (по первым буквам) и дата. Названия газет: “СМ-сегодня” — СМ, “Панорама Латвии” — ПЛ, “Курземес вардс” — КВ, “Русская газета” — РГ, “Час” — Ч.

а) неизменные: *Доверяй, но проверяй* (Ч, 4.05.98); *Знание — сила* (СМ, 15.05.95); *Золотая середина* (СМ, 12.05.95); *На круги своя* (СМ, 12.02.96); *Хлеба и зрелищ* (СМ -22.05.95); б) измененные: *Альфред мне друг, иное — подороже* (СМ, 13.12.93); *Возвращение “черного берета”* (СМ, 3.08.93); *Время собирать долги* (СМ, 15.12.93); *ООН: да не оскудеет рука дающего...* (СМ, 27.06.95); *С камнем за пазухой* (КВ, 23.11.96);

крылатые фразы —

- **из песен**

а) неизменные: *На тихой станции сойду...* (СМ, 12.06.97); *Сердце, тебе не хочется покоя* (СМ, 5.12.96); *Собака бывает кусачей* (РГ, 25.05.96); *Художник, что рисует дождь* (СМ, 29.06.94); б) измененные: *Все выше, и выше, и выше... стремится полет наших цен* (СМ, 15.02.96); *Легко на сердце от формы красивой* (СМ, 11.08.94); *Раскинулась мебель широко* (СМ, 28.07.95);

- **из текстов художественной литературы**

а) неизменные: *Нам не дано предугадать* (РГ, 6.06.98); *Поэтом можешь ты не быть...* (СМ, 10.12.93); *Хочу быть столбовою дворянкой* (РГ, 6.06.98); б) измененные: *И какой же латыш не хочет стать гражданином* (СМ, 17.12.92); *Я тебя разрешил, я тебя и...* (СМ, 7.12.93); *Не хочу жениться, а хочу учиться* (СМ, 17.06.94);

- **названия кинофильмов**

а) неизменные: *Мертвый сезон* (СМ, 26.10.93); *Добро пожаловать или посторонним вход воспрещен* (СМ, 6.05.93); *Доживем до понедельника* (СМ, 5.07.94), (СМ, 17.06.95); б) измененные: *Вокзал для всех* (СМ, 18.06.93); *Королевы бензоколонок* (СМ, 21.01.94); *А ночи здесь тихие* (СМ, 29.03.97);

- **художественных произведений**

а) неизменные: *Бедная Лиза* (СМ, 3.11.93); *Отцы и дети* (СМ, 15.09.93); *Последний из могикан* (СМ, 15.07.93); *Уроки французского* (СМ, 16.01.97); б) измененные: *К новому берегу?* (СМ, 30.06.93); *Леди Макбет рижского уезда* (СМ, 29.08.95); *Просветления и наказание* (СМ, 29.03.97);

- **телепередач:**

А ну-ка, девушки! (СМ, 22.05.95); *Любовь с первого взгляда* (СМ, 11.11.93), (СМ, 28.12.93); *Что? Где? Когда?* (СМ, 6.11.93);

- из различных жанров фольклора (кроме пословиц и поговорок)

а) неизменные: *“А” и “Б” сидели на трубе* (СМ, 23.12.93); *На золотом крыльце сидели...* (СМ, 5.03.93); *У попа была собака...* (СМ, 23.01.93); б) измененные: *Альфа и бета сидели на трубе* (СМ, 3.08.93); *Избушка на мраморных ножках* (СМ, 18.08.95); *Сказка про красного бычка* (СМ, 7.02.97);

- из рекламных текстов

Сладкая парочка (СМ, 1.12.93); *Новое поколение выбирает* (СМ, 28.12.93), и т.д.

Именно за счет текстовых реминисценций прецедентного характера, которые мы относим также к фразеологизмам, и проявляется на газетной полосе ментальность. При этом “газетно-публицистическая фразеология в большей степени, чем художественно-литературная, обиходно-разговорная просторечная и т.п., служит экспрессивно-оценочному наименованию нового” [Райхштейн 1980: 42–43]; фразеологизмы создают не только текст, но и подтекст и затекст, обеспечивая возможность вдумчивому читателю размышлять, сравнивая, сопоставляя, делая выводы. Психолингвистической основой восприятия фразеологизмов является теория ассоциаций. Напр., заголовок *“А вы, друзья, как ни садитесь...”* (Приложение к СМ, 13–19.12.96: 5) содержит недомолвку, подразумевающую (после прочтения текста) вывод, причем вполне определенный: *“все в депутаты не годитесь!”* Разумеется, для того, чтобы сделать этот вывод, надо знать строчки басни И. А. Крылова “Квартет”:

*А вы, друзья, как ни садитесь,
Все в музыканты не годитесь!*²

Заголовок *“Что посеяли...”* (СМ, 26.07.94) содержит недомолвку, подразумевающую вывод, *“то и придется пожинать”* /на основе пословицы: *Что посеешь — то пожнешь!* /.

Наряду с интеллектуализацией чтения фразеологизмы в газетных заголовках отражают динамику социокультурных процессов: появились латы, сертификаты, сейм, департаменты,

² Здесь и в дальнейшем жирным курсивом приводятся фразеологизмы, на основе которых создаются текстовые реминисценции газетных заголовков.

граждане / неграждане и т.п. — появляются и соответствующие текстовые реминисценции:

Гражданин / негражданин

Плюс паспортизация всех неграждан Латвии (СМ, 7.02.96); *И какой же латыш не хочет стать гражданином* (СМ, 17.12.92); *Хирургом можешь ты не быть, но гражданином — достоин* (СМ, 2.05.95); *Это сладкое слово — гражданство* (СМ, 1.02.95); *Гражданство: посеешь поправки — пожнешь кризис?* (Ч, 4.06.98)

Департамент

Департамент — он и в Америке *департамент* (СМ, 23.07.94); *Не так страшен ДГИ³, как его малюют* (СМ, 9.12.96); *Что департамент нам готовит?* (СМ, 12.07.94)

Лат, сейм, сертификат

Лат, но не тот. (СМ, 10.06.97); *О должностях, о будущем, о сейме* (СМ, 16.07.93); *Вот тебе, бабушка, и сертификаты...* (СМ, 28.04.93); *Кто богат, у того и сертификат* (СМ, 21.09.94); *Дареному сертификату в зубы не смотрят* (СМ, 24.08.94); *Сертификат — не роскошь, а средство обогащения?* (СМ, 7.08.94); *Сертификаты счет любят* (СМ, 5.05.94)

Пейджер, компьютер

У меня зазвонил пейджер... (СМ, 6.12.96); *Компьютер, нажми на тормоза* (СМ, 9.12.93)

Иногда заголовок-фразеологизм дублируется в тексте статьи, но чаще он выступает как бы в роли образа-символа, раскрывающегося в контексте данной статьи. Нередко фразеологизмы в газетных заголовках повторяются из номера в номер, без изменений:

Быть или не быть? (СМ, 29.10.93), (СМ, 25.03.94), (СМ, 30.07.94), (СМ, 16.08.94);

Долг платежом красен (СМ, 1.02.96), (СМ, 28.01.94);

Остров невезения (СМ, 6.02.96), (СМ, 8.02.96);

Еще не вечер (СМ, 15.07.95), (СМ, 26.07.95), (СМ, 9.08.95), (СМ, 14.09.95);

С чего начинается Родина? (СМ, 3.02.96), (СМ, 5.02.96), (СМ, 19.03.97), (СМ, 5.04.97);

³ ДГИ — департамент гражданства и миграции.

Процесс пошел (СМ, 15.03.94), (СМ, 19.07.94), (СМ, 24.09.94).

Но чаще заголовки все-таки варьируются — используются трансформированные фразеологизмы, которые создаются за счет следующих приемов.

1) Замена одного или нескольких компонентов фразеологизма

а) близкими по смыслу:

У меня зазвонил пейджер... (СМ, 6.12.96); *Мой кабинет — моя крепость* (КВ, 4.03.96); *Что век грядущий нам готовит* (СМ, 7.03.97);

б) противоположными по смыслу :

Званный гость лучше татарина? (Ч, 27.01.98); *Здесь русский дух, но Русью здесь не пахнет* (СМ, 2.11.93); *Как рыба на берегу* (СМ, 2.10.93); *Не война и не мир* (РГ, 6.06.98); *Нам снизу видно все* (СМ, 23.12.93);

в) семантически далекими:

В чужой табор со своим уставом не ходят (С, 15.03.97); *И вот она, нарядная, на рынок к нам пришла* (ПЛ, 21.12.96); *Лес рубят — деньги летят* (ПЛ, 2.08.96); *Ну, мафия, погоди!* (РГ, 4.05.96); *Откуда грибочки? Из Литвы, вестимо* (Ч, 16.05.98); *Следствие ведут ... москвичи* (ПЛ, 2.08.96); *Слово — не воробей... и за него надо платить!* (СМ, 7.08.93);

г) взаимообусловленными лексемами / компонентами :

Пить или не пить — вот в чем вопрос (СМ, 17.08.95); *Умрет или не умрет? — вот в чем вопрос?* (СМ, 7.07.94); *Сдать или не сдать?* (СМ, 20.01.94); *Убивать или не убивать* (ПЛ, 6.12.96).

2) Нарращивание фразеологизма (распространение отдельных его компонентов):

Мои года — мое богатство. Единственное (СМ, 12.11.93); *Саммит: быть или не быть СНГ* (РГ, 2.05.98);

при этом возможны противопоставления по отношению к трансформируемому первоисточнику:

Богатые уже не плачут (РГ, 30.11.96); *Мой дом — уже не моя крепость* (СМ, 28.01.93); *Без света в конце тоннеля* (РГ, 1.06.96).

3) Усечение фразеологизма (недомолвка):

а) без трансформации:

Лучше гор могут быть ... (СМ, 9.11.93); *Любишь кататься ...* (Ч, 15.05.98); *На чужой каравай...* (СМ, 6.07.95); *Тяжело в учении, легко в...* (СМ, 21.09.93);

б) с трансформацией:

Дебилom можешь ты не быть, но... (СМ, 22.08.98); *"Наезд" без причины — признак...* (Ч, 7.02.98); *Не хотим учиться, а хотим...*? (СМ, 31.08.95); *Я тебя разрешил, я тебя и...* (СМ, 7.12.93).

4) Использование однотипной структуры фразеологизма (наполнение легко узнаваемого ФЕ новой лексикой):

Незачем на посольство пенять, коли... в газеты не заглядываешь... (ПЛ, 15.05.97); *Вот вам, мальчики, и рыбный день...* (ПЛ, 25.10.96); *Здравствуйте, я ваш Калягин!* (РГ, 25.05.96); *Что тебе снится, древняя Рига* (РГ, 25.06.96).

5) Изменение фразеологизма

а) лексико-фонетическое:

Джентельмены у дачи (РГ, 9.05.98); *Как Кук во щи* (ПЛ, 12.05.98); *Крен редьки не слаще* (СМ, 21.04.95); *Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью* (СМ, 4.03.95); *Полонез Рогиньского* (ПЛ, 16.09.96);

б) лексико-семантическое, словообразовательное:

КВН — клуб веселых неграждан (РГ, 19.10.96); *Козленок отпущения* (Ч, 18.06.98); *Демократия есть табунизация плюс добелизация всей страны* (РГ, 19.10.96) /*Табунс и Добелис — фамилии государственных чиновников*/; *Не уверен — не референд* (СМ, 27.07.95);

б) синтаксические:

Лед тронулся (СМ, 7.10.93); *Лед тронулся?* (СМ, 15.08.95); *Муж и жена — одна сатана?* (СМ; 4.08.93).

В результате трансформации возникают своеобразные фразеосемантические поля заголовков на основе общей модели:

А у нас водопровод. Вот!

А у нас в квартире газ, но дорогой. А у вас? (СМ, 9.06.94); *А у нас водопровод, вот...* (СМ, 16.01.97); *А у нас переворот. Вот!* (СМ; 1.02.96)

Быть или не быть? — вот в чем вопрос!

Быть или не быть? (СМ, 25.03.94), (СМ, 30.07.94), (СМ, 16.08.94); *Быть или не быть? (вот в чем вопрос)* (СМ, 30.07.94);

Пить или не пить — вот в чем вопрос (СМ, 17.08.95); *Сдать или не сдать?* (СМ, 20.01.94); *Умрет или не умрет? — вот в чем вопрос?* (СМ, 7.07.94)

Восток — дело тонкое

Восток — дело тонкое (СМ, 27.05.97); *Восток — дело тонкое и изящное* (СМ, 8.03.95); *Колготки — дело тонкое* (СМ, 7.03.97); *Тото — дело тонкое* (СМ, 28.08.93); *Чай — дело тонкое* (СМ, 3.06.94); *Чечня — дело тонкое* (СМ, 8.02.97)

Кому на Руси жить хорошо?

Кому в Латвии жить хорошо (РГ, 13.04.96); *Кому в Литве жить хорошо* (РГ, 21.02.98); *Кому на "Руси" плыть хорошо* (ПЛ, 3.12.96); *Кому на Руси жить хорошо — спросите у астролога* (СМ, 21.08.93)

Легко ли быть молодым?

Легко ли быть молодым? (СМ, 23.09.95), (СМ, 26.09.95); *Легко ли быть молодым и русским?* (СМ, 1.03.95); *Легко ли быть лояльным, ничего не бояться и ничего не просить?* (СМ, 23.03.95)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Авиакомпании всей Латвии, объединяйтесь! (СМ, 3.09.94); *Безработные всей Латвии, объединяйтесь!* (СМ, 23.03.94); *Жильцы всех КЭЧевских домов, объединяйтесь!* (СМ, 29.07.94); *Монахини всех стран, объединяйтесь!* (СМ, 27.04.95); *Мусульмане всех стран... (СМ, 13–19.12.96); Промышленники всех стран — объединяйтесь!* (СМ, 12.02.96); *Русские всей Латвии, объединяйтесь!* (Ч, 11.05.98); *Русские красавицы всей Латвии, объединяйтесь!* (СМ, 28.03.95); *Собственники квартир, объединяйтесь!* (ПЛ, 15.05.97)

Ударим автопробегом по бездорожью

Ударим автопробегом по бездорожью (СМ, 11.03.94); *Автожурналом по бездорожью* (СМ, 17.03.94); *Ударим "Лендровером" по бездорожью. И по РАФу* (СМ, 23.09.95); *Ударим мусорником по экологии* (СМ, 13.04.95); *Ударим маркировкой по угонам* (СМ, 11.03.95); *Гороскопом по политике* (СМ, 22.04.95)

Я б в строители пошел, пусть меня научат!

Я б в астрологи пошел, пусть меня научат (СМ, 29.09.93); *Я б в отшельники пошел* (СМ, 30.07.94); *Я б в художники пошел.* (СМ, н.121.06.95); *Я в отшельники пойду* (СМ, 30.06.94); *Я б в шпионы пошел, пусть меня научат* (СМ, 10.06.97); *Я б в чиновники пошел...* (ПЛ, 7.08.96); *Я бы в батраки пошел... Пусть меня научат*

(СМ, 19.04.95); *Я бы в гейши пошла, пусть меня научат* (СМ, 8.06.93); *Я бы в плотники пошел — пусть меня научат* (СМ, 13.05.97).

Одной из черт трансформированных фразеологизмов является использование иноязычной записи отдельных слов и выражений в целом, или же транскрипция буквами русского алфавита:

Стюардесса по имени SIA (СМ, 9.03.93); *Под крышей дома "Lange"* (СМ, 19.01.93); *"In Line" — это дешево, сердито, надежно* (СМ, 27.01.93); *Memento mori* (СМ, 30.09.95); *Шерше ля фам* (СМ, 20.09.95).

Значительное место на страницах газет занимают измененные фразеологизмы, отражающие специфику латвийской экстралингвистической ситуации, — заголовки типа *Каулс в горле* (СМ, 21.09.95), где *Каулс* — фамилия главного действующего лица <ср. лат. *kauls* — 'кость'>. Таким образом уже в заголовке содержится мысль о том, что депутат Каулс кому-то неугоден в канун предвыборной кампании; возникает каламбур — *кость* = *Каулс в горле*.

Латвийские реалии отражаются и в заголовках типа:

Листья желтые над ЛТВ кружатся... (СМ, 1.09.95) <речь в статье идет об осенних нововведениях на латвийском телевидении>;

Банки в Балтии живет всех живых (СМ, 29.09.95) <статья посвящалась конференции банкиров и экономистов, которая проводилась несмотря на крах многих банков и тяжелую экономическую ситуацию в республике>;

Ударим "Лендровером" по бездорожью. И по РАФу (СМ, 23.09.95) <вместо местного предприятия (РАФа) выгодный государственный заказ на изготовление автомобилей получила французская фирма>.

Аналогичные:

Любовь зла... полюбишь и LTV (ПЛ, 7.01.97); *В бой пойдут одни старики... из... "Даугавас ванаги"* (ПЛ, 23.10.96); *Сколько ни говори "Абрене", Пыталово этим не переименуешь* (РГ, 23.11.96); *Не ходите, дети, в Межапарк гулять* (СМ, 20.05.95); *Мы говорим — Латвия, подразумеваем — "Алдарис"* (СМ, 25.07.95);

“Максвел”⁴ не сразу строилась (СМ, 26.08.95); *На “Силтумс” надейся, но и сам не плошай* (ПЛ, 21.12.96); *Страсти по Чеверсу* (Ч, 30.05.98); *Лиго, братцы, Лиго...* (Ч, 25.05.98), и т.д.

Таким образом, наблюдение за употреблением ФЕ в газетных заголовках позволяет говорить о том, что

1. в заголовках преобладают текстовые реминисценции;
2. основной прием их создания — трансформация прецедентных текстов;
3. цель трансформации — привлечение внимания читателей, интеллектуализация процесса коммуникации.

Одним из перспективных направлений в дальнейшей разработке данного вопроса представляется изучение проявления менталитета в использовании фразеологизмов на газетной полосе.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобунова М. А. 1992 — Не вырубишь топором. *Русская речь*. № 5.
- Гаврин С. Г. 1974 — *Фразеология современного русского языка (в аспекте теории отражения)*. Пермь.
- Губенко И. С. 1969 — “Крылатые заголовки” как явление публицистического стиля. *Язык и литература*. Самарканд.
- Мануйлова Н. А. 1986 — *Функционально-стилистическая характеристика фразеологии в газетном тексте*. Автореф. дис... канд. филол. наук. Ленинград.
- Райхштейн А. Д. 1980 — *Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии*. Москва.
- Супрун А. Е. 1995 — Текстовые реминисценции как языковое явление. *ВЯ*. № 6.

⁴ “Max vel” — экспериментальная школа, которой исполнилось (на момент выхода газеты) 5 лет.

III

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ В ЛИТВЕ (Анализ речи учителей русских школ)

Е. БРАЗАУСКЕНЕ

В решении проблем языка и языкового образования неизбежен вопрос культуры речи. Актуален он и при решении проблем языка диаспоры.

Язык — это средство сохранения духовной культуры народа и средство выражения этнического самосознания. Народ с развитым самосознанием не может отказаться от родного языка или дать ему полностью ассимилироваться.

Таким образом, забота о чистоте и правильности русской речи, о сохранении русского литературного языка приобретает особо важное значение. Ведь высшей формой существования языка является литературный язык, т.е. образцовый, нормированный язык, противопоставленный диалектам, просторечию, аргю, сленгу. В понятие литературного языка мы включаем и разговорную речь как непринужденную устную речь людей, владеющих литературным языком, в неофициальной обстановке.

А. М. Пешковский в свое время писал, что «человек, прикоснувшийся хоть на миг к изучению литературного наречия... моментально узнает, что есть речь “правильная” и “неправильная”, “образцовая” и отступающая от “образца”» [Пешковский 1956: 512].

В Литве русский язык объединяет людей разных поколений, разных социальных групп, в разное время и из разных мест приехавших в Литву.

Это так называемые старожилы (русские староверы, большей частью переселенцы из Псковской области). Это послевоенные “пришельцы”, прибывшие в Литву для восстановления

и развития хозяйства, образования и культуры. Это “пришельцы” нового времени — специалисты различных областей. Это, к сожалению, и люди низших социальных слоев. Все они съехались в Литву со своим языком с разных территорий России и бывшего Советского Союза. Эти люди составили русскую диаспору, русскоязычное население Литвы и, естественно, внесли свою лепту в формирование особого русского языка Литвы.

Так, наряду с общелитературным узусом стал существовать узус местного русского языка, который, однако, никогда не был приоритетным. При оценке вариантов, помимо критериев “правильно — неправильно”, в местном узусе фигурировал еще один критерий: “в России так не говорят — это только у нас”.

Допустимыми для местного русского языка являются некоторые фонетико-интонационные особенности (то, что называют легким акцентом). На уровне лексики отмечаются особенности, связанные с безэквивалентной лексикой или лексическими вариантами. Так, особые лексемы употребляются для передачи денотатов, существующих у всех говорящих на русском языке. Ср.: в России — *булочная, песок*; в Литве — *хлебный магазин, сахар*. На уровне грамматики узус должен быть одинаков в русском языке общелитературном и русском языке Литвы, ибо грамматические конструкции не могут отступать от образца, не исказив всю систему языка. Лишь синтаксис предложения может позволить ту или иную модификацию, тем не менее сохраняя основную систему построения. В русском языке Литвы чаще употребляются причастия и деепричастия, однако эта частота употребления граничит с нарушением нормы, когда причастие заменяет форму глагола: *был уехавши — ездил*.

Преподавание русского языка в Литве имело целью привить навыки правильной, образцовой речи, дать понятие языковой нормы современного русского литературного языка. На это были направлены учебные планы и программы, этому уделяли внимание русская печать, радио и телевидение Литвы. Таким образом, в условиях престижности русского языка велась работа по культуре русской речи, ориентированная на общелитературный узус.

В современных изменившихся условиях, когда русский язык потерял свой престиж в Литве, ему, в том числе и вопросам культуры речи, уделяется гораздо меньше внимания. Как следствие этого ощущается падение уровня владения правильной, точной, чистой, богатой и выразительной русской речью. Прежде всего это связано с существованием и распространением в настоящее время двуязычия. Исторически отмечалось естественное влияние на русский язык контактирующих с ним языков: белорусского и польского как близкородственных. В меньшей степени наблюдалось влияние литовского языка. Сейчас это влияние усилилось, ибо увеличилась степень русско-литовского двуязычия, которое может стать предпосылкой для диглоссии. Причина — изучение литовского как государственного языка, закрепленное законом о языке.

Есть и экстралингвистические причины снижения уровня культуры русской речи. Это отъезд русских из Литвы — уменьшение числа говорящих по-русски, изменение социального состава русскоязычного населения, т.е. уменьшение числа русской интеллигенции, изменение статуса русского языка, вытеснение его из средств массовой информации и т.п.

С целью привлечения внимания к русскому языку и улучшения качества русской речи был проведен зачет по культуре речи для учителей русских школ, которые сдавали его, прослушав лекции, поработав в семинарах или подготовившись самостоятельно.

Встречи с учителями позволили экспериментальным путем исследовать речь учителей общеобразовательных школ с русским языком обучения и выявить некоторые причины, влияющие на качество речи.

Территориальная обусловленность такого исследования дала возможность сделать выводы о “благополучных” и “неблагополучных” регионах в плане культуры русской речи в Литве.

Учителям (за исключением специалистов русского языка) предлагался тест по “Культуре речи”, ориентированный, в основном, на правильность речи, т.е. на соблюдение норм современного русского литературного языка, выбор общепринятого варианта. Проверялось знание норм акцентологических, грамматических и лексических. Были предложены задания на по-

становку ударения, выбор нужного слова, подходящего варианта падежных окончаний, употребление грамматических форм и конструкций. Также в тест включались задания на употребление заимствованной лексики, слов-паронимов, на умение найти и исправить стилистическую ошибку в речи. В заданиях использовались примеры из устной и письменной речи учителей и школьников.

Результаты теста после первого предъявления не радовали, ошибок было много. Причем, в разных регионах Литвы результаты были неодинаковы. Хуже всех с тестом справились учителя Вильнюсского района, это в основном поляки, белорусы, литовцы. Очень большой разброс правильных и неправильных ответов у учителей Вильнюса, очень разных по своему национальному составу и образованию. Более или менее стабильно отвечали учителя Йонавы, Каунаса, Шяуляя, Клайпеды (20–30% неправильных ответов). Учителя в школах этих городов — местные русские или “пришельцы” послевоенного периода. Лучше всех с тестом справились учителя из Висагины, города атомщиков. В нем живут в основном русские, специалисты, приехавшие на строительство атомной электростанции и работающие там. Учителя в русских школах тоже в основном специалисты из российских вузов.

Ряд неправильных ответов в тесте отражает невладение нормами литературного языка в силу влияния просторечия, свойственного всем говорящим по-русски везде. Некоторые ошибки обусловлены территориально, они были допущены учителями преимущественно или только из одного региона. Таким образом, представилось возможным выделить 1) русскую речь Вильнюса и Вильнюсского района как наиболее засоренную и неправильную, 2) русскую речь Клайпеды, Каунаса, Шяуляя и других городов как относительно правильную и 3) русскую речь города Висагины как особую русскую речь в Литве.

Так учителя Вильнюса и Вильнюсского района нарушили нормы ударения в следующих словах: *баловаться, газопровод, договоры, свекла, средства, туфля, языковая политика*, что встречалось и в других группах, и в словах *похороны, сливовый, хозяева, наверное, подошва, департамент, филолог* — преимущественно только в данной группе. В Йонаве, Каунасе,

Шяуляе, Клайпеде процент ошибок был меньше, исключались ошибки в словах *департамент, филолог, наверное, подошва*. В Висагинасе учителя расставили ударение почти правильно. Встречались ошибки в словах *баловаться, договор/ы, газопровод* и отдельные ошибки в некоторых других словах. Особенно показателен пример с ошибочной постановкой ударения на корне в формах глаголов ж.р. прош.вр. от односложных инфинитивов — *она была, спала, пила, брала, поняла* и т.д. вместо ударного окончания.

В Висагинасе таких ошибок в речи не делают, в Вильнюсе они очень часты, а для Вильнюсского района это почти обязательная ошибка. Характерно и то, что в тесте ударение может быть поставлено правильно, но в устной речи учителя тут же произносили формы глаголов с ударением на корне.

В инфинитиве некоторых глаголов (*начать, начаться*), особенно отыменных (*укрупнить, облегчить*) в речи висагинцев, видимо, под влиянием русского просторечия, встречались ошибки. Для Вильнюсского района эта ошибка почти не характерна.

Грамматическая правильность речи выдержана у учителей из Висагинаса, которые справились с определением рода имен существительных, выбором вариантных окончаний (И.п. и Р.п. мн.ч.), образованием форм повелительного наклонения глаголов, употреблением числительных и образованием форм степеней сравнения прилагательных и наречий. В этих заданиях было зафиксировано лишь 2% ошибок. Неправильно был определен род существительных *толь, жалюзи*. В формах И.п. мн.ч. преобладало просторечное окончание *-а* вместо *-ы*: *договора, торта, шофера*. Можно считать это типично российской ошибкой, ибо в других регионах, особенно в Вильнюсе, ее не было. Редки были ошибки в образовании некоторых форм императива (*езжай, ложися*), в употреблении собирательных числительных (*двое дочерей, три штуки часов, пара брюк*). Типичной грамматической ошибкой для Висагинаса является также неправильное употребление предлогов в конструкции, отвечающей на вопрос *откуда?* — *с Москвы, с Ленинграда, с Омска, с Воронежа* вместо предлога *из*.

В данной группе не было ошибок на употребление причастий и деепричастий. Однозначно исправлялись ошибочные конструкции: *мне болит, мы двое, я сняла сон*.

Словообразовательные и лексические нормы в данной группе ответов представлены почти безошибочно. Однако и тут есть свои особенности. Так, правка конструкции *мне холодно в ноги* была произведена следующим образом — *у меня озябли ноги*. Глагол *озябнуть* не является употребительным в русском языке Литвы. А в конструкции *я ем ягоду / ягоды* висагинцы выбрали вариант с формой ед.числа, что не свойственно русскому языку в Литве. Видимо, в этом можно усмотреть влияние родного диалекта или просторечия.

Важно отметить еще одну деталь — синтаксическую конструкцию *Я имею 20 центов* или оборот *Я очень извиняюсь* почти не исправляли, видимо, из-за сильного местного влияния.

В самой слабой по уровню владения нормами русского литературного языка группе учителей Вильнюсского района, кроме уже упомянутых акцентуационных ошибок, были распространены и другие:

- 1) неправильно определялся род имен существительных *толь, тюль, рояль, картофель*;
- 2) неправильно образовывались формы повелительного наклонения глаголов — *ляжь, положьте, бежи*;
- 3) неправильно образовывались формы сравнительной степени прилагательных и наречий — *затемный, засладкий, замного*;
- 4) неправильно употреблялись предлоги — *на деревню, на Белоруссию, со школы, ушел с дома*.

Ошибки в словоупотреблении отмечались в словах *эта-ты* (лит. *etatai*) — *штаты, штатные еденицы, бурачки* — свекла и свекольник (*на первое ели бурачки со сметаной*). В целом тесты иногда насчитывали до 70 % ошибок.

Результаты тестов мы объясняем, прежде всего, человеческим фактором, т.е. различиями в социальном статусе и уровне образования тестируемых учителей.

Учителя, работающие в Висагинасе, в основном с родным русским языком (за очень небольшим исключением). Это русские люди, большей частью “пришельцы” нового времени или местные русские, возможно староверы Зарасайского и Игна-

линского районов. Кроме того, это люди, закончившие вузы в России (часто — престижные учебные заведения Москвы и Санкт-Петербурга), хорошо образованные, с хорошим представлением “языкового идеала”.

В Вильнюсе, и особенно в Вильнюсском районе, в русских школах работают учителя, для которых часто русский не является родным языком, но был освоен ими как престижный. Это поляки, белорусы, литовцы — билингвы или даже владеющие тремя языками, сосуществующими на данной территории. Также можно сказать, что это люди с плохим представлением “языкового идеала”, ибо они, как правило, не выходили за пределы данной языковой ситуации — здесь родились, всегда жили, получили образование и работу.

Таким образом, мы можем говорить о существовании разных видов русской речи в Литве и вслед за Н. Б. Мечковской [Мечковская 1994] использовать понятие “языковой сплав”, в котором можно выделить ареально-хронологические компоненты, т.е. следы ассимиляции языков.

Нам кажется, что русскую речь Вильнюсского района отличает субстрат — следы местного вытесненного языка в русском, ставшем языком всего смешавшегося населения данного ареала. Речь же Висагинаса обладает суперстратом — следами утраченного языка пришельцев, усвоивших местный язык, который стал, таким образом, языком коренного и пришлого населения этой местности.

Такого рода наблюдения выдвигают две задачи: 1) дальнейшего многостороннего исследования русского языка и речи различных социальных групп в разных регионах Литвы и 2) определения методики и содержания преподавания русского языка и культуры русской речи.

Данная статья не претендует на статус научного исследования, мы лишь обобщаем факты и определяем направление последующих лингвистических, социо- и психолингвистических изысканий.

Практически значимой для языка диаспоры является вторая задача. Она может быть решена путем целенаправленного и дифференцированного проведения работы по культуре русской речи. Особого внимания при этом требует культура речи учителя в русской школе как колыбели русской культуры и

духовности. Неправильная речь учителя порождает неправильную речь ученика. Ошибки в речи укореняются особенно прочно, если они исходят от учителя начальных классов. Также особое значение приобретают уроки государственного языка и языков иностранных, на которых через перевод и сопоставление закрепляются конструкции и модели родного языка. Поэтому очень важно, чтобы в русской школе был единый речевой режим: на этапе начального обучения; на уроках русской словесности; при обучении всем предметам и во внеклассной жизни школы. Русская школа должна стать естественной средой для функционирования литературного языка во всех его проявлениях.

ЛИТЕРАТУРА

- Пешковский А. М. 1956 — *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва.
- Мечковская Н. Б. 1994 — *Социальная лингвистика*. Москва.

СУМЕЕМ ЛИ МЫ ВОСПИТАТЬ ЛЮБОВЬ К РОДНОМУ (РУССКОМУ) ЯЗЫКУ?

Е. ГАВИНА

Спросите у школьников, какие уроки им нравятся больше других. Назовут историю, географию, ботанику. И почти никогда не скажут — русский язык. Конечно, урокам русского языка трудно соперничать с уроками истории, географии, ботаники. Значит, мы должны противопоставить им что-то более интересное, более постоянное — способность получать радость от открытия, радость ежедневного удивления “громадой”, название которой “русский язык”, способность развиваться через язык, речь. Русский язык нужен? Да, нужен. Грамотно писать необходимо. Но любить?! Как же так? Язык великого народа, язык, который может быть “нежным и громоподобным, взволнованным и строгим”, — и ...скучный. А ведь такое отношение возникает тогда, когда языку обучают формально, т.е. все его изучение сводится к механическому запоминанию суммы правил.

Низкий уровень грамотности учащихся, падение престижа образования и, как следствие, культуры в стране начинаются именно с того, что школьник не хочет учиться, не испытывает потребности к умственной духовной деятельности. Как поддерживать интерес к урокам русского языка?

Несомненно, учитель, воспитывая у детей интерес к своему предмету, должен опираться вначале не только на занимательность, но и на силу своего убеждения, на практическое значение знаний по русскому языку.

Слово учителя, если при этом авторитет учителя высок и между ним и детьми имеется контакт, действует глубже и зна-

чительно дольше. Однако влияние слова учителя сказывается на поддержании интереса до известного предела. Естественно, что за словом должны стоять личностные качества самого учителя, его знания, эрудиция, владение профессионально-методическими умениями. Учитель должен заражать ребят собственной увлеченностью, вдохновенно преподавать предмет, чтобы эта влюбленность в русский язык передалась и воспитанникам.

Состояние приподнятости, хорошего настроения на уроке создается целым рядом методов и приемов. Неприемлем на уроках родного языка сухой, канцелярский, скучный язык. Каждый свой урок начинаю обычно зарядкой. Зарядка может быть орфографической, фонетической или грамматической — это зависит от вопросов, которые будут поставлены при записи даты.

Зарядка для пятиклассников — словарно-орфографическая работа. Слово сопровождается четкими, продуманными записями в словарики. Ребята знакомятся с написанием слова, его этимологией (это особенно увлекает учащихся), подбирают однокоренные слова, производят словообразовательный анализ. Затем новые слова включаются во все тренировочные работы, предусмотренные планом урока, и таким образом проходят через сознание детей несколько раз, причем в разных формах, в разных контекстах.

Нестандартно начинаю новую трудовую неделю. На первом в неделю уроке, он приходится на понедельник, ребята рассказывают о том, что прочитали, посмотрели в театре, в кино или сочинили сами за прошедшую неделю.

Представленная после выходных дней возможность обмена информацией психологически оправдана. Кстати, для кого-то из учеников само существование такого урока может послужить стимулом к чтению.

А если школьники читают мало или вообще не читают, то можно начать неделю с обсуждения событий, происходящих в стране. Для этого я использую телевидение (информационные выпуски). Мне могут возразить, что школьники слушают информационные программы. Однако все обстоит иначе. Без целенаправленного руководства, без четких задач, стоящих пе-

ред учащимися, такие прослушивания превращаются в лучшем случае в пассивное восприятие слышимого и нередко не оставляют никакого следа в памяти ребенка. Задача состоит в том, чтобы научить школьников воспринимать звучащую речь, перерабатывать ее в сознании и воспроизводить устно или письменно. Информационные выпуски приобщают учащихся к большому миру, полному событий, постоянно изменяющемуся, совершенствующемуся.

Эта работа, как никакая другая, помогает отрабатывать программные требования, расширяет кругозор, вырабатывает умение разбираться в некоторых тонкостях звучащей речи, повышает у учащихся орфографическую культуру, так как они регулярно слышат, фиксируют и воспроизводят слова общественно-политической, научной лексики. В немалой степени повышается орфоэпическая культура школьников, развивается логическое мышление при анализе построения не только информационного выпуска, но и отдельных составляющих его частей. Происходит обучение составлению плана, задачей которого становится донести максимум информации в минимуме слов. Школьники учатся экономному использованию языковых средств. Учащиеся овладевают навыками слушания, восприятия и воспроизведения чужой речи, а не только речи учителя.

Развитие речи с использованием телепередач (информационные выпуски) приобретает более естественный характер.

Важной задачей урока русского языка было и остается объяснение нового материала. При изучении в VIII классе темы “Причастие как особая форма глагола” для того, чтобы учащиеся поняли эту трудную грамматическую категорию, ее “гибридность”, на первом уроке знакомлю ребят со всеми суффиксами причастий, рассказывая сказку. Объяснение нового материала на уроке всегда сопровождается краткими записями — “опорными конспектами”, часто в форме таблиц, схем. Записи при объяснении нового материала дисциплинируют мысль, помогают учащимся лучше запомнить теорию, быстро и точно схватить суть, служат подспорьем во время закрепления материала.

Чтобы вызвать у ребят интерес, чтобы трудное и скучное правило учебника воспринималось легко и с интересом, используя при изучении причастия идею Дугласа Хамблина — построение схемы “паучок” по типу логического дерева [Хамблин 1986: 88].

Выбирается “художник” и “диктор”. Диктор громко и медленно читает правило учебника.

Текст к нам приходит не сразу: слово за словом, предложение за предложением. Диктор посылает сигналы, по которым художник графически отображает правила учебника. Так получается опорная схема, которая дополняется примерами. Указывается синтаксическая роль причастия в предложении, приводится образец рассуждения. Графическая схема приобретает законченный вид. Построенная таким образом визуальнo-графическая схема дает наглядное представление о параграфе учебника. Ее построение по типу логического дерева вырабатывает у учащихся навыки самостоятельной работы с книгой.

Все краткие записи, таблицы, схемы, алгоритмы рассуждений заносятся в одну тетрадь.

Признавая целый ряд достоинств методики обучения русскому языку по опорным конспектам, необходимо выделить то, что, постоянно работая с опорными конспектами, дети полностью “раскрепощаются” (ведь всегда приходит на помощь справочная тетрадь: посмотрел и вспомнил, начал сомневаться — проверил). Даже слабые ученики начинают чувствовать себя на каком-то подъеме: они уверены в том, что не зря сидят на уроке, что способны разобраться в таком непростом русском языке. Они мыслят, активно работают; в классе устанавливается атмосфера взаимоподдержки и взаимопонимания. На этой основе вырабатывается и любовь к русскому языку, как к школьному предмету.

В шутливой стихотворной форме учащиеся знакомятся со многими трудными случаями написания.

*В трудном слове **рассчит**ать
Будем мы два с **пис**ать;
А в **рас**четливый, **рас**чет
Пишут только корень **-чет**-.*

Считалка, скороговорка, даже простая рифмовка не заучиваются специально, но тем не менее легко запоминаются, выполненные в цвете, где орфограмма выделяется ярко и броско, они обучают ребят еще и зрительно.

Приведу примеры таких рифмованных строчек, выполняющих мнемоническую роль на уроках русского языка:

*Шоколад, шофер, крыжовник,
Шов, шоссе, обжора, шорник,
Капюшон, жокей, чащоба,
Шорох, чопорный, трущоба.
О так сходно с калачом,
По нашим наблюдениям.
В окончаниях пишем О
Всегда под ударением.*

Любим мы и игры на уроках (“Бумеранг”, “Корректор”, “Чет-вертое лишнее”, “Вратарь”). Игры проводятся не для развлечения учащихся, а для закрепления умений и навыков, обеспечивают лучшее запоминание и прочное усвоение знаний. Игровые моменты вызывают интерес к уроку, делают умственную работу более продуктивной. У детей среднего возраста велика потребность в игре, она необходима им для развития воображения, инициативы, творчества.

При разборе слова по составу предлагаются игры типа “Угадай слово”, “Составь слово из морфем”. Напр.:

*В слове, которое мы ищем, приставка, как в глаголе **приходить**, корень взят у существительного **моряк**, суффикс и окончание у прилагательных **геройский** и **синий**. Какое слово получилось? /приморский/*

Все это помогает учащимся лучше усваивать материал, овладевать необходимыми умениями и навыками. Кроме того, игры, в составлении которых принимают участие и сами школьники, активизируют и мыслительную деятельность, будят творческую энергию.

“Разнообразие — добрый знак хорошего преподавания”, — говорил Буслаев. Нельзя забывать и о диктантах: орфографический, орфоэпический, пунктуационный, цифровой, диктант-соревнование.

В состав орфографического диктанта включаются:

1. орфографически трудные слова, написание которых можно подкрепить интересной этимологической справкой (*исподтишка* — результат сращения сложного предлога *изпод* с формой Р.п. ед.ч. от *тишок*, родственного словам *тишь*, *тихий*; слово *обаяние* состоит в родстве с *баять*, *басня*, *баюшки-баю* и первоначально значило ‘очаровывать словами’);
2. числительные в косвенных падежах (*встреча с шестьюстами юннатами*);
3. распространенные ошибки учеников класса (*юный*, *расчет*, *рассчитывать*) и др.

Орфоэпический диктант.

ОбеспЕчение — обеспЕчение, *тОртами* — тортАми, *нефтепрОвод* — нефтерПровод, [т’]ермин — [тэ]рмин, ску[шн]о — ску[чн]о, [шт]о — [чт]о.

Пунктуационный диктант.

И, взглядевшись в чертеж, понял: ошибся /шесть слов — четыре знака/; Книги, дружисе, как хороший сад, где все есть: и приятное, и полезное.

Цифровой диктант. Удобная форма работы. И читать можно что-нибудь хорошее (запомнится или памятью сердца, или “боковым сознанием”), и отработать навыки.

Развитию интереса способствует такая организация занятий, при которой детям приходится использовать свои жизненные наблюдения. Уроки развития речи. Каждый урок должен удовлетворять стремление ребенка к творчеству, желание выразить и раскрыть свою личность. Иными словами, необходимо как можно чаще давать ученику возможность побывать на позиции автора творческих работ, сочинений.

Развитие речи — это прежде всего выработка умения видеть, наблюдать, сопоставлять и сравнивать, осмысливать увиденное, думать, упорядочивать, систематизировать материал, то есть умение мыслить. Мудрое изречение древнего философа Декарта гласит: “Для того, чтобы совершенствовать ум, надо больше размышлять, чем заучивать”.

Учащиеся должны уметь выразить, передать определенное содержание точными яркими словами, правильными, емкими

конструкциями. Из всех качеств хорошей речи основными считаю те, без которых речь не достигает своей главной цели, то есть перестает быть надежным средством общения и воздействия. Такими качествами ее являются ясность и логичность, правильность, простота (но не упрощенность и примитивность, а точность и краткость изречений), уместность и самобытность. Указанные качества должны быть известны учащимся, с тем, чтобы постепенно осваивать их; работая над каждым очередным текстом, ученик должен стремиться выразить себя (такой путь не может не вызвать интереса к русскому языку: ведь для каждого человека, особенно для растущего, самое интересное в конечном счете — это он сам), свой образ мыслей, свое видение мира. Важны образы идеально построенной речи, видя которые ученик будет пытаться совершенствовать тексты, составленные им самим.

Создавая разнообразные тексты, учащиеся должны убедиться в том, насколько богат возможностями родной язык, как широк диапазон выбора в лексике и стилистике, морфологии и синтаксисе.

Особенно убеждает в этом сопоставление созданных учащимися текстов на одну и ту же тему. Для этого удобнее предлагать творческие работы малых форм. Возможно и сопоставление с миниатюрой художника слова.

Так, начальные строки многих миниатюр М. М. Пришвина могут дать толчок развитию творческой мысли учащихся при создании сочинений по данному началу: *“Все цветет...”*, *“Мне принесли белую водяную лилию...”*, *“Опять блистательное утро...”* и др.

Тематика сочинений может быть бесконечно разнообразна. Источник этого разнообразия — окружающая нас жизнь и внутренний мир каждого из нас, нравственные, философские, социальные проблемы прошлого и настоящего. Назову лишь несколько видов работ, которые делают уроки развития речи живыми: *Сочинение о любимом животном*; *Сочинение-пожелание*; *Фантазия-картина (описать словами картину, которой нет, которую видишь ты в своем воображении)*; *Мой дневник*; *Что бы я сделал, если бы все мог*; *Сочинение-продолжение написанного накануне изложения или диктанта*; *Сочи-*

нение-ассоциация по мотивам ранее написанного изложения или диктанта.

Надо учить ребят не только наблюдать, но и воображать и фантазировать, учить переживать, чувствовать и в речевой форме выражать свои чувства. Для человека важно, чтобы его грамотность обслуживала его собственную речь.

Однако культура речи — как устной, так и письменной — остается в школах недостаточно высокой. О низком уровне речевой культуры школьников свидетельствуют самые разнообразные ошибки, которые встречаются в классных и домашних сочинениях. Поэтому очень актуален для сегодняшней методики вопрос о приемах работы над предупреждением и исправлением речевых недочетов.

Одной из эффективных форм такой работы является пересказ художественных произведений: полный и краткий. Краткий помогает учащимся разобраться в содержании произведения, выделить в нем главное, (сжатое изложение: “Краткость — сестра таланта”, “Словам тесно, а мыслям просторно”).

Подробный пересказ дает возможность выделить целый ряд особенностей языка, стиля писателя.

Чтобы учащиеся глубже проникли в законы языка, чтобы их речь стала красивой, выразительной и яркой, можно использовать пересказ от лица одного из героев произведения. Форма устная и письменная (пересказ от лица Осипа; комедия Н. В. Гоголя “Ревизор”).

Эффективен путь, который предполагает самостоятельное осмысление ошибок учащимися. Вместо подчеркивания в этом случае необходимы особые замечания учителя, вскрывающие характер ошибки и помогающие учащимся исправить ее.

- 1) Отсылка ученика к словарю или справочному пособию.
- 2) Вопрос о значении слова, выражения.
- 3) Предложение, совет подобрать синоним к неправильно употребленному слову.
- 4) Наводящий вопрос, заставляющий подумать над значением слова и над синонимом к нему.
- 5) Замена слова или словосочетания (на полях).

Результативность различных видов работы во многом зависит от систематических специальных упражнений.

“По следам ошибок...” (на материалах сочинений и устных ответов): 1) индивидуальное задание по карточке (найти ошибку, исправить ее, записать правильно); 2) групповая работа с заданием записать предложение в исправленном виде. На каждый ряд дается лист бумаги с заданием: “Устранить стилистические ошибки в предложении”. Ученик записывает предложение в исправленном виде, в скобках указывая свою фамилию, а затем передает лист соседу.

К числу распространенных речевых недочетов относится однообразие, частое повторение без нужды какого-либо слова, выражения. Задача учителя показать, как разнообразен и богат язык великих русских поэтов и писателей.

Если уроки русского языка станут для каждого ребенка источником творческих сил, временем самовыражения и раскрытия своих эмоций, поисков ответов на волнующие вопросы, то проблема интереса к предмету отпадет сама собой, ибо реализация собственной личности приносит человеку настоящее удовлетворение.

Анализируя письменные работы, останавливаюсь на наиболее удачных моментах, обращая внимание на самостоятельность суждений автора, его искренность, своеобразие в построении и языке, на отдельные удачные фразы, слова, эпитеты. Как учила Е. И. Никитина, вначале отмечаю достоинства работы, а потом промахи и ошибки. Сочинения моих учеников глубоко индивидуальны, они — раскрытая душа ребенка, в них виден нравственный рост школьника, его литературное развитие.

Сумеет ли мы воспитать любовь к родному (русскому) языку?

Сумеет, если максимального будет использован потенциал каждого учителя: кто-то продолжит ежедневную работу с учебником, кто-то будет совмещать традиционные формы с новаторскими приемами, кто-то достигнет результата, идя своим собственным путем или используя элементы заинтересовавших его авторских методик.

Смысл работы учителя-словесника в том, чтобы каждый ученик овладел родным (русским) языком как средством устного и письменного общения. А для этого должны быть выполнены два главных условия, два слагаемых: творческий подход к делу со стороны учителя и интерес к изучаемому предмету у учащихся. Когда сегодня говорят о катастрофическом падении интереса к родному (русскому) языку как учебному предмету и сетуют на безграмотность (в широком — общекультурном и в узком — собственно орфографическом и пунктуационном смысле), то думается, что выход из этого положения — в освоении речевых богатств родного и литовского языков, в приобщении к культурному наследию своего и иных народов.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов М. Т., Ладыженская Т. А. и др. 1990 — *Методика преподавания русского языка*. Москва.
- Баранов М. Т. 1965 — *Пути развития у школьников V–VIII классов интереса к уроку русского языка*. Москва.
- Дейнекина А. Д. 1979 — Домашние задания по русскому языку. *Русский язык в школе*. № 2.
- Львов В. В. 1978 — Радио на уроках русского языка. *Урок русского языка на современном этапе*. Москва.
- Никитина Е. И. — *Уроки русского языка*. Москва.
- Подгаецкая И. М. — *Воспитание у учащихся интереса к изучению русского языка*. Москва.
- Хамблин Д. 1986 — *Формирование учебных навыков*. Москва.

РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СОДЕРЖАНИЕ ОБУЧЕНИЯ (Из опыта разработки учебно- методического комплекса)

Э. ГОРОХОВСКАЯ

Не будет преувеличением сказать, что сегодня развитие речи — то направление в обучении родному языку, которое привлекает наибольшее внимание методистов и учителей, в результате чего появляются как критические замечания по поводу сложившейся традиции, так и новые учебные материалы.

В Латвии сегодня используются учебник Е. И. Никитиной (Москва) и комплекс М. Гаврилиной, Е. Пиель (Рига). Эти источники предполагают обучение речи на уже традиционной лингвистической базе: функциональный стиль (книжный — разговорный), функциональный тип текста (повествование — описание — рассуждение), средства связи в тексте и т.д., при этом крайне редко работа обеспечивается коммуникативной мотивацией. В латвийском учебнике мы сталкиваемся или с речевой ситуацией, не обеспеченной формированием речевых навыков, или с предречевыми упражнениями, обеспечивающими отдельные речевые навыки, но не имеющими коммуникативной мотивации.

Умения связной речи в 60-е гг. сформулировала Т. А. Ладыженская, ей, несомненно, принадлежит заслуга внедрения развития речи как особого и приоритетного направления в школьном курсе русского языка. Следует отметить, что работы Т. А. Ладыженской учитываются и в тех пособиях, о которых речь шла выше.

Возродившаяся в 60-е гг. задача воспитывать “говорунов” привлекла к себе внимание возродившейся же психологии обучения. Первоначально этот подход (с позиции теории речевой деятельности, которая восходит к работам А. Н. Леонтье-

ва) определился применительно к обучению русскому языку как иностранному (А. А. Леонтьев, И. А. Зимняя и др.). С конца 70-х гг. стали появляться конкретные методические разработки для русской школы (В. И. Капинос, Т. А. Ладыженская, М. Р. Львова, А. Ю. Купалова и др.), в которых если не решался, то, по крайней мере, ставился вопрос о том, что содержанием обучения должна стать речевая деятельность и, соответственно, освоению подлежат все этапы речевого действия. Большую популярность в учительской среде получили разработки двух творческих групп: В. И. Капинос, Н. Н. Сергеева, М. С. Соловейчик и Г. Г. Граник, С. М. Бондаренко, Л. А. Концевая. Однако, как признают и упомянутые авторы, “полного и последовательного воплощения идей теории речевой деятельности методика пока еще предложить не может” [Русский язык 1992: 204].

С позиций теории речевой деятельности обучение необходимо обеспечить коммуникативной мотивацией и проводить в коммуникативных ситуациях. Это, пожалуй, главное, что дала психология в методику в теоретическом плане.

В методическом плане проблема развития речи решена в начальной школе и решена именно за счет того, что развитие речи — приоритетная задача курса литературы (см., напр.: [Кудина и др. 1993] — цикл разработан для I–V классов), сопутная практическая задача на уроках русского языка (общеклассная учебная дискуссия — основная форма в системе развивающего обучения, см. комплекс В. В. Репкина), в начальную школу с успехом вводится курс риторики.

Успехи работы по развитию речи в начальной школе определяются не только благодатностью возраста, но и тем, что предлагаемые виды работ (обсудить гипотезы, сочинить сказку, загадку, потешку...) вполне выдерживают критику с точки зрения теории речевой деятельности, поскольку конечный продукт всегда выступает в общественно значимой форме, — жанровой. Так, новые учебники по развитию речи под ред. Т. А. Ладыженской имеют подзаголовок “Школьная риторика” и предполагают освоение не только функциональных типов текста, но и речевых и художественных жанров.

Наш вариант решения обозначенной проблемы представлен в программе, опубликованной Министерством образования Латвии [Гороховская, Ковылина 1998], будет реализован в цикле учебно-методических пособий “От слова к слову”, час-

точно уже опубликованных [Гороховская 1998]. Обучение по экспериментальной программе ведется третий год в Даугавпилсской Русской гимназии учителями Н. П. Ковылиной и А. И. Пашкевич, обе в недавнем прошлом получили звание “Лучший учитель года” (конкурс проводится общественной организацией ЛАПРЯЛ).

При разработке комплекса по развитию речи для основной школы мы учитывали рекомендации теории речевой деятельности, преимущества деятельностного подхода к обучению и известные методические находки. Кроме того, мы исходили из концепции соотношения обучения и развития (Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов). Для нас главным было помнить о том, что ведущая деятельность подростка, основной смысл его жизни — общение, основное его занятие — обсуждение со сверстниками (а иногда и реализация) проектов переустройства жизни. Эта бурная деятельность редко нравится взрослым и явно мешает учебе. Мы стремимся найти содержание и формы работы, в которых возрастные особенности подростков помогают обучению.

Для этого необходимо решить следующие задачи:

- обеспечить работу по развитию речи адекватными для речевой деятельности и подросткового возраста формами — лично значимым общением в коммуникативных ситуациях;
- обеспечить формирование основных операций, входящих в речевую деятельность, в том числе ориентацию в коммуникативной ситуации;
- работу по формированию отдельных речевых умений подчинить задачам создания авторского высказывания;
- связать развитие ученика как читателя и как автора (проще и естественнее всего — через литературное творчество), для этого предложить учащимся освоение жанров и стилей, поскольку отсутствие работы с определенными жанрами, а также литературными и авторскими стилями приводит к тому, что между позицией читателя и позицией автора возникает непреодолимая пропасть;
- соотнести изучение лингвистики и анализ функционирования языковых значений в тексте.

Остановимся на отдельных положениях.

Итак, **литературное творчество, освоение жанров**. Сказка, благодаря Я. Проппу, — “открытый” жанр, мы знаем, как

она “делается”. Открытие технологии сказки дает возможность перейти от подражания к сознательному освоению жанра (следует, однако, заметить, что детские сказки — не обязательно сознательное пользование “технологией”, блестящие результаты можно получить и от подражания).

Какие жанры можно предложить подросткам для освоения? Мифы (в сравнении со сказкой), фольклорные мифы и авторские, легенды, притчи (на основе библейских и литературных, см. — Княжицкий 1994), басни. Мы можем предложить подросткам малые жанры, но нельзя “освоить” роман... Работая в малых формах, фрагментах и зарисовках, можно подражать не только Хармсу и Лиру, но и Пушкину, Лермонтову, Чехову, Толстому — то есть, подражать авторскому стилю.

Стилизация — посильный для подростков способ создания художественно значимых текстов — имеет много достоинств с точки зрения обучения: обеспечивает адекватную возрастным особенностям мотивацию (авторскую); предоставляет возможность в рамках решения авторских задач предлагать освоение всех речевых операций, связанных с созданием высказывания; мотивирует восприятие “исходного текста”, выполняет функцию контроля восприятия, т.е. помогает осознать степень понимания текста, актуализирует использование приемов, направленных на совершенствование понимания.

Кроме того, через подражание, освоение жанров и стилизацию проходит путь к самостоятельной читательской и авторской позиции.

В свою очередь, подготовка к стилизации — анализ текста и **изложение**. В изложении (как предречевом упражнении) содержание задано и внимание направлено прежде всего на сам процесс формулирования, на овладение нормами литературного языка, возможно, на способы выполнить требования коммуникативной целесообразности, на жанровые особенности и т.д.

Изложение должно быть представлено учителем и принято учеником как учебная работа, подготавливающая к самостоятельному творчеству. Внимание к освоению средств выражения может мотивироваться только позицией автора. А такая позиция предполагает особый подход к тексту, это не пересказ, а целенаправленное освоение средств, выделенных в результате анализа, который должен быть обеспечен как литературоведческим, так и лингвистическим инструментарием.

Если традиционно предлагаемые тексты для изложений в основном подбираются в соответствии с задачей освоить функциональный тип речи, функциональный стиль, см., напр. [Сборник текстов 1991], то при подготовке к стилизации нас интересуют жанровые особенности и индивидуальный авторский стиль, который становится предметом освоения, наряду с функциональным стилем, типом и т.д.

Сочинения на литературную тему. Текст, построенный как рассуждение — основной “жанр” в школе. В следующих пособиях цикла (VII–IX классы) предполагается представить ученикам для освоения такие жанровые формы, как литературная критика (задача: призвать к гражданской активности в определенном направлении), литературоведческая статья (выявить своеобразие и определить место произведения или творчества автора в литературном процессе), литературоведческое эссе (утвердить ценность нравственной и эстетической позиции писателя и автора эссе).

В V классе начинается работа по освоению навыков, необходимых для написания сочинения-рассуждения на литературную тему (напр.: *Легенда о Рогатой матери-оленихе, отзыв о произведении одноклассника*). Освоение литературоведческих жанров — дело будущего.

На сегодняшний день уже закончены и используются в экспериментальном обучении пособия для V и VI классов, и мы можем предложить для обсуждения не только общие положения, но и способы их реализации.

Работа в V классе построена на фрагментах из нескольких произведений: “Дельфиниада” С. Кирсанова, “Маугли” Р. Киплинга, легенда о маралихе из “Белого парохода” Ч. Айтматова. Ни одно из этих произведений не входит в действующую программу по литературе. Все это — “произведения о животных”, но выбор именно этих текстов объясняется прежде всего тем, что каждое из них предлагает нравственную концепцию человеческого общества. Именно это дало нам возможность смоделировать несколько значимых для подростков коммуникативных ситуаций, которые являются стержнем (мотивом) всей учебной работы. Как проектные, как авторские (самостоятельно задуманные, спланированные и исполненные) должны предстать задачи:

- подготовиться к дебатам в защиту животных — сквозная задача всей работы по данному пособию, непосредственная

задача тем “Дельфины”, “Кто выскажется за детеныша?”, “Легенда о маралихе”;

- “вписать” свою главу в “Маугли”;
- разработать план боевых действий и “принять участие” в битве с Бандар-Логами;
- выработать Законы класса;
- сочинить стилизацию этнологического мифа.

Рабочее название пособия для VI класса “Стиль — это человек...”. Подбор произведений определялся общей задачей: освоить языковые и жанровые стилистические средства. Кроме упомянутого, для VI класса (в соответствии с нашей программой) предназначено пособие “Читатель стиха — артист!” Здесь мы “зашли на чужую территорию”, предлагая работу над лирическими произведениями, но при этом не пытаясь согласовать ее с программой по литературе. Этому есть несколько причин, но главная состоит в том, что, по нашему убеждению, работа над художественным произведением в курсе развития речи имеет собственные цели. Несомненно, эти цели могут быть поставлены и перед курсом литературы, см., напр.: [Княжицкий и др. 1992]. Наше пособие предлагает формы и принципы работы, которые могут быть распространены и на другой материал.

Анализ текста как учебное действие не может иметь единственным своим содержанием раскрытие эстетической функции элементов текста, он должен, на наш взгляд, ставить своей конечной целью не только углубление понимания текста, но и развитие способности строить собственные тексты. Эти две задачи, по-видимому, предполагают противоположные подходы к тексту: один выявляет особенность, уникальность данного текста (понимание), другой — его типичность, выявление общих закономерностей (умение строить текст).

Задачи, которые предполагалось решить при создании учебного пособия “Читатель стиха — артист!”, можно определить следующим образом:

- обеспечить ориентацию читателя художественной литературы (лирики);
- предложить формы работы с художественным произведением, развивающие воображение и интуицию читателя: способность прогнозировать (предугадывать) тему, основную мысль, цель, продолжение;

- вооружить читателя приемами анализа текста, обеспечивающими понимание;
- разработать формы контроля восприятия (степень понимания), которые одновременно могут обеспечить мотивацию для создания высказывания.

Первая глава (Зачем нужно искусство?) призвана обеспечить ориентировку читателя, осознание своей коммуникативной задачи (*о чем? кому? зачем?*).

Вопрос “Что такое искусство?” рассматривается в ракурсе психологии восприятия (Л. С. Выготский). Материал представлен таким образом, чтобы тезисы были естественным выводом из ответов учеников на поставленные вопросы и из примеров (стихов). Результат работы — высказывание учеников на тему “Зачем нужно искусство?”, предполагает наличие умения и смелости рассуждать о философских, психологических проблемах искусства на основе вкусовых оценок. Именно поэтому для первой главы подбирались прежде всего эмоционально заразные стихи (“Баллада о барабанщике” И. Сельвинского, “Девушка пела в церковном хоре...” А. Блока, “Баллада о борьбе” В. Высоцкого, “Я вас любил: любовь еще, быть может...” А. Пушкина, “Эвридика” А. Тарковского).

Материал рубрики “Обрати внимание” (речевые клише, связанные с темой) призван оказать помощь в формулировании своих впечатлений и мыслей на первом этапе работы, постепенно материал рубрики в пособии сокращается, его дополняют находками из сочинений учеников. Усложнению заданий соответствует и чередование форм работы: первый отзыв о стихотворении составляется всем классом под руководством учителя с использованием как можно большего количества клише, далее — по группам и наконец — индивидуально.

Во второй главе (“Эстетический материал. О чем?”) предлагается использовать такие способы анализа текста, которые опираются прежде всего на интуицию и фантазию, назовем их “ненаучными”.

а) Прогнозирующее чтение как прием обучения описано в работах Г. Г. Граник, С. М. Бондаренко, Л. А. Концевой [Граник и др. 1995: 43–58]. Этот прием дает возможность обнаружить концептуальную информацию, поскольку авторская концепция проявляется как изначально непрогнозируемая информация [Гальперин 1984: 28, 38].

В нашем случае (“Волшебный корабль” М. Ю. Лермонтова) прогнозирующее чтение (анализ неоправдавшихся прогнозов) выводит учеников на основную идею автора. Это возможно далеко не на всяком материале. Однако прогнозирование образной конструкции, эпитета, рифмы — хороший прием для развития читательской интуиции.

б). **“Вопросы к подтексту”** (“Движение” Н. Заболоцкого). Представляется очень эффективным для формирования грамотного читателя, учит отвечать на вопросы и задавать “вопросы к подтексту”, выявляя тем самым те образные ассоциации, которые возникают, должны или могут возникнуть у читателя. Поскольку ассоциации у каждого читателя индивидуальны, интересно и полезно будет сравнить возникающие вопросы и ответы, выяснить их адекватность тексту.

в). **Актуализация образных представлений.** Если мы имеем дело с описательной лирикой или же стихотворения содержат описательные фрагменты, “вопросы к подтексту” можно и нужно объединить с заданием нарисовать (изобразить схематически) то, что можно увидеть. Часто в результате использования такого приема мы можем получить модель мира поэта (стихотворения). Именно так представлена работа со стихотворением Н. Заболоцкого “Меркнут знаки Зодиака”.

г). **Как запомнить стихотворение?** Способом проникновения в мир текста может стать и такое прагматическое задание, как “найти приемы запоминания” (Б. Пастернак “Снег идет”). Как и предыдущий вид работы, этот определяет большую свободу предложений, больше вариантов восприятия текста и приводит к тем же результатам, которых мы ожидаем, предлагая ответить на вопросы “О чем это стихотворение?”, “Что хотел сказать автор?”

В третьей главе (“Лирический герой. Как?”) переходим к рассмотрению средств создания лирического произведения. Ученикам предлагается освоить такие действия, как определение и формулирование точки зрения субъекта речи в художественном произведении, выявление позиции автора, концептуальной информации, конструкции и смысловой нагрузки аллегорического, метафорического и символического образа.

Точка зрения повествователя (носителя речи) — одна из центральных категорий в литературе, это ключ к пониманию художественного произведения. Ученикам предлагается сде-

лать двойной “перевод”: нарисовать или обозначить схематически свои зрительные ассоциации по поводу стихотворения и объяснить свой рисунок (опоры даются в разделе “Обрати внимание”).

Использование термина *лирический герой* при анализе лирики чувства или лирики мысли не представляет особых трудностей, поэтому в данном разделе использованы произведения, относящиеся к так называемой описательной лирике (“Лисица”, “Песнь о собаке” С. Есенина, “Жираф”, “Крыса”, “Лесной пожар” Н. Гумилева), в которой образные картины играют подчиненную роль, главное — то эмоциональное переживание, которое передается этой картиной.

Работа по данному разделу завершается письменным отзывом о стихотворении.

Дальнейшая работа (Глава 4. “Единственно нужное размещение единственно нужных слов”) направлена на поиск секретов поэзии (“Творчество” А. Ахматовой, отрывок из “Шестой заповеди” С. Кирсанова, “К Блоку” М. Цветаевой, “Она пришла с мороза...” А. Блока, “А вы могли бы?..” В. Маяковского), каждый из “секретов” (рифмовка, ритм, образность) предлагается освоить. Первым шагом на пути к собственному художественному тексту является подражание (для подражания предлагаются “Иван Топорышкин” Д. Хармса, лирики Э. Лира, “Сонет” И. Сельвинского). Результатом работы должны стать не высокохудожественные произведения (что тоже не исключено), а рост компетентности читателя, способного сформулировать свое восприятие текста.

При разработке пятой главы (“Образ в слове”) концептуально важны были два источника: [Лосев 1982: 408–452; Арутюнова 1976: 93–111].

Именно в этой главе, как нам кажется, особенно явственно ощущается “пафос” всей работы: соединить, слить изучение литературы, языка и развитие речи. Задания, направленные на анализ лексического значения (определение способа переноса, “оживление метафоры”, выявление образной конструкции несвободных словосочетаний), сменяются творческими (создание миниатюр, основанных на игре языковыми ассоциациями, “оживлении” мертвых метафор), после чего ученик-читатель переходит на новый виток в своем развитии (анализ стихотворений с привлечением языковых и общепоэтических ассоциа-

ций) — это дает возможность объединить в сознании учеников поэтичность русского языка с языком русской поэзии.

Помимо профессионального интереса, толкающего нас к попытке решить сложную задачу, наша работа над учебно-методическим комплексом по развитию речи мотивируется желанием не допустить превращения русского языка диаспоры в “эмигрантский русский”.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. 1976 — *Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы*. Москва.
- Гальперин И. Р. 1984 — *Текст как объект лингвистического исследования*. Москва.
- Гороховская Э. М., Ковылина Н. П. 1998 — *Язык и речь. Программа для основной школы с русским языком обучения*. Рига.
- Гороховская Э. 1998 — *От слова к слову. Часть 1. “Читатель стиха — артист!”: Практикум по развитию речи для основной школы*. Рига.
- Граник Г. Г., Бондаренко С. М., Концевая Л. А. 1995 — *Как учить работать с книгой*. Москва.
- Капинос В. И., Сергеева Н. Н., Соловейчик М. С. 1991 — *Развитие речи: теория и практика обучения*. Москва.
- Кудина Г. Н., Новлянская З. Н. 1993 — *Литература как предмет эстетического цикла: Методическое пособие. Третий класс*. Москва.
- Княжицкий А. И., Абелюк Е. С., Блюмина З. А. 1992 — *Программа школьного литературного образования. Учительская газета. № 18–21*.
- Княжицкий А. И. 1994 — *Притчи. Учебная книга. VII–XII кл.* Москва.
- Лосев А. Ф. 1982 — *Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию*. Москва.
- Русский язык 1992 — *Русский язык в начальных классах: Теория и практика обучения*. Под ред. М. С. Соловейчик.
- Сборник текстов 1991 — В. И. Капинос, Н. Н. Сергеева, М. С. Соловейчик, Л. Л. Новоселова. *Сборник текстов для изложений с лингвистическим анализом: 5–9 кл. Книга для учителя*. Москва.

КУЛЬТУРНО-ИНТЕГРИРУЮЩАЯ РОЛЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В УСЛОВИЯХ ДИАСПОРЫ

А. КОВТУН

В преподавании русской литературы всегда сохранялась связь различных литературоведческих концепций с экстралитературными факторами, реальным состоянием общества, его способностью адекватно или неадекватно воспринимать предложенные интерпретации. Это положение особенно актуально для диаспоры. Русская литература в условиях диаспоры еще не стала “другой”, но уже приобретает некоторые признаки “другости”. Сегодня в русской диаспоре Литвы происходит смена культурной парадигмы, сформировавшейся после Второй мировой войны, но еще хранившей классические традиции, на парадигму новейшего времени. Этот сложный процесс требует многоаспектного анализа.

Под понятием парадигмы мы подразумеваем то, что объединяет членов научного сообщества, находит свое воплощение в учебниках или трудах ученых и на многие годы определяет круг проблем и методы их решений. Смена парадигмы, как известно, диктуется не столько логическими, сколько ценностными соображениями. Русская ментальность, — по мысли русской философии и литературы, основанная на загадочности, непонятости русской души, связанная с постоянным спором западников и славянофилов, — в условиях диаспоры исчезает со значительным ускорением. Труды Льва Платоновича Карсавина о евразийстве указали на первые знаки приближающейся катастрофы русской ментальности “вне почвы и судьбы”. Актуальной остается мысль, высказанная в начале XX в. В. Розановым: “Идея искусственного человека, образо-

ванного вне естественных исторических сил и вне какой-либо веры своего века и своего народа, удивительным образом увлекла за собой все народы Европы. <...> И между тем немного еще времени прошло, как появившиеся во множестве тени без лиц, которые невозможно любить, которым невозможно что-либо передать, которые бродят по лицу Европы без родины, без религии, без семьи, поражают ужасом всех, кто, не щадя усилий и не останавливаясь перед заклинаниями, так недавно вызывал их" [Розанов 1990: 86].

Вопрос, можно ли сегодня преодолеть этот духовный апокалипсис с помощью высшей духовности — литературы, остается риторическим. Приходится констатировать, что культура диаспоры маргинализируется. В начале XX в. образованные русскоязычные жители Литвы продолжали традиции русской дворянской и радикальной культуры, редко крестьянской культуры. В советское время культура становится маргинальной. После Второй мировой войны состав русскоязычной диаспоры значительно изменяется и опрощается. Культура была ориентирована на общепринятые идеологизированные этические и эстетические ценности. Формирование новой культурной парадигмы, как показывает опыт истории, требует длительного времени. В диаспоре чрезвычайно важной становится культурно-интегрирующая роль русской литературы. Чтобы выполнить эту функцию, новая парадигма истории русской литературы нуждается в своих критериях, оценках, системе, гармонизированной на основе объективных условий.

В диаспоре Литвы можно говорить о сложившейся традиции преподавания русской литературы. На протяжении десятилетий и даже нескольких веков Литва терпимо и внимательно относится к народам, в силу исторических закономерностей живущих и хранящих свои традиции на ее территории. Причем это внимание никогда не носило характера наблюдения над этнокультурной экзотикой. Между культурами народов, живущих в Литве, сложились традиционные связи, обогащающие самосознание каждой из них. Гимназическое и университетское образование в Литве с начала XX в. до наших дней уделяет русской литературе особое внимание. Сохранившиеся архивные документы, высказывания в периодических изданиях, замечания авторов в статьях о проблемах образования в

Литовской республике приводят к мысли о гуманизированном направлении общеобразовательной концепции как традиционном с начала XX в. Гуманизацию следует и можно воспринимать как приоритетное направление при формировании образовательной концепции русскоязычных жителей Литвы. И сам русский язык определяет необходимость сохранения русской культуры. Тут следует напомнить мысль В. Розанова о том, что “создание человека вне духа своей культуры, синтетически собранного из элементов всех цивилизаций, есть идея крайне искусственная” [Розанов 1990: 23].

Гуманизированное направление образования должно ориентироваться на гуманитарные компоненты освоения русской культуры в контексте мировой и тесном сотрудничестве с литовской культурой. Русская школа в Литве призвана создавать поле для понимания и творческого развития и русской, и литовской культуры. Уместно вспомнить слова Иосифа Бродского: “За равнодушие к культуре общество прежде всего гражданскими свободами расплачивается. Сужение культурного кругозора — мать сужения кругозора политического. Ничто так не мостит дорогу тирании, как культурная самокастрация. Когда начинают потом рубить головы — это даже логично” [Бродский 1997: 41].

“Общим местом” при обсуждении культурно-интегрирующей роли русской литературы становится разрешение противоречия в подходах: идеологическая дидактика или профессиональная рефлексия. В условиях нашей диаспоры это противоречие может быть разрешено через обращение к традиции. В русской традиции бесспорны платонические и неоплатонические корни гуманитарных наук. Эта традиция опирается на метафоричность, ассоциацию, творческий диалог, пробуждение глубинной памяти. Активизация памяти и ощущений апеллирует к сознанию. По признанию русской философии, в православной традиции идея принимает форму образа (эйдоса), выходит за формально-логические пределы. Эйдологическое сознание свойственно русской литературе, философии, истории. Литовская традиция более склонна к аристотелевскому направлению, проявляющемуся в большей рассудочности, некоторой рациональности, ясности и разумности изложения. Таким образом, методология концепции преподавания

русской литературы может быть обогащена обеими плодотворными традициями.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что русская культура всегда была открытой. Как и европейская культура, русская культура, несмотря на секуляризацию, начавшуюся во второй половине XVIII в., была связана с христианством. Однако долгие десятилетия русская школа Литвы была отлучена от столь важного как для русской, так и для любой другой культуры текста, как Библия. Зачастую христианство с его аскетизмом, мистическим духом, спекулятивной интуицией уже ничего не говорит ни сердцу, ни уму современного образованного молодого человека. В условиях диаспоры, объединенной русским языком, но не всегда в христианстве, проблема изучения Библии становится культурологической. Возможно включить изучение Библии как текста в преподавание русской литературы. В силу специфики ситуации Библия может быть рассмотрена как основа современной дискурсивности, с подчеркиванием мысли, что вся человеческая культура находится в тени этой великой книги.

Различные культурные ареалы выработали свои традиции чтения. В России ментальность нескольких поколений формировалась на развитой традиции чтения. В книгах искали ответы на самые актуальные вопросы времени. Эта черта русского сознания требует отдельной дискуссии. Однако и в современных молодых людях следовало бы сохранить чувство живого общения с книгой, восприятия ее как союза или столкновения с автором в творческом диалоге. Чтение и сегодня должно восприниматься как оттачивание мысли, как радостное открытие мира через общение с развитым и мудрым собеседником. В подборе книг для чтения как нельзя более полно раскрывается личность, ее темперамент и интересы. В условиях диаспоры на этот выбор влияет и среда. Чтение напрямую начинает зависеть от доступности книги. С сожалением следует заметить, что это обстоятельство в некоторой степени влияет и на методологию литературоведческих исследований. Ограниченность доступа к новейшим теориям определяет излишнюю увлеченность несколько устаревшими на Западе и в российских научных центрах идеями. А это уже определенная интеллектуальная провинциальность.

Создание новой культурной парадигмы применительно к истории русской литературы в условиях диаспоры может открыть возможности для последовательного и разностороннего обновления личности. Но встает вопрос, как объединить в органичной системе образовательные, культурологические, этнокультурные и, главное, гуманистические аспекты. Ученик русской школы в Литве лишен непосредственного русского архитектурного, музыкального, театрального культурного контекста. Духовное и нравственное обновление в специфических условиях диаспоры накладывает особые обязательства именно на русскую словесность. Духовная жизнь народа цельна, поэтому невозможно ограничиваться в древнерусской литературе только изучением “Слова о полку Игореве”. Разделение литературы на старую и новую в предыдущие десятилетия, акцентирование внимания на новой литературе послепетровского времени было связано со стремлением умалить, а затем и дискредитировать роль православия в жизни России. Именно русская словесность X–XVII вв. позволяет приблизиться к истокам. Историко-культурный срез древнерусской литературы позволит осветить время и проблемы русского средневековья, духовные возможности русского человека. Знакомство с первоисточниками — летописями, грамотами, агиографической литературой — разовьет уважение к Слову. В русской школе Литвы национальный состав учащихся очень разнообразен. Обращение к древнерусской литературе, которая по сути была литературой трех этнических групп — русских, украинцев и белорусов, а также включала в себя тексты из Библии, предания о татарах, балтах и других народах, подтвердит представление об открытости русской культуры.

Проблема изучения русской литературы в условиях диаспоры гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Отсутствие общекультурного исторического контекста налагает на нее особые обязательства. Современное литературоведение ориентируется на исследование процессов апории культуры и, прежде всего, отношений культуры и жизни. Культура амбивалентна. В ней диалектически соединяются два начала — элитарное и эгалитарное. Оба эти потока сосуществуют органически. Г. Кнабе замечает: «постоянное ощущение текущей рядом простой, неорганизованной жизни, ощущение

внутренней связи с ней, антагонической и неразрывной, необходимости преодолевать свою высокую замкнутость и открываться страданиям и радостям “человека с улицы” всегда было глубинным инстинктом культуры...» [Кнабе 1993: 26]. В условиях диаспоры существует постоянная опасность сдвига в сторону изучения элитарной культуры как более яркой, иногда более зрелой. Однако главными действующими лицами русской истории всегда были Жизнь и Культура. Это обстоятельство позволяет выделить несколько аспектов изучения литературы вне коренного исторического контекста.

Во-первых, это рассмотрение экстралитературных факторов. Каждое литературное произведение возникает на напластовании многочисленных и разнородных материалов. Характер любого произведения определяется историческим временем, особенностями страны, национальным своеобразием, индивидуальностью художника, общими законами языка в целом и национального языка в определенную эпоху. Изучение “почвы” художественного творчества, исследование всех внешних феноменов занимают в преподавании русской литературы в нерусском окружении громадное место. Это оправдано прежде всего потому, что позволяет рассмотреть внешние моменты — историю, жизнь создателя в тот или иной период развития России, воздействие философского и социального контекста и т.д. Комментирование, без которого в любых обстоятельствах произведение будет воспринято поверхностно, односторонне, в условиях диаспоры следует, вероятно, проводить на основе библиографических материалов, освещения эпохи, писательского окружения, живых деталей быта, социальных сведений.

Во-вторых, это отбор литературного произведения для анализа. Вся русская литература — необозримый океан. Следует ли рассматривать только образцы высокой литературы или можно привлекать совершенно незначительные с эстетической точки зрения произведения? К примеру, важны ли для изучения произведения с незначительным художественным коэффициентом, но имеющие историческую ценность? Изучение таких произведений обязательно в любой обучающей системе. Но если преследуется цель создания новой культурной парадигмы в условиях изоляции от исторической культуры, то

важно любое произведение как свидетельство эпохи, картина ушедшего быта, воплощение даже одной идеи своего времени. Например, самые посредственные оды XVIII в. интересны тем, что резко, обнаженно, непосредственно показывают психологию своего века — ее наивную помпезность, грациозность, насыщенную галантность. Высокие образцы жанра не столь историчны, сколь универсальны. Важно привлечь к анализу даже заурядные “физиологические очерки” 1840-х гг., которые в мелких, иногда не очень привлекательных подробностях передают давно ушедший быт. Эти произведения подсвечивают русскую классику живой бытовой мелочью, помогут создать фон, ощущение времени, которое в российской школе создается посещением этнографического или исторического музея, театра. Эти произведения иногда не заслуживают интереса сами по себе, но они могут иметь огромное значение для исследования многообразных сторон общества, его быта, нравов, психологии, идеологии, истории литературы. И время вносит свои коррективы. Так, А. С. Пушкин замечает о поэзии батюшковской школы: “не мешало бы нашим молодым поэтам иметь сумму идей гораздо позначительнее, чем у них обыкновенно водится. С воспоминаниями о протекшей юности литература далеко ли продвинется” [Пушкин 1954: 21]. А через почти два столетия в разговоре с Иосифом Бродским Соломон Волков признается, что в Нью-Йорке он два-три раза в год перечитывает Голенищева-Кутузова. И Бродский замечает, что среди фигур “второго ряда” были совершенно замечательные личности. Он вспоминает Батюшкова, Катенина, Вяземского: “Ничего более пронзительного про треугольник любовный ни у кого нет. Посмотрите уж, как гудзонские закаты под Катенина ложатся” [Бродский 1997: 40]. Культура постоянно перестраивается под знаком времени.

Образовательная гимназическая концепция русского населения Литвы, основываясь на изучении греко-римской античности, уделяла внимание и европейской современности, и Литве. При формировании новой культурной парадигмы диаспоры непрямым условием должна быть диффузия русской и литовской культуры. В широком контексте должны быть использованы труды литовских ученых в сфере критики, публицистики, их философские, религиозно-нравственные,

конкретно-научные идеи, эстетические концепции. Эти труды будут способствовать формированию адекватного культурного сознания диаспоры. Богатым материалом может послужить русская литература, которая исследовалась в Литве на протяжении всего XX в. В последние годы возвращены к жизни различные архивные документы, забытые научные труды, рукописи, учебники. Порой они содержат россыпи сокровищ для внимательного взгляда филолога. Полнокровным примером может быть книга классика литовской литературы, филолога, критика Балиса Сруоги “История русской литературы”. Учебник издан на литовском языке [Sruoga 1931, 1933]. Книгу отличает строгая композиция. Четко охарактеризованы литературные направления — ранний и поздний классицизм, сентиментализм, романтизм. Автор уделяет внимание историческому контексту. История классического периода русской литературы рассматривается как непрерывный процесс. Используя методологию психологического направления, Сруога рассматривает художественные образы в органической связи с личностью художника, эмоциональной, мыслительной деятельностью. Балис Сруога, получивший образование в Санкт-Петербурге, сохраняет в своем исследовании традиции академического литературоведения. Написанная в Литве в трагические для русской культуры тридцатые годы книга остается свободной от ограничений “филологов в штатском”. В книге сохранилась живая аналитическая мысль, протянувшаяся из русского академического литературоведения. Вместе с тем она является классическим исследованием, богатым проверенным материалом, концептуальным, талантливым. И для своего времени, и для современности учебник Балиса Сруоги имеет огромное положительное значение. И сегодня это единственное академическое пособие по русской литературе на литовском языке. Другим примером могут быть труды всемирно известного литовского слависта Томаса Венцловы. Русская литература — объект его академических интересов. Автор надеется, что его книга “Собеседники на пиру” [Венцлова 1997] будет способствовать продолжению и развитию солидной традиции литовской русистики. Действительно, исследование Томаса Венцловы явилось событием литературной жизни Литвы. Автор обращается и к классике, и к ушедшим из поля зрения со-

временной критики произведениям. Философское синтагматическое осознание мира, тонкая ассоциативность, интертекстуальный анализ, основанный на энциклопедической эрудиции, делает книгу крайне необходимой для читателей диаспоры, уже ощущающих дистанцию с новейшими методологиями литературоведения.

Прекрасным примером одного из аспектов культурно-интегрирующей роли русской литературы может быть книга “Русская литература в Литве XIV–XX вв.” [Русская литература 1998]. Как отмечают составители, эта необычная книга репрезентирует русскую литературу Литвы в ее семивековой истории. Цель книги — представить русскую литературу в духовной полифонии культуры Литовского государства. Литературная карта прочерчена точно и концептуально. В динамической цельности представлены отдельные традиции русской литературы Литвы и Литва в русской литературе. Книгу следует приветствовать как первое очень удачное творческое решение культурно-интегрирующей задачи русской литературы в диаспоре Литвы.

Итак, формирование новой культурной парадигмы не мыслится без русской литературы, призванной создать контекст, основанный на знании русских, литовских и европейских “высоких” литературных текстов, истории, культуры, религиозных традиций. Эта цель и определяет важность культурно-интегрирующей роли русской литературы в условиях диаспоры.

ЛИТЕРАТУРА

- Бродский 1997 — Бродский о Цветаевой: интервью, эссе. Москва.
Венцлова Т. 1997 — *Собеседники на пиру*. Вильнюс.
Кнабе Г. С. 1993 — *Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима*. Москва.
Пушкин А. С. 1954 — *Полн. собр. соч. В 16 т.* Т. 11. Москва.
Розанов 1990 — Розанов В. В. *Сумерки просвещения*. Москва.
Русская литература 1998 — *Русская литература в Литве XIV–XX вв. Хрестоматия*. Вильнюс.
Sruoga B. 1931, 1933 — *Rusų literatūros istorija*. Kaunas. Т. 1. 1931. Т. 2. 1933.

ДИАСПОРА: СОДЕРЖАНИЕ ОБУЧЕНИЯ РОДНОМУ ЯЗЫКУ

Ж. ЛЕЧИЦКАЯ

Обращение к комплексу проблем преподавания русского языка в русских школах Литвы требует конкретизации их в условиях диаспоры. В настоящее время педагогическая наука активно дискутирует по поводу понятия и понимания национальной школы. Рождается совсем иное представление о школе, иные педагогические установки [Данилюк 1997]. Вместе с тем мало уделяется внимания вопросам обучения учащихся родному языку и перспектив образования в условиях диаспоры.

В современной педагогике складывается концепция национальной школы как гуманитарного комплекса системы школьного образования, выполняющего социально значимую функцию освоения учащимися национальной культуры и создающего необходимые дидактические условия для понимания и творческого развития этой культуры [Валицкая 1997: 7].

В соответствии с данным определением в систему национального образования не входят естественнонаучные дисциплины, как например, физика, математика, химия и т.п. Это вненациональный компонент образования, не зависящий ни от национальной, ни от религиозной принадлежности.

Основу национального образования составляют гуманитарные дисциплины, например, история, родной язык и литература. В них концентрируется основа, самая сущность национальной культуры. В процессе обучения в системе основных гуманитарных дисциплин происходит передача духовных традиций от поколения к поколению. Без этого не может утвердиться и существовать ни нация, ни культура.

Таким образом, национальная школа — это в основном система гуманитарных дисциплин, воссоздающая национальную культуру.

Сказанное определяет актуальность разработки концепции гуманитарного образования в русской школе в условиях диаспоры, обоснования путей обновления и развития языкового и литературного образования как одних из самых важных составляющих гуманитарного образования.

В современной системе преподавания языковедческих и литературоведческих дисциплин начали формироваться новые подходы к определению целей и принципов обучения, появились новые интегративные курсы, например, риторика. Вместе с тем в преподавании данных дисциплин недостаточно реализуется широкий филологический подход, предполагающий духовное развитие личности школьника, знание родного языка и литературы, формирование национального самосознания, глубокое приобщение к родной и открытость для восприятия иных культур. Пока еще не скоординированы цели языкового и литературного образования в условиях диаспоры, отсутствует их содержательная согласованность и преемственность, недостаточно взаимосвязано преподавание русского языка и литературы.

Языковое и литературное образование представляет собой целостную систему учебных предметов, изучающих духовную культуру народа, выраженную в языке и литературном творчестве, характеризующуюся единством целей и подходов.

Вопрос о сущности языкового и литературного образования — это вопрос о их месте в системе образования, целях, задачах и содержании. Их специфика определяется существенными характеристиками языкового и литературного компонентов образования.

Как известно, язык — форма существования и выражения человеческой мысли, средство фиксации и сохранения накопленных знаний, их передачи из поколения в поколение. Язык универсален и не может быть отнесен только к области гуманитарного образования. В то же время язык — первоэлемент художественной литературы как словесного искусства, его изучение помогает понять значение слова в художественном тек-

сте, его скрытые возможности, углубляет знание языка, способствует развитию речи.

Литература относится к сфере искусства, основу которого составляет художественная образность, создаваемая посредством слова. Литература — наиболее совершенная, полная форма бытования национального языка.

Возможность создания целостной системы языкового и литературного образования предопределяется их общностью, которая характеризуется наличием единой основы — текста и его структуры, эстетической функции слова, изобразительно-выразительных средств языка, стиля и т.п. Обучение языку наряду с усвоением его формальных категорий и коммуникативной функции включает изучение его эстетической функции, языка как хранителя всей духовной культуры народа и, прежде всего, литературы.

Одной из основных задач изучения литературы является понимание ее как словесного искусства. Это значит, что нравственный и идейный пафос литературного произведения осваиваются через систему художественных образов, созданных средствами языка. Наряду с выяснением таких компонентов, как композиция, сюжет, художественное пространство, художественное время, образ автора и т.п., при изучении литературного произведения необходимо обращать особое внимание на художественное слово, язык в его эстетической функции. Изучение языка и изучение литературы также связаны между собой. Знакомство с художественными произведениями — это знакомство и с лучшими образцами русского литературного языка.

Методика преподавания русского языка в условиях диаспоры, по нашему мнению, должна быть ориентирована на текст. Первостепенное значение приобретает тот факт, что в художественном произведении язык отражен тройко — как живая речь, как литературная норма и как произведение искусства [Винокур 1959: 257]. Художественная литература является материалом для формирования речевых навыков и умений в различных видах речевой деятельности. При изучении русского языка в условиях диаспоры, в условиях постоянно сужающейся сферы функционирования русского языка, русская литература служит также и средством моделирования русской языко-

вой среды. Художественный текст — это стихия родного языка, точнее родной речи, способной разбудить в ученике речевую чуткость и развить речевую интуицию, основанную на глубинном многоречии современной русской языковой культуры. Лингвистический анализ художественного текста не только направлен на воспитание культуры чтения, на понимание образного языка произведения, на умение выделить авторскую оценочную точку зрения и восприятие целостного эстетического смысла текста [Гореликова, Магомедова 1989: 5–10], но и помогает учащимся овладеть национально-культурной семантикой языка. Лингвистический анализ текста позволяет раскрыть перед учащимися многообразие проявлений национально-культурной семантики русского языка как на уровне языковых средств, так и на уровне самого национально-специфического формирования мысли, который складывается под влиянием этнокультурного контекста. Лингвистический анализ выявляет экстралингвистическую природу образности русского художественного текста, развивает навыки и умения определения культураносной функции языка. На это указывают и современные ученые. Так, С. Аверинцев, определяя филологию как содружество гуманитарных наук, имеющих двупольярную структуру, отмечает, что на одном полюсе — скромнейшая служба при “тексте, не допускающая отхода от его конкретности; на другом — универсальность, пределы которой невозможно очертить заранее” [Аверинцев 1987: 467].

В преподавании языка и литературы в условиях диаспоры необходим культуроведческий аспект, язык и литература должны изучаться в контексте национальной культуры русского народа. Учащийся должен увидеть русский народ в непосредственных проявлениях его духовной жизни.

Обоснование содержания литературного и языкового образования открывает возможность для последовательного и разностороннего этнокультурного образования учащихся русской школы, что представляется в сегодняшней ситуации особенно важным.

В русской школе в условиях иноязычного и инокультурного окружения особую значимость приобретает принцип **диалога культур**, опирающийся на концепцию М. М. Бахтина. Полемизируя с живучим односторонним и потому, на его

взгляд, неверным представлением о том, что “для лучшего понимания чужой культуры надо как бы переселиться в нее и, забыв свою, глядеть на ту глазами этой чужой культуры”, М. М. Бахтин утверждает, что “один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними намечается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответ на эти вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая новые стороны, новые смысловые глубины. При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются” [Бахтин 1979: 334–335].

Ценностные и духовные спектры разных культур сталкиваются в одном культурном пространстве, в одном сознании и мышлении, требуют от человека не однозначного выбора, а постоянного духовного сопряжения, взаимоперехода, глубинного спора. В диалоге разных культурных смыслов бытия — суть современной логики мышления.

Подобное осмысление взаимодействия разных культур представляется весьма существенным для языкового и литературного образования в школе в условиях диаспоры. Оно исключает абсолютизацию национальной специфики, что ведет к изоляции, и в то же время позволяет сохранять национальную самобытность. Такой подход предполагает взгляд на родной язык и литературу, шире — культуру, со стороны и позволяет воспринимать неродную культуру не как чужую (чуждую), а иную. **Диалог культур** предполагает не оценку (лучше, хуже), а определенное своеобразие каждой из них путем сравнения и сопоставления; при этом выявляется, с одной стороны, общечеловеческое содержание национальной культуры, с другой — характерные для каждой **национальные картины мира**. При знакомстве и сопоставлении с иной культурой расширяется духовный, нравственный, эстетический опыт учащихся.

Вместе с тем следует отметить, что приобщение к другой культуре должно базироваться на твердой основе своей культуры. Ведь только тогда, когда развита исходная речевая вос-

приимчивость к иноязычию и инокультурности, только тогда диалог между культурами может быть действительно осмыслен, творчески воспринят человеком, мыслящим на родном языке. Учащийся будет мыслить по-русски, понимать иные культуры на своем языке. Только тогда, когда родной язык все время поддерживается и совершенствуется, только тогда возможно усвоение диалога культур как диалога. Поэтому должен углубляться единый сквозной предмет — русская речь, иными словами — русская словесная культура.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев С. С. 1987 — Филология. *Литературный энциклопедический словарь*. Москва.
- Бахтин М. М. 1979 — Из записей 1970–1971 годов. *Эстетика словесного творчества*. Москва.
- Быстрова Е. А., Черкезова М. В. 1997 — О филологическом образовании в школе. *Педагогика*. № 6.
- Валицкая А. П. 1997 — Современные стратегии образования: варианты выбора. *Педагогика*. № 2.
- Винокур Г. О. 1959 — *Избранные работы по русскому языку*. Москва.
- Гореликова М. И., Магомедова Д. М. 1989 — *Лингвистический анализ художественного текста*. Москва.
- Данилюк Л. Я. 1997 — Понятие и понимание русской национальной школы. *Педагогика*. № 1.

ОБРАЗОВАНИЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК СРЕДСТВО ИНТЕГРАЦИИ ОБЩЕСТВА ЛАТВИИ

Т. ЛИГУТА

Одной из самых актуальных проблем развития общества Латвии сейчас является проблема интеграции. Существует много определений этого понятия, часть которых фактически сводит интеграцию к ассимиляции. В этом контексте представляется важным различать, даже на уровне языка, интеграцию **нелатышей** в латышское **общество** и интеграцию **общества** Латвии. В данной статье под **интеграцией** понимается создание “общества, в котором существуют общие ценности и цели, различные этнические группы соучаствуют в жизни государства, есть общий язык общения при сохранении многообразия культур” (определение разработано и принято в Фонде Сороса в Латвии). Данный термин обозначает как процесс, так и состояние общества. Для настоящего времени состояние интеграции — это цель, к которой мы стремимся, а процесс — это путь, которым мы пытаемся пойти. В качестве общих ценностей вырисовывается принадлежность к Латвии, независимость, безопасность страны, благосостояние и благополучие ее народа, гражданское общество, основу которого составляет политическая нация.

Ключевым моментом интеграции является **образование**, поскольку именно в системе образования формируется будущее страны. Юность — это период, когда складывается личность, поэтому любая школа не только дает образование, но и воспитывает. Общие ценности интегрированного общества именно в школе становятся основой личности человека, здесь

закладывается толерантность / нетолерантность по отношению ко всему, что отлично от “своего”. Именно в школе, и особенно в средней школе, юный человек включается в круг культуры своего народа, а тем самым и в круг мировой культуры. Таким образом в школе происходит передача культурных и языковых традиций новому поколению, обеспечивается преемственность, а также сохраняется языковая, культурная и национальная идентичность личности.

В настоящее время в Латвии существуют три типа школ по языку обучения — с обучением на латышском, на русском и на языках других этнических меньшинств. Вместе с тем возрождаемая после восстановления независимости система школ национальных меньшинств большого развития не получила — только польские школы представляют собой небольшую сеть и за пределами Риги, остальные сосредоточены в Риге, в них учится очень небольшое число детей и новые школы практически не появляются. Во многих из этих школ большая часть предметов преподается на русском или латышском языке. Таким образом, мы все-таки имеем **два основных языка обучения**, что, как свидетельствует Министерство образования и науки, “в целом соответствует и распределению языков в семье” [Sabiedrības integrācija 1998: 10].

О том же говорят и данные, полученные в результате опроса родителей в русских школах, проведенного Латвийской ассоциацией русского языка и литературы. Несмотря на общеизвестный пестрый этнический состав русских школ, русский в качестве языка, на котором говорят в семье, указали 97% наших респондентов, для остальных 3% он является языком семьи наряду с каким-нибудь еще. Следовательно, полиэтническая русская школа, которой на этом основании многие хотят отказать в статусе национальной, оказывается совершенно монолитной в лингвистическом плане. Это можно считать наследием советской эпохи, результатом политики русификации, но данные того же опроса показывают, что родной русский язык большинство этих людей считает своей ценностью, так же как и принадлежность к русской культуре. Этот факт может нравиться или не нравиться, но не считаться с ним нельзя.

Большая часть латышского общества, в том числе и Министерство образования и науки и другие официальные круги, признают разделенность школ по языку обучения одним из основных препятствий на пути интеграции, средством формирования двухобщинного государства. В качестве основных упреков при этом выдвигается разница в содержании образования, ценностной ориентации, существование разных информационных полей, отсутствие общения между учениками и, соответственно, учителями с разным родным языком, неспособность русской школы обеспечить достаточно высокий уровень владения латышским языком.

Предлагаемое средство решения проблемы, как его определяет принятый Сеймом Латвии закон об образовании и законопроект о языке, — введение с 1999–2000 уч.г. программ билингвального образования для школ, осуществляющих программу образования национальных меньшинств, и перевод с 2004 г. всей средней школы (X–XII классы) на латышский язык обучения, за исключением предметов национального цикла (язык, литература, история культуры). Под билингвальным образованием понимается постепенное увеличение с I до IX класса числа предметов на латышском языке, предложенные модели при этом отличаются лишь интенсивностью такого перехода.

Единство содержания образования в стране обеспечивается действием единых образовательных стандартов и программ. В качестве основных учебных пособий используются только изданные в Латвии и, следовательно, одинаково ориентированные на Латвию. Различие, в основном, определяется национально-языковым элементом, т.е. является объективным. Кроме того, некоторая разница в содержании образования создается за счет действительно разной ценностной ориентации. Если латышская школа ориентирована на латышский язык и латышский народ как высшую ценность, то для нелатышской школы эта безусловно важная ценность не может быть первой, так же как не может быть таковой и ориентация на Россию. Поэтому на первый план выходит человек вообще и общечеловеческие ценности, содержание образования получает несколько космополитический характер. К сходным выводам

пришли и эксперты программы “Перемены в образовании” Фонда Сороса-Латвия, сравнивавшие учебники для русской и латышской школы, которые отметили мононациональную ориентированность латышских учебников, отсутствие в них упоминаний о существовании в Латвии национальных меньшинств. В учебниках же для школ меньшинств есть сведения о латышском народе и своем меньшинстве, но нет упоминания о других меньшинствах.

Очевидно, что изменений в содержании и некоторой ценностной переориентации требует программа как русской, так и латышской школы. Во главу угла должны быть поставлены общие, интегрирующие ценности, о которых говорилось выше. Программы как иноязычных, так и латышских школ должны включать сведения об этнических и лингвистических меньшинствах Латвии и обеспечивать интеркультурное воспитание. При этих условиях наличие различного “национального” блока программы не будет мешать интеграции.

Информационная разделенность является общей бедой нашего общества: люди, говорящие на разных языках, пользуются разными средствами масс-медиа и получают разную информацию, поддерживающую существование сложившихся стереотипов и мифов о другой стороне. Именно школа должна стать тем местом, где информационная разделенность не углубляется, а преодолевается, и этому совсем не мешает разный язык обучения, если учащиеся (и учителя) владеют обоими языками и на уроках используются разные, в том числе и разноязычные, источники. Средством преодоления информационной разделенности могли бы быть специальные “часы информации” и другие мероприятия.

Существенным препятствием на пути интеграции является **недостаток общения**. Именно на это в качестве причины недостаточного владения языком указывают многие родители в проведенном нами опросе. Большинство из них (64% ответивших на этот вопрос) наиболее предпочтительной формой углубленного изучения латышского языка считает различные виды внеклассной работы и общения на латышском языке. Развернутая программа организации такого общения предложена в проекте Фонда Сороса “Открытая школа”. Представля-

ется, что эта программа могла бы быть более эффективна, чем перевод образования на латышский язык, предполагающий, даже в самом мягком варианте, существенное сокращение функционирования русского языка, но не отменяющий обучения русскоязычных и латышских детей в разных школах, поскольку сохраняются средние школы с программами национальных меньшинств, хотя и с преподаванием почти всех предметов на латышском языке.

Много говорится об обостренной языковой ситуации в Латвии. Думается, что эта ситуация обострена искусственно, особенно в связи с прошедшим референдумом и выборами 7 Сейма. Исследование “На пути к гражданскому обществу”, проводившееся в Латвии в 1997–1998 гг. под руководством Управления натурализации [Rētiņumi... 1998], показывает, что большинство нелатышей считает знание латышского языка необходимым и хочет совершенствовать свои языковые навыки. О том же говорят и наши данные. От 18% до 25% опрошенных в свои модели языка образования на различных этапах включает латышский язык, плохое обучение латышскому языку и недостаточность общения на латышском чаще всего признают недостатками русской школы. Следовательно, нежелание изучать язык — это просто миф.

Уровень владения языком совсем не так плох, как нам часто пытаются представить. Большинство суждений основано на собственной оценке говорящих, которые не обязаны быть объективными. Преподаватели Государственной программы овладения латышским языком (ГПОЛЯ), а также отдельные члены Языковой инспекции отмечают, что уровень владения латышским языком вырос очень существенно и “плохо” в самооценке в 1998 г. несопоставимо с “плохо”, например, в 1992 г.

Тем не менее мы еще далеки от желаемого — чтобы латышский язык могли употреблять и употребляли бы в самых разнообразных ситуациях если не все, то почти все жители Латвии. Эту задачу, без сомнения, должна и может решать школа, в которой латышскому языку должно быть отведено особое место. Необходимо государственное планирование и совершенствование подготовки кадров в педагогических вузах, всесторонняя, в том числе и материальная поддержка

ГПОЛЯ, поощрение успешно работающих учителей латышского как второго языка и т.п. При этом надо иметь в виду, что как подготовка обеспечения (кадры, учебные пособия и т.д.), так и овладение языком — процесс, требующий времени.

Обучение языку не может быть успешным, если это только объект, но не инструмент познания, поэтому должны существовать различные формы освоения предметов на латышском языке, по выбору школы, родителей и учеников. Это могут быть профильные курсы или факультативы по интересующим ребенка предметам, преподавание на латышском языке предметов, связанных с Латвией, или леттоника — специально разработанный курс с I по XII класс, на латышском языке, знакомящий детей с природой, окружающей средой, обычаями, культурой и т.д. Латвии, а также включающий основные сведения из различных областей знания, подобно уже апробированному курсу эстики в Эстонии. Именно эти формы углубленного изучения латышского языка выбрало большинство родителей, участвовавших в нашем опросе (37% за факультативы и 35% за леттонику).

Таким образом, существование школ с разным языком обучения в его теперешнем виде, действительно, создает помехи в интеграции. Вместе с тем вспомним, что в настоящее время интеграция — это процесс, путь, и на этом пути всему обществу, и школе в том числе, предстоит измениться. Мы пытались показать, что устранить обстоятельства, мешающие интеграции, можно без ликвидации образования на русском языке.

Существование образования на разных языках имеет и свои преимущества, утратить которые было бы неразумно.

Отсутствие разрыва между языком и мышлением в обучении. Изучая разные предметы, ребенок, а затем подросток, не только познает окружающий мир, при этом развивается и его мышление, формируются понятия. При обучении на родном языке эти процессы не противоречат друг другу, происходят наиболее естественным образом. Разрыв между языком и мышлением может сказаться, как предупреждают психологи, и на психике ребенка, ведь далеко не все дети, к сожалению, способны освоить учебный материал даже на родном языке. Обучение на родном языке способствует адекватному

восприятию информации, взаимному соответствию развития мышления и формирования представлений о мире, т.е. обеспечивает наиболее высокое качество знаний, а тем самым и конкурентоспособность в будущем на рынке труда.

Это не значит, что получать знания на другом языке невозможно. Уже говорилось, что изучение языка, с точки зрения современной методики, предполагает использование его в качестве инструмента познания, а не только объекта изучения. Тем не менее основные представления о предмете лучше получать на родном языке.

Обучение на родном языке соответствует желанию большинства родителей. Несмотря на то, что существует тенденция отдавать детей из иноязычных семей в латышские школы, более 90% детей все-таки учатся в русских школах и школах других национальных меньшинств и многие дети из латышских школ возвращаются в школы на родном языке. Этому способствует также мнение многих родителей о традиционно более высоком качестве образования в русских школах. Эту причину как основание выбора русской школы для своего ребенка отметил 31% наших респондентов. Это же качество многие родители назвали в числе достоинств русской школы.

Репрезентативный опрос жителей Латвии “На пути к гражданскому обществу” показал, что 67% неграждан и 70% граждан считают получение образования на родном языке одним из важнейших прав, которые необходимо обеспечить каждому жителю Латвии. 76% неграждан считают обеспечение образования на русском языке одной из самых актуальных проблем, которые Латвии следует решать в ближайшие 10 лет [Pētījumi... 1998]. По данным нашего опроса, русский язык обучения в детском саду предпочли бы 69% родителей и 80% их детей, в начальной школе — 73% и 83% соответственно, в основной школе (V–IX класс) — 71% и 81%, в средней — 69% и 79%. Родной язык как причину выбора русской школы отметили 56% респондентов, очень многие обучение на родном языке называют среди достоинств русской школы.

Желание родителей выражено совершенно недвусмысленно. Если одним из показателей интегрированного общества является участие различных национальных групп в жизни госу-

дарства, принятие такого важного решения, как переход образования на государственный язык, не только без участия непосредственно заинтересованной части общества, но и вопреки ее ясно выраженному мнению никак нельзя считать демократическим и способствующим интеграции.

Существование мультикультурного общества невозможно обеспечить без **сохранения в школе родного языка, культуры, литературы**, и при том не как своего рода этнографического придатка, а в качестве стержневого элемента всей образовательной программы. Глубокое и систематическое освоение культуры возможно только в средней школе, когда ребенок уже достаточно созрел для этого.

Без знания своей культуры невозможно и освоение других культур. Без этого дети, особенно не имеющие своей культурной среды дома, могут остаться вне круга культуры вообще, маргинализироваться. Если 45% родителей, имеющих в семье опыт обучения на неродном языке, отмечают в анкетах, что ребенок овладел языком, то лишь 29% считает, что ребенок воспринял культурные ценности, обычаи латышского народа.

Многие родители, участники опроса, считают, что сегодняшняя русская школа слишком мало внимания уделяет русскому языку, литературе, культуре, истории России.

Во главу угла всей работы школы следует поставить **гражданское образование и воспитание**. В настоящее время воспитание гражданина не выдвинуто государством в качестве основной задачи школы, не стало общегосударственной заботой. При этом гражданское воспитание ребенка, уже являющегося гражданином Латвии, и того, которому еще надлежит пройти процесс натурализации, не может осуществляться одинаково, следовательно, в этом процессе также особую роль должна сыграть именно русская школа Латвии.

Мы видим, что существующая в Латвии система образования не отвечает полностью интересам интеграции общества, нерешенным остается целый ряд проблем. Вместе с тем существо вопроса лежит не в разделении школы по языку обучения, поскольку связанные с этим недостатки преодолимы, а преимущества достаточно важны. В настоящее время даже в разработанной и принятой Кабинетом министров для общес-

твенного обсуждения концепции государственной программы интеграции общества Латвии все проблемы интеграции в области образования сводятся к овладению латышским языком путем перехода к образованию в основном на государственном языке и перестройке социального блока предметов [Sabiedrības integrācija 1998: 8–27]. Разумеется, такая реформа не приведет к интеграции общества, а только создаст новые проблемы. Реформа должна затронуть не только школы этнических и лингвистических меньшинств, но и латышские школы, которые не могут стоять в стороне от жизненно важного для нашей страны процесса интеграции, а вместе с тем еще менее готовы к перестройке, чем русские.

Возможные направления реформы:

1. Законодательное обеспечение существования на всех уровнях школ на языках этнических и лингвистических меньшинств с предоставлением тем самым свободного демократического выбора языка образования родителям-налогоплательщикам и детям. Школы на языках меньшинств должны существовать до тех пор, пока есть достаточно желающих в них учиться, тем более, что государству не придется вкладывать деньги в открытие новых школ. Существование школ на языках меньшинств является свидетельством свободы выбора, демократизма в решении проблем, интеграции общества, а не насильственной ассимиляции.
2. Сохранение единства содержания образования с ориентацией на общегосударственные ценности. Объективные различия в содержании определяются ориентацией на язык и культуру данного меньшинства при обязательном знакомстве с языком и культурой титульного этноса.
3. Обеспечение гражданского образования и воспитания, освоения детьми общегосударственных ценностей. Одной из основных задач школ меньшинств должно стать воспитание гражданина Латвии, подготовка к натурализации.
4. Развитие всех возможных форм общения — партнерство между школами, совместные мероприятия, взаимные стажировки учителей, обмен учениками, совместные лагеря и т.д. Языком общения при этом должен быть латышский,

что обеспечит естественную среду применения языка и совершенствование владения им.

5. Особое место латышского языка в школах этнических и лингвистических меньшинств, государственная поддержка, подготовка кадров, поощрение учителей. Разработка и включение в модели билингвального образования курса латтоники.
6. Особое внимание и государственная поддержка родному языку, литературе, культуре, истории страны — этнической родины.

Если реформа пойдет в таком направлении, мы сможем обеспечить ее демократический, а не насильственный характер, участие различных групп населения в решении общегосударственных вопросов, выработку общих ценностей для всех жителей страны и сохранение многообразия языков и культур, всегда составлявшего богатство Латвии, — т.е. создать интегрированное общество. Русская, а также и другая национальная школа Латвии станет не помехой на этом пути, а лучшим средством интеграции.

ЛИТЕРАТУРА

- Pētījumu... 1998 — *Pētījumu un rīcības programma "Ceļā uz pilsonisku sabiedrību"*. Atskaite. 2. posma rezultāti. Rīga.
- Sabiedrības integrācija 1998 — *Sabiedrības integrācija Latvijā. Valsts programmas koncepcija*. Rīga.

КОНЦЕПЦИЯ УЧЕБНИКА РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ ЛАТВИИ

Е. МАРЧЕНКО

Начиная с 1991–92 уч.г. в школах с латышским языком обучения русский язык преподается как иностранный наряду с английским, немецким, французским и др. В течение некоторого времени учащиеся имели возможность выбирать из числа названных языков первый иностранный, приступая к его изучению с третьего класса. Затем сначала в рекомендательном, а с 1998–99 уч.г. в обязательном порядке первым иностранным языком был признан английский. Таким образом, сейчас в латышской школе русский — второй иностранный язык, преподавание которого начинается в VI классе.

Процесс перехода обучения от русского языка как языка межнационального общения к языку иностранному сопровождался такими явлениями, как сокращение количества часов, более поздние сроки начала обучения, следствием чего явилось достаточно быстрое падение уровня владения языком.

Иной статус учебного предмета предполагал изменения и в его содержании и в структуре. В первую очередь необходимо было скорректировать цель обучения и привести ее в соответствие с требованиями сложившейся ситуации: не активный билингвизм, а формирование умений и навыков, позволяющих удовлетворять коммуникативные потребности в актуальных для школьников сферах и ситуациях общения. Изменение цели обучения обусловило необходимость существенного преобразования его содержания.

Курс русского языка как иностранного в Латвии складывается в русле ведущего для современной теории и практики

обучения иностранным языкам принципа активной коммуникативности, основой которого является установка на практическое овладение языком в реальных ситуациях общения. Однако становление этого учебного предмета в латышской школе сопряжено с определёнными сложностями и имеет целый ряд особенностей, обусловленных факторами как объективного, так и субъективного характера.

Например, в республике существует языковая среда, что создает возможность и необходимость использовать русский язык для коммуникации не только за пределами Латвии, но и внутри ее. Плотность языковой среды неравномерна и зависит от региона — на западе страны русского населения намного меньше, чем в ее восточных частях и в Риге. Это, естественно, сказывается на уровне владения русским языком: там, где существуют неформальные контакты, ученики говорят по-русски лучше, чем в тех случаях, когда такие контакты отсутствуют.

Вместе с тем нельзя установить жесткую зависимость уровня речевых умений и навыков учащихся от того региона страны, где они проживают. В практике обучения русскому языку отмечены многочисленные случаи, когда в школах Риги ученики впервые встречаются с русским языком на уроках в VI классе. Реальной и весьма распространенной оказывается такая ситуация: одна учебная группа объединяет учащихся с разным уровнем владения языком — от нулевого до высокого.

К факторам субъективного характера можно отнести недостаточную подготовленность многих учителей, их неумение перестроить курс, стремление перенести в современную практику обучения русскому языку методы и формы работы, относящиеся к предыдущему периоду, для которого в значительной степени был свойственен системно-грамматический подход к обучению.

Таким образом, возникла необходимость привести в соответствие название учебного предмета, его содержание и компоненты, определяющие процесс обучения.

Основную роль в этом может сыграть новый учебник, так как, по мнению И. Л. Бим, “учебник, будучи моделью системы обучения, отражает состояние теории и практики обучения в определенный исторический период” [Бим 1981: 12].

Учебник переходного периода должен подготовить преподавателей к работе в новых условиях. Необходимо, чтобы его содержание и принципы представления учебного материала существенным образом отличались от учебников предыдущего поколения. Его следует построить с учетом лингводидактических основ коммуникативной методики обучения иностранным языкам. Он должен быть похож на учебники по другим иностранным языкам — английскому, французскому, немецкому — как содержательно, так и по издательским и полиграфическим характеристикам. Своей необычностью и новизной такой учебник будет способствовать необходимости перейти на новые формы и методы работы.

В нем следует учесть все особенности переходного периода и, в первую очередь, различную степень владения учащимися русским языком. Учебный материал и содержание учебника необходимо представить так, чтобы привести в систему и активизировать языковые знания и речевые умения учащихся.

Новый учебник должен способствовать повышению мотивации к обучению, формируя образ иной России, свободный от идеологических коннотаций и недружественных стереотипов.

“Путь” — это первый опыт создания подобного учебника в Латвии. Он представляет собой национальный вариант коммуникативно-ориентированного учебника. В нем реализуются такие принципы теории обучения русскому языку как иностранному, как функциональный подход к отбору и подаче языкового материала, ситуативно-тематическое представление учебного материала, интеграция всех видов речевой деятельности в процессе развития речи, практическая направленность обучения [Костомаров, Митрофанова 1988: 11].

Учебный комплекс состоит из трех частей: “Путь 1” для X класса, “Путь 2” для XI класса, “Путь 3” для XII класса. Каждая часть включает книгу для ученика, рабочую тетрадь, аудиокассету и книгу для учителя. “Путь” имеет свободную внешнюю структуру и не предполагает жесткого прикрепления частей к конкретному классу. В зависимости от уровня владения языком учащихся они могут быть рассчитаны на учебный год или же на меньший период. Единство и преемственность частей, образующих учебный комплекс, обеспечи-

вает последовательность в нумерации циклов (“Путь 1” 1–6 циклы, “Путь 2” 7–12 циклы, “Путь 3” 13–18 циклы).

Целостность учебника создает также общий сюжет и постоянные действующие герои — Янис Калниньш, ученик X класса, его семья, друзья, одноклассники. Сюжетный принцип организации учебного материала уже стал традиционным для учебников по иностранным языкам. В учебнике “Путь” он использован для построения модели речевого поведения латыша, ученика средней школы, в актуальных для него ситуациях повседневного общения. Сюжетная организация учебного материала дает возможность моделировать эти ситуации на уроке. Вместе с тем она предполагает включение игрового элемента, момент самоотождествления с вымышленными героями, снимающий языковой барьер. Именно поэтому при разработке сюжета была выбрана биография ровесника реальных учеников, как и они, изучающего русский язык. В аудиоприложении роль Яниса озвучивал также латыш, говорящий по-русски с акцентом. Тем самым как бы устранялась граница, отделяющая героя учебника от тех, кому он адресован.

Результаты апробации в школах Латвии показали, что это достигло цели. Учащиеся считали, что Янис Калниньш — реально существующее лицо.

И, наконец, целостность учебника обусловлена его единообразным построением. Основной структурной единицей учебного пособия является цикл. Учебный материал, представленный в цикле, объединен общей коммуникативной темой и рассчитан на серию взаимосвязанных уроков. Однако структура цикла свободная, в нем отсутствует жесткое поурочное распределение материала. Учитель вправе сам выбирать стратегию обучения, принимая во внимание в каждом конкретном случае знания, умения и навыки своих учеников.

Каждый цикл также имеет стандартную структуру. Он начинается учебным текстом, который написан от лица действующих лиц и представляет собой либо рассказ главного героя, либо его разговор с друзьями. Этот текст определяет основную коммуникативную тему, ей подчинен отбор коммуникативных ситуаций, речевых интенций, лексико-грамматического материала. Здесь осуществляется первое представление лексического минимума и инвентаря грамматических моделей,

обеспечивающих коммуникативную тему. Затем следует система заданий, направленная на формирование и совершенствование умений и навыков учащихся во всех видах речевой деятельности. При этом основное внимание уделяется развитию навыков устной речи.

Упражнения на формирование навыков письменной речи представлены в рабочей тетради. Задания и учебника, и рабочей тетради имеют разную степень сложности.

В отборе текстов проявляется единство темы и лексико-грамматического материала. Все тексты цикла связаны с вводным текстом. Это самый простой текст, доступный для восприятия учащихся с невысокой языковой компетенцией. Лексико-грамматический материал, введенный в первом тексте, затем повторяется в более сложном тексте страноведческого характера из рубрики “У Лукоморья”. Наиболее сложным оказывается художественный текст, которым завершается каждый цикл. Таким образом, три основных текста объединяет не только общая тема, но и повторяющийся в них языковой материал, а цикл строится вокруг единого стержня, обретая внутреннюю целостность и завершенность.

Включение текстов разной степени сложности открывает для учителя возможность организовать обучение с учетом степени подготовленности его учеников.

Учебный текст может вводить не одну, а несколько взаимосвязанных микротем, которые соотносятся с системой заданий и упражнений, представленных в цикле.

Включенные в учебник отрывки из произведений русских писателей не предполагают систематического изучения русской литературы. Работа с художественным текстом содержит элементы лингвистического анализа и направлена на совершенствование речевых умений и навыков учащихся.

Место и роль текста определены системой постоянных рубрик. Например, “У Лукоморья”, “Газетная полоса”, “В мире интересных фактов” и др. Эти рубрики выделяются в каждом цикле и служат средством формирования его структуры. Названия рубрик являются своеобразным знаком, указывающим и учителю, и ученику, на что направлена работа с текстом из этой рубрики.

Тексты учебника знакомят латышских учащихся с жизнью, бытом, культурой, традициями русского народа, однако в них также содержится много интересной познавательной информации, связанной не только с Россией, но также Латвией и другими странами. Это реализует на страницах учебника идеи диалога культур и помогает вписать русский язык в общеевропейский контекст, что особенно созвучно условиям Латвийской республики.

ЛИТЕРАТУРА

- Бим И. Л. 1981 — Ключевые проблемы теории учебника: структура и содержание. *Содержание и структура учебника русского языка как иностранного*. Москва.
- Костомаров В. Г., Митрофанова В. Г. 1988 — *Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам*. Москва.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛАХ ЛАТВИИ

Н. П. ТРОФИМОВА

Русские и латыши издавна были соседями. Естественных границ (горы, большие реки или озера) между ними не было, и с древних времен между этими народами существовали интенсивные торговые, экономические, политические и культурные связи. По территории нынешней Латвии проходили торговые пути “из варяг в греки”: один из них — по Рижскому заливу, Даугаве (Западной Двине) и Днепру к Черному морю; второй — по Гауе на Псков и Новгород. Эти торговые связи положили начало первым русским поселениям на территории нынешней Латвии: в XIII в. уже появляются сведения о русских купцах, постоянных жителях городов Риги, Режицы (Резекне), Икскюля (Икшкиле), Кукейноса (Кокнесе), владевших недвижимым имуществом.

В конце XVIII в. отмечаются первые старообрядческие поселения в Латгалии в Вышках, в Дагде, в Люцинском и Режицком уездах. В XVIII в., после присоединения Латгалии, Видземского края и Курляндии к России, формируется русская интеллигенция (интересно, что в Риге некоторое время служил Радищев, позднее — Крылов), появляются новые русские поселения: ссыльные казаки-пугачевцы, аракчеевские военные, пограничные войска; во второй половине XIX в. (после польского восстания 1863 г.) происходит переселение малоземельных псковичей в Латгалию на бывшие польские земли. Потомки русских купцов, чиновников, интеллигенции, а также разного рода переселенцев и являются тем коренным русским населением, которое вместе с приехавшими в период советской

Латвии составляет в настоящее время 32%, а в Даугавпилсе, приграничном городе, 55,85%. Государственный язык — латышский, но в практическом общении используются два языка: латышский и русский. Любой язык в условиях контактного билингвизма имеет свою специфику. Лингвоситуация складывается в результате различных процессов, среди которых немаловажную роль играет преподавание языка в школе, его статус в ряде учебных дисциплин, цель и интенсивность изучения, методы преподавания.

В школах Латвии преподавание русского языка имеет давние традиции. Сохранившиеся учебные пособия и планы, газетные публикации и методическая литература позволяют проследить развитие методической мысли, начиная с XVIII в.

Явления школьной жизни нельзя ограничить территорией одной страны: местные педагоги и методисты имели тесную связь с Россией. В Петербурге и Москве составлялись инструкции, учебные планы, обсуждались и рецензировались учебники и методические пособия (особенно с середины XIX в.), школьными делами в Курляндской и Лифляндской губерниях неофициально руководил Дерптский учебный округ и Дерптский университет, а в северо-западной части Витебской губернии (нынешняя Латгалия) — Виленский учебный округ и Виленский университет. В Дерпте, Ревеле и Вильне издавались многие учебные пособия. Кроме того, школа испытывала сильное влияние немецкой методической мысли: до 90-х гг. прошлого столетия в гимназиях, городских и уездных школах, а также во многих сельских волостных школах обучение велось на немецком языке и при составлении учебников нередко использовались немецкие образцы.

Первые сведения о преподавании русского языка относятся к 60–80 гг. XVIII в. — Сенат издает ряд указов о необходимости изучения русского языка в Прибалтийских губерниях. В некоторых школах еще до указов вводился русский язык, напр., в рижской Домской школе в 1772 г., в иезуитской школе Динабурга в 1785 г. В качестве первых учебников использовалась грамматика Ломоносова, учебник Греча, переведенный на немецкий язык. Методы преподавания не отличались от обучения латинскому языку: наизусть заучивались параграфы

грамматики и целые страницы текста, в основном стихотворного.

Однако местные учителя ощущали острую необходимость в оригинальной учебной литературе. Первые учебники (Якова Родде, секретаря и переводчика городского муниципалитета, губернского секретаря С. Н. Волинского, московского профессора Иогана Гейма) появились в начале прошлого века и имели практическую направленность, но это не означало, что преподавание русского языка не привлекало внимания ученых-лингвистов. Вслед за петербуржцем А. Л. Шлецером, москвичом А. В. Болдыревым, учитель Выборгской гимназии, а впоследствии профессор университета Август Вильгельм Таппе внедряет в практические учебники новую методику преподавания глагола. Дерптский профессор В. Перевозииков по поручению университета изучал преподавание русского языка в школах Остзейского края, ректор Дерптского университета Густав Эверс отмечал низкие знания учителей, после чего в Дерптской учительской семинарии ввели русский язык как предмет сначала по 2 часа в неделю, а с 1832 г. — по 6 часов в неделю. Усилились требования по русскому языку на выпускных экзаменах в гимназиях и на приемных в Дерптский университет, были регламентированы требования к письменным работам: ученикам предлагались сочинения-рассуждения, переводы, напр., “О философии и религии древних греков”, перевод “Тридцатилетней войны” Шиллера и т.д. Выпускники учебных заведений XIX в. успешно выдерживали вступительные экзамены в русские университеты или школы высшего типа.

Массовый переход латышей в православие в 60-е гг. XIX в. вызвал потребность в организации православных церковно-приходских школ с преподаванием русского языка. Во второй половине прошлого века русский язык вводится во все школы Остзейского края в качестве обязательного предмета, издаются многочисленные учебные пособия, некоторые из них не утратили своей ценности и сегодня, напр., учебники Павловского, Николаича. В их создании своими рецензиями и отзывами участвовали такие видные лингвисты, методисты и лите-

раторы, как А. Востоков, Ф. Буслаев, Н. Добролюбов, Л. Толстой.

Преподавание русского языка привлекало внимание не только педагогов и лингвистов, но также общественных деятелей и литераторов различной ориентации.

К 70-м гг. XX в. уже сформировалась система преподавания русского языка в условиях билингвизма: был создан ряд интересных учебных пособий для национальной республики (Э. Бейкмане, Е. Францман, Б. Инфантьев, Г. Глазунова), разработана методика; родной язык в русской школе был главным и обязательным предметом, в латышской школе русский изучался добровольно с первого по выпускной класс как язык межнационального общения.

По данным Министерства просвещения в 1973–74 уч.г. успеваемость в республике по русскому языку в целом составила 99,4%. Иная картина складывается в настоящее время. Русский язык в школах Латвии претерпевает количественные и качественные изменения. Сокращается число русских школ. Если в 1973–74 уч.г. было 209 русских, 554 латышских школы и 165 “смешанных” (двухпоточных) школ, то в 1995–96 уч.г. русских школ насчитывается 195, латышских — 678, а двухпоточных — 145.

Резко уменьшается количество учебных часов, отведенных на ведущий предмет. В русских школах вместо 5–6 недельных часов предлагается сегодня 3–4 часа в основной школе и 1–2 часа в средней. Это безусловно отразится на знаниях учащихся, а в перспективе русская средняя школа перейдет на государственный язык обучения, когда все предметы, кроме родного языка и литературы, будут преподаваться на латышском языке.

В латышской школе русский язык теперь изучается в качестве второго иностранного языка с VI класса, русской литературы как учебного предмета больше нет, а в X–XII классах русский язык относится к числу предметов по выбору. В настоящее время ученики еще охотно выбирают его, но сейчас еще учатся в средней школе те, кто начинал изучать язык с первого класса. Через 5–6 лет старшеклассники уже не смогут избрать этот предмет в средней школе, т.к. их знания по рус-

скому языку будут на начальном уровне. Следует отметить и такую особенность нашего времени: русские родители стремятся учить своих детей в латышских школах. Тенденция вполне объяснимая, поскольку высшее образование уже сегодня — на государственном языке.

Наибольшую тревогу вызывает школьный курс русского языка в плане содержания.

Отказ от единых учебных программ в общеобразовательных школах на первый взгляд как будто дает учителю свободу действий. На практике же это оборачивается отсутствием единого подхода к предмету с достаточно размытым содержанием, нередко даже не представляющим системы.

В истории методики уже была такая ситуация. Когда в России Уставом 1828 г. русский язык как предмет преподавания был введен в учебный план, еще некоторое время цели его преподавания и содержания курса оставались неопределенными, не было единой школьной программы, что привело к следующей ситуации: уровень подготовки по русскому языку учащихся разных типов учебных заведений был настолько различен, что Московский университет был вынужден в 1835 г. сформулировать свои требования к поступающим в виде особой программы.

Эти требования долгое время служили ориентиром для преподавателей, составляющих свои программы. Через 150 лет ситуация повторяется в Латвии, но не учитываются уроки прошлого. Сегодня учителям необходимы общие для всех типов школ четкие цели и задачи курса русского языка, обеспечивающие единство требований и систематическое изложение.

В прямой зависимости от статуса предмета и целей обучения находится учебно-методический комплекс по русскому языку, который складывался в течение не одного десятилетия. В результате изменений, происшедших в обществе, он не может быть использован полностью: многие задания не отвечают современным требованиям, устарели некоторые тексты, кроме того, приоритет отдается учебным пособиям, созданным в республике. Такие учебники начинают издаваться, см.: [Пиель, Гаврилина для русской школы; Э. Райт, Н. Трофимо-

ва, Т. Иванова — для латышской школы], но работа над ними требует времени, занимаются этими проблемами творческие коллективы авторов с различной лингвистической и методической ориентацией. При отсутствии не только программ, но и единой концепции курса русского языка в школе появляются настолько разные учебные пособия, что нарушается преемственность между классами в обучении предмету, а курс теряет системный характер.

Кроме того в настоящее время со стороны руководства (Министерство образования, школьные управы) резко снизились требования к знаниям учащихся по русскому языку. Задания диагностирующих и экзаменационных работ Министерства носят модный характер тестов и не требуют глубоких знаний ни по русскому языку, ни по литературе. Для сравнения: в 1910—11 уч.г. в Митавской (Елгава) гимназии выпускники должны были высказываться по таким темам: «От “Бедной Лизы” Карамзина до “Бедных людей” Достоевского», “Быт и религия славян по народным песням”, “Влияние византийской литературы на русскую”, “Жуковский как переводчик Шиллера” и т.д.; в VII классе в середине прошлгого века предлагались сочинения-рассуждения, напр.: “Чем молодой человек должен руководствоваться при выборе рода жизни”, “Значение Кантемира в истории русской литературы”, “Характеристика Святослава по летописи”. Через сто лет в выпускном классе школьникам предлагается расставить ударения в словах, употребить слово в определенной форме (напр., 200 грамм~~ов~~, много народу, история народа и т.д.), подсчитать в предложении языковые единицы (фонемы, морфемы, слова и предложения), найти грамматическую основу, исправить ошибки в деформированном тексте, составить 4—6 предложений с историзмами или архаизмами, и т.п. Ученические ответы на них содержат лишь частичную информацию о каком-либо конкретном языковом факте, но не дают представления ни о знаниях по предмету в целом, ни о навыках владения языком.

Нетрудно предположить, как такая ситуация в школах Латвии отразится на русском языке диаспоры через несколько лет.

Во-первых, уменьшится число говорящих на русском языке за счет того, что часть русских детей перейдет учиться в латышские школы.

Во-вторых, уровень знаний учащихся понизится ввиду отсутствия программ, системности в изложении школьного курса и из-за невысоких требований.

Но самое главное — русский язык начинает испытывать значительную интерференцию латышского языка, и это становится заметным уже сейчас. Сфера употребления русского языка в ближайшем будущем будет ограничена семьей, церковью и основной школой.

В этих условиях роль учителя русского языка чрезвычайно возрастает. Помимо обучения предмету он больше чем кто-либо другой может содействовать сохранению языка и духовной культуры народа.

ЛИТЕРАТУРА

- Инфантьев Б. Ф. 1972 — *Русский язык в национальной школе Латвии*.
Семенова М. Ф. 1966 — *Восточно-латышские языковые связи по данным топонимии*.
Граудиня Л. К., Семенова М. Ф. 1977 — *Русский язык в Латвиской ССР*.
Latvijas Republikas izglītības iestādes. Rīga. 1996.

ISSN 1406-0019
ISBN 9985-56-516-9